Сергиенко А.М.

ЭХО ПОБЕДЫ в наших сердцах

Белгород 2006 В книге председателя Совета Белгородского регионального отделения РУСО (Российские учёные социалистической ориентации) помещены статьи, написанные, главным образом, в преддверии празднования 60-летия Великой Отечественной войны. Их объединяет стремление защитить от фальсификаторов истории некоторые близкие к научной деятельности автора актуальные проблемы минувшей войны. Особенность книги ещё и в том, что некоторые факты героического периода нашей советской родины в исторической военной науке освещаются впервые. Читатель узнает, кто являлся автором идеи первого салюта, как был пленен и доставлен в Москву предатель генерал Власов, правду и вымысел о легендарном «майоре Вихре» и др.

Каждая статья — результат скрупулёзного исследования, пример поиска истины в исторических фактах отечественной истории.

© Сергиенко А.М., 2006.

(Книга **«Эхо Победы в наших сердцах»** была издана в 2006 г издательством **«Отчий край»** тиражом 200 экз. Это её электронная версия, специально подготовленная по просьбе автора для Сети.)

Автором книги, которую Вы, читатель, держите в руках, является председатель Белгородского регионального отделения РУСО (Российские учёные социалистической ориентации), кандидат исторических наук Сергиенко Анатолий Михайлович. Статьи, помещённые в ней, освещают малоиз-

вестные страницы истории Великой Отечественной войны.

Тематика войны многогранна. Главным научным интересом автора является боевая история авиации дальнего действия (АДД). Не было ни одной сколько-нибудь значимой наземной операции Красной Армии, в которой АДД не принимала бы активного участия. Одной из ярких страниц её боевой истории стали полёты на специальные задания. Это полёты в интересах трёх стран Европы (Польша, Чехословакия и Югославия), а также с разведывательно-диверсионными группами на борту.

Этой работе отдано более тридцати лет жизни. Изучены тысячи дел тринадцати архивов, проведены сотни встреч с ветеранами, написаны тысячи писем. Результатом исследований стали книги «Маршрутами специальных заданий» (Воениздат, 1994), «АГОН — авиационная группа особого назначения» («Андреевский флага, 1999) и более пятидесяти журнальных и газетных статей. Подготовленные автором материалы о Героях Советского Союза АДД вошли в одноимённый двухтомник (Воениздат, 1987). Кроме этого Анатолием Михайловичем подготовлены к изданию рукописи «Авиация дальнего действия в небе над Курской дугой», «Курс — аэродром «Три дуба», «Эскадра воздушных кораблей «Илья Муромец».

Наиболее яркие и малоизвестные эпизоды из книг и рукописей легли в основу предлагаемой работы. Читатель узнает о том, как родилась

и кому принадлежала идея первого салюта; историческую правду о легендарном «майоре Вихре»; о том, как доставлялись в Москву пленённый генерал Власов и спасённые драгоценности словацкого народа; как советский экипаж эвакуировал Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии во главе с И.Б. Тито; о политическом завещании Гитлера и многом другом.

Каждый очерк — яркий пример поиска автором исторической правды, разоблачения приёмов и методов доморощенных фальсификаторов Великой Отечественной войны. С некоторыми из них читатели знакомы по газетам «Советская Россия» и «Слово коммуниста». Остальные публикуются впервые.

Не сомневаемся, что книга вызовет интерес не только у ветеранов, но и у молодёжи, у всех, кто интересуется отечественной историей.

Н.Н. Прохоров, кандидат философских наук, сопредседатель Белгородского регионального отделения РУСО.

А.П. Уваров, кандидат исторических наук, член РУСО.

Эхо Победы в наших сердцах (материал для докладов на торжественных собраниях, посвященных Дню Победы)

Никогда ещё весна не приносила столько радости, как в 1945 году — весна нашей Победы. Её живительное дыхание чувствовалось во всём. Весна того сорок пятого года разворачивала знамёна одно за другим. Ветер долгожданной победы уже полоскал алые стяги над многими столицами освобождённых Красной Армией стран Европы. Знамёна уже развивались над поверженными городами фашистской Германии. Но война ещё продолжалась, враг еще сопротивлялся. Ещё рвались снаряды и бомбы, ещё рвались нити жизней сотен и тысяч людей, но радость долгожданной Победы уже светилась в глазах миллионов.

Мы не ждали 22 июня, но мы ждали этого дня, дня нашей великой Победы. Ждали его в мечтах и своими делами, своей кровью, своими ранами и своей жизнью приближали этот день. Уже в апреле 1945 года нам было ясно, что им станет один из дней мая. Но мы тогда ещё не знали какой. Мы ждали нашу Победу, но не знали, какими словами будет сказано о ней, какие слова ударят в сердце. И вот он пришёл, этот день, день 9 мая 1945 года, и мы услышали эти слова.

«Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту.

8 мая 1945 года в Берлине представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил. Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против фашистских захватчиков, победоносно завершилась. Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы, граждане, поздравляю вас с победоносным завершением Вешкой Отечественной войны. В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в день Победы в 22 часа в столице нашей Родины Москве от имени Родины салютуют доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим блестящую Победу тридцатью артиллерийским залпами тысячу орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской флот!».

С быстротой молнии пронеслась над нашей необъятной Родиной долгожданная весть: враг капитулировал!, война окончилась!, мы победили!

9 мая 1945 года в нашей стране родился праздник — самый дорогой, самый близкий сердцу каждого советского человека. Свершившееся 60 лет тому назад принадлежит к таким мировым событиям, которые с годами не умаляются, не уходят за горизонт времени, а, наоборот, растут, поднимаются всё выше, раскрывая всё полнее своё значение для минувшей эпохи и для современности.

Этот праздник навсегда останется одним из самых ярких и незабываемых дней в истории нашей Родины. И все потуги доморощенных фальсификаторов очернить хотя бы одну грань нашей многогранной великой Победы, этого эпохального достижения советского народа обречены на провал. Но Победа не только юбилейная дата, это живая история, судьба миллионов. И сейчас, когда мы поднялись на вершину 60-летия, война кажется нам глубже, ярче, объёмнее.

Война! У неё свои законы, свой язык. У любой войны есть начало и есть конец У этой войны было своё начало и свой юнец. Мы помним эти даты: 22 июня 1941 года и 9 мая 1945 года. Между этими датами трудная дорога борьбы длиною в 1418 дней. Мы помним эти годы все вместе, и каждый в отдельности. Мы помним всю войну с первого её дня и до последнего. И время не властно над этой памятью.

Победа — это конец войне. А было её начало...

22 июня 1941 года. Спят советские люди в западных районах страны. А на Востоке уже пробудился день. И никто не знает, что там, за границей, готово всё к нападению на спящую после трудового дня страну, напа-

дению внезапному, коварному. Ни одно нападение до этого не знало такого вероломства.

Для вторжения было готово всё. Покрылись утренней росой подвешенные к крыльям четырёх тысяч самолётов бомбы. Угрюмо смотрели в нашу сторону зияющими жерлами пятьдесят тысяч нацеленных орудий. Застыли в смертельном броске три с половиной тысячи танков. Сто девяносто пехотных и моторизованных дивизий ждали сигнала, чтобы перейти нашу священную границу.

Последние секунды перед вероломством. Последние секунды мирной жизни. Последние секунды сна. Четыре часа по среднеевропейскому времени. Грань между миром и войной. Страшный удар обрушился на нашу страну. В городах и сёлах разорвались первые бомбы и снаряды. Кованный немецкий сапог ступил на землю нашей священной Родины. Так родилась война.

Первые выстрелы, первые капли крови, первые жертвы и первые герои. Первыми страшный удар фашистских войск приняли на себя пограничники. Страна ещё жила по законам мирной жизни, а пограничники уже ощущали, что такое война и что такое победа. Мы помним тех, кто на многочисленных безымянных пограничных высотах стоял с последней гранатой в руке, с последним патроном в обойме, с твёрдым желанием даже гибелью своей прикрыть родную страну от нашествия фашистских варваров. И никто не покинул заставы без приказа. Ни один пограничник не был убит в спину.

Падали, захлебываясь кровью, молодые парни в зелёных фуражках, но вновь израненные вставали к пулемётам, бросались в яростные штыковые атаки. Фашистам порой было труднее справиться с маленьким советским гарнизоном, чем в другой стране с целой армией. Одна Брестская крепость стоила фашистам дороже, чем вся война во Франции. Здесь, на границе, началась война, и здесь же, на границе, началась летопись незабываемых подвигов советских людей в Великой Отечественной войне, из которых один к одному складывалась наша Победа в сорок пятом.

Она, наша Победа — сумма подвигов фронта и тыла... Двадцать минут войны. Командир звена 46-го истребительного авиационного полка старший лейтенант ИВАНОВ применил таран и сбил бомбардировщик врага... Тридцать пять минут войны. Лётчик 124-го истребительного авиапол-

ка младший лейтенант КОКАРЕВ таранил фашистский бомбардировщик. Ещё через час воздушный таран совершил лётчик ПАНФИЛОВ.

А в 12 часов этого же дня прозвучали слова, которые четыре года каждый светский человек повторял как клятву: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». Это было сказано в первый день войны, сказано с большой убеждённостью, ибо партия знала, что на борьбу с фашизмом поднимется весь советский народ от мала до велика. Партия верила в мужество, стойкость и моральные силы советского народа.

От моря до моря развернулась великая битва, каких ещё не знала тысячелетняя история народов. Она шла на земле и в воздухе, на воде и под водой. Мы помним всё, что было.

Были чёрные дни и чёрные ночи. Были первые сводки Информбюро и голос ЛЕВИТАНА: «... после ожесточённых боёв противнику удалось потеснить наши части...» Были плакаты на всех стенах: «Ты записался добровольцем?». Первый воздушный налёт на Москву, торжественное собрание на станции метро «Маяковская» и ноябрьский парад в осаждённой столице. Прекрасное лицо Тани на газетной полосе. Обозы и эшелоны эвакуированных. Скудные пайки, вдовий плач в избах и городских квартирах. Стук костылей, инвалидные дома и похоронки: «Ваш сын в боях за Советскую Родину пал смертью храбрых».

Был приказ жестокий и суровый, как сама война, и необходимый, как высшая правда: «Ни шагу назад!». Крылатое слово: «Вперёд!» и лозунг: «Дойдем до Берлина!». Были юные краснодонцы и седовласый генерал КАРБЫШЕВ, Николай ГАСТЕЛЛО и Александр МАТРОСОВ, смертью поправшие смерть. Украинские заводы в Сибири и сибиряки, освобождающие украинские города. Был единый трудовой лагерь, сплочённый под лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы!».

И была первая победа. Она родилась у стен столицы. Как ждала этой победы страна! Она влила огромный заряд энергии в сердце каждого советского человека. Где найти меру мужества и стойкости твоих защитников, Одесса, твоих бойцов, Севастополь, твоих солдат, Киев! Ленинград! Колыбель революции, ты стал в годы войны колыбелью мужества и стойкости. Сталинград! Это имя у мёртвых стояло в глазницах. Это Канны современной эпохи. Курская битва! Это она поставила фашистскую Германию на грань катастрофы. Это она породила салюты, ставшие символами наших последующих побед.

Были сорок тысяч пленных гитлеровцев на площадях и улицах Москвы. Были песни о синем платочке, о тёмной ночи, что разделила бойца с любимой, о печурке, в которой бьётся огонь надежды. И та, самая нужная, которая стала гимном военной поры:

Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой. С фашистской силой тёмною, С проклятою ордой!

И настало время, когда ежедневно, а то дважды, и трижды в день звучал торжественный голос ЛЕВИТАНА: «Приказ Верховного Главнокомандующего. Сегодня наши войска штурмом овладели городом...». И скорбный рефрен: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

Было Знамя победы над мрачным опалённым рейхстагом, и радость народная— искренняя, всеобщая, со слезами на глазах. Небывалый салют и гитлеровские знамёна, брошенные у подножья Мавзолея.

В июле 1941 года одна фашистская газета писала: «Сопротивление большевиков сломлено. В ближайшее время Россия будет стоять на коленях и тщетно молить победителя о милости».

Не Россия стала на колени. Она, эта Россия, её чудо-народ, народбогатырь поставил на колени фашистскую германию. Представители разгромленного рейха подписали акт о капитуляции. Полной, безоговорочной.

60 лет минуло с той поры, как в обугленной Европе затихли пушки, умолкли моторы танков и рёв самолётов. Давным-давно выросла трава на полях, пропитанных кровью. Выросли деревья там, где чернели раненые стволы. На месте руин возникли новые города. Выросло, вошло в жизнь не одно новое поколение людей, не слышавших свиста бомб, не видевших перекрещенных бумажных полосок на окнах. Прошло много лет, но мы помним. Даже если бы мы попытались забыть всё это — не сумели бы. И не имеем права. Да такого права нам и не дано, хотя бы ради того, чтобы всё это не повторилось на земле никогда. Ради того, чтобы сменяющие друг друга поколения людей знали и не забывали те источники Победы, которые спасли наш народ и народы земного шара от коричневой чумы.

Победа Советского Союза во Второй мировой войне убедительно доказала жизнеспособность и несокрушимость первого в мире социалистического государства. Она явилась торжеством нового общественного и государственного строя. А то, что произошло с нами в конце восьмидесятых — это явление временное. Внутренний враг оказался коварнее врага внешнего.

Главным творцом Победы стал советский народ, совершивший подвиг, которого ещё не знала история. Подвиг на полях сражений и подвиг в тылу — на заводах и фабриках, на колхозных полях.

Дорогой ценой — жизнями миллионов — была завоёвана эта Победа. Мы низко склоняем головы перед светлой памятью тех, кто шёл к Победе и не дошёл, кто во имя этой Победы отдал самоё дорогое — свою жизнь. Это благодаря их жертвенности, их смерти враг не прошёл. Это благодаря им мы победили. Вечная память тем, кто сгорел в огне священной войны, кто смертью добывал Победу (минута молчания).

Победу обеспечили и те, кто прошёл горнило войны, кто шёл к её победному завершению и дошёл, кто во имя этой победы отдал самое дорогое — своё здоровье. Это благодаря их ранам, их пролитой крови враг не прошёл. Вечная слава тем, кого мы назвали гордым словом «Победители».

Ковали Победу над врагом не только воины и партизаны, но и труженики тыла — женщины, старики, подростки. Это благодаря их самоотверженному труду в холоде, голоде и систематическому недосыпанию Красная Армия имела всё необходимое для полного разгрома врага.

Вдохновителем и организатором борьбы советского народа с фашистской Германией была ленинская Коммунистическая партия. Сегодня все государственные структуры пытаются замолчать роль партии в организации дела Победы, как на фронте, так и в тылу, якобы КПСС никакого отношения к Победе не имела. Это самая великая ложь 20-го века. В начальный период войны более пятисот первых секретарей и 8800 руководящих партийных работников ушли на фронт. За первые шесть месяцев войны политработниками на фронт было послано 60 000 коммунистов и 40 000 комсомольцев. 60 процентов народного ополчения — члены партии. Это 2 миллиона человек. Три четверти Героев Советского Союза составили коммунисты. Всё подполье и всё партизанское движение в тылу врага возглавлялись членами КПСС. За весь период войны погибло три миллиона коммунистов. Это три четверти состава ВКП(б) к лету 1941 года. И сегодня

мы, члены КПРФ, гордимся тем, что принадлежим к партии, которая стала организатором всенародной борьбы советского народа против фашистских захватчиков, лучшие сыны которой отдали свои жизни за дело достижения Победы.

Операция «Ход конём» или как был спасён маршал И.Б.Тито

В третьей декаде мая 1944 года в Дрваре произошли весьма примечательные события. 21 мая в Рыбнице, недалеко от «столицы» борющейся Югославии, в торжественной обстановке югославское руководство отметило годовщину со дня формирования 5-го корпуса. 24 мая стало известно, что У.Черчилль объявил в палате общин об отставке югославского эмигрантского правительства Б. Пурича. А 25 мая в Дрваре готовились поздравить И.Б. Тито с днём рождения. Ему исполнялось 52 года. Особых торжеств не планировалось. Ближайшее окружение решило, что от имени всех имениника поздравит Владо Рибникар. Однако выполнить это поручение ему не удалось, ибо отметить день рождения югославского лидера решили и немцы. Конечно же, по-своему.

Весной 1944 года освободительная война в Югославии получила своё дальнейшее развитие. Союзническая материально-техническая помощь повысила боеспособность НОАЮ, она вела активные бои по всей стране. В вермахте прекрасно понимали, что успехи Англии и США в Италии, дальнейшее продвижение южного фланга Красной Армии сделают Югославию основным фронтом борьбы на Балканах. Стремясь добиться перелома на этом театре военных действий, гитлеровцы приступили к подготовке против НОАЮ нового, седьмого по счёту генерального наступления. Планировалось нанести удары по НОАЮ и партизанским отрядам в нескольких регионах страны, но основные усилия предполагалось сконцентрировать на Дрваре — месте дислокации Верховного штаба НОАЮ и политического руководства новой Югославии. По сути дела операция против Дрвара стала начальным этапом генерального наступления и получила кодовое наименование «Рёссельшпрунг» («Ход конём»).

Целью операции являлось уничтожение Верховного штаба и находившихся при нём всех учреждений, захват узла связи, нарушение управления частями и соединениями НОАЮ, уничтожение или пленение югославского руководства, прежде всего И.Б. Тито, разгром военных миссий

союзников. В конечном итоге операция должна была привести к обезглавливанию НОД Югославии и, на этой основе, его дезорганизацию.

По этому поводу составители «Дневника военных действий» (он вёлся вермахтом весь период войны) отмечали: «Так как движение Тито, охватившее большой пространственный район, не представлялось возможным полностью уничтожить в результате широких операций, возникла мысль внезапно прорваться в центральный район его господства и разгромить, или, по крайней мере, парализовать органы управления, включая иностранные военные миссии, не исключая возможности захвата самого Тито» (ИВИ, ф. 91, оп. 233, д. 58, л. 110).

Следует отметить, что аналогичная акция готовилась и проводилась против военного руководства Югославии не в первый раз. Подобными делами занимался 2-й отдел «Абвера» — немецкой военной разведки. Диверсии и саботаж — вот главное в работе этого отдела. По месту дислокации его руководства в Бранденбурге, полки, сформированные для проведения диверсий, назывались «бранденбургскими». В мае — июне 1943 года один из таких полков немецкое командование перебросило в Сербию для участия в операции «Шварц» со специальным заданием захватить И.Б. Тито вместе с его штабом. Однако осуществить замысел тогда не удалось (Дикин Ф. У. Немцы и «партизанская» борьба в Югославии. — С. 28). И вот теперь новая попытка обезглавить НОД Югославии.

Р. Чолакович, ссылаясь на книгу Вальтера Хагена «Тайный фронт», приводит такую выдержку: «Действительно существовала большая степень вероятности, что боевой подъём партизанских частей быстро пойдёт на убыль, если не будет авторитетной личности Тито, этого источника энергии армии освобождения».

План предусматривал последовательное проведение таких акций как: интенсивная бомбардировка, выброска специально обученных подразделений парашютного десанта, посадка планёров с карателями, быстрая и концентрированная атака моторизованных частей. В связи с тем, что Дрвар находился в центре обширной освобождённой территории, главная ставка делалась на воздушный десант, который против НОАЮ немцами столь масштабно применялся впервые. Именно он, используя фактор внезапности, должен был осуществить захват руководителей НОД Югославии и личный состав военных миссий союзников.

Начало подготовки, общий замысел операции «Рёссельшпрунг» и привлекаемые для её проведения силы, отразили авторы «Дневника...»: «6 мая 1944 года командующий группой «Юго-Восток» передал свои указания штабу 2-й танковой армии. В соответствии с ними, по возможности ещё в мае, используя тактику внезапности, армия крупными силами должна ударить по району Бугойно — Яйце — Баня Лука — Бихач — Книн, вывести из строя высшее руководство Тито, а затем преследовать расчленённые группы до полного их изнеможения и разгрома. Особое значение приобретает уничтожение аэродромов и мест выброски грузов.

Необходимые для операции силы следует изыскивать, беспощадно оголяя другие участки, в соединениях пяти горнопехотных армейских корпусов СС и пятнадцати горнопехотных корпусов. Необходимо также, при полном соблюдении секретности, привлекать, где только возможно, части хорватской армии.

Командующий группой «Юго-Восток» из своего оперативного резерва выделил в распоряжение армии 202-й танковый батальон, 4-й полк «Бранденбург» и 92-й мотопехотный полк. Он просил ШВГВ выделить разведывательный дивизион, прибывший из Карпат и остававшийся как резерв ШВГВ, в распоряжении 1-й горнопехотной дивизии. Наряду с этим он предполагал использовать парашютнодесантный батальон, участвовавший в операции «Майбаум», а до этого в операции против Виса. В операции должны были принимать участие и другие части дивизии «Бранденбург» (ИВИ, ф. 91, оп. 233, д. 58, л. 111).

Выделить разведдивизион для проведения операции имперское руководство отрядов СС и полиции не согласилось. Отказ мотивировался тем, что подразделение предназначалось для проведения карательной экспедиции в Верхней Крайне, и в это время было на подходе к Скопле. Однако штаб оперативного руководства обратился в Берлин по этому вопросу повторно. Разрешение на участие разведдивизиона в операции «Р» было получено 10 мая. По всей видимости, главную роль в этом деле сыграло мнение Гитлера. В «Дневнике...» записано: «10 мая фюрер, которому об этом было доложено одновременно, считал очень важным в ходе операции попытаться накрыть и уничтожить главный штаб Тито. Командующий должен был изучить возможности использования для этих особых целей батальона» (Там же, л. 112).

У десантников имелись фотографии югославского руководителя, а для его эвакуации подготовлен специальный самолёт. План разрабатывался и готовился самыми ответственными лицами фашистской Германии в атмосфере строжайшей секретности. Это и обеспечило внезапность операции. На этот факт указывают многие югославские историки. В связи с этим нельзя согласиться с мнением начальника советской военной миссии в Югославии генерал-лейтенанта Н.В. Корнеева, что «о подготовке десанта стало известно задолго до 25 мая» (Советские Вооружённые Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. — С. 202).

О том, что фактору внезапности удара по Ставке И.Б. Тито в Дрваре отводилась главенствующая роль, говорит запись в «Дневнике...»: «13 мая командующий группы «Юго-Восток» получил ряд принципиальных указаний на проведение операции. В них учитывался опыт борьбы с партизанами. Во всех до сих пор проведённых операциях противнику удавалось своевременно уходить своими основными силами от наших ударов. Именно поэтому оперативное руководство видело в соблюдении элементов внезапности основное условие успеха. Всё зависело от начала операции» (ИВИ, ф. 91, оп.233, д. 58, л. 112).

Необходимо добавить, что в июне планировалось вообще переместить в Потопи Верховный штаб со всеми его службами, а также личный состав военных миссий союзников. В постоянной готовности к неожиданному перемещению находилась и советская военная миссия. Бывший её переводчик В.В.Зеленин писал: «Генерал Корнеев отдал соответствующие распоряжения: были назначены сборные пункты сотрудников миссии...Часть имущества миссии была отправлена в посёлок Потопи».

К 20 мая штаб оперативного руководства завершил все основные мероприятия по подготовке операции. Её план был направлен руководству группы «Юго-Восток». Утвердив его, командующий немедленно передал план в Берлин. 21 мая операцию «Рёссельшпрунг» одобрил фюрер. Общий замысел её в окончательном варианте сводился к следующим акциям: «Первым при мощной поддержке нашей авиации, не считаясь с любым риском, выбрасывается парашютно-десантный батальон с задачей во взаимосвязи с частями дивизии «Бранденбург», введёнными в бой своевременно и скрытно, разрушать центральное руководство противника. Затем сильные боевые высокоподвижные группы (при наличии необходимой маскировки) проникают на участки магистральных

дорог в партизанских центрах, чтобы захватить и уничтожить привязанное к дорогам тяжёлое оружие, партизанские обозы и лагеря, и в последующем осуществить замену сброшенных парашютистов. Только после этого будут использованы все наличные и пригодные для этих целей силы для планомерного прочёсывания важнейших партизанских районов» (ИВИ, ф. 91, оп. 233, д. 58, л. 113).

И.Б. Тито со своим ближайшим окружением жил в глубоком природном гроте, у подножия горы Градиана. Подробности о его местонахождении содержаться в статье А.П. Горшкова «В частях НОАЮ»: «Тито жил не в самом городе, а в одной из скал, обрывы которых свисали над Дрваром. В расщелине отвесной скалы, высотой примерно 150 метров, образовалась большая пещера. На площадке этой пещеры был выстроен небольшой домик. Над домиком нависала скала, он стоял как бы в глубокой нише. Позади оставался небольшой проход, через который можно было пройти в глубину огромной пещеры, служившей обычно бомбоубежищем... Домик был так искусно замаскирован, что самый опытный глаз не мог отыскать его в расщелине скалы. К нему вела также хорошо замаскированная крутая каменная тропа».

Операцию «Ход конём» начала бомбардировочная авиация рано утром 25 мая, когда население Дрвара ещё спало. Самолёты подходили волнами, сбрасывали на город и его окрестности бомбы, разрывы которых сотрясали небольшую дрварскую котловину. С особым упорством лётчики бомбили дома на правом берегу Унаца, где размещался охранный батальон. Первые разрывы разбудили и подняли на ноги всех обитателей Дрвара. И. Тито, Э. Кардель и И. Милутинович находились в пещере. Сюда стали подходить другие руководители и поступать сведения о ходе бомбардировки. Вскоре, в результате ударов с воздуха, нарушилась телефонная связь.

Приблизительно в 6 часов над дрварской долиной показались планёры. Их доставили 40 транспортных самолётов «Ю-52», которые тут же выбросили парашютный десант. Планёры находились уже в свободном полёте и энергично шли на посадку. После приземления в поле за городом из них стали выскакивать гитлеровцы. Десантники открыли яростный огонь из пулемётов и миномётов, стремясь занять ключевые позиции и отрезать все пути отхода из Дрвара. Стало понятно, что бомбардировка — это только прелюдия. Надо было организовать немедленный отпор, но телефонная

связь не действовала. Используя посыльных, ВШ отдал приказ офицерской школе и 6-й Ликской дивизии немедленно вступить в бой с десантниками.

За оружие взялись руководители Югославии, генералы и офицеры ВШ. То здесь, то там стала завязываться перестрелка. Части 1-го и 5-го корпусов вступили в бой с пехотными и моторизованными соединениями врага, развернувшими наступление на Дрвар по сходящимся направлениям.

А в городе бой разгорался. Первая волна десантников после приземления стала пробиваться к месту расположения Верховного штаба. Им преградил путь батальон охраны, к которому присоединились курсанты офицерской школы. Однако противнику удалось взять узел связи. Обстановка стала угрожающей, особенно для тех, кто находился в пещере, так как выход из неё всё время был под прицельным огнём десантников, среди которых находились и снайперы. Кто-то догадался взломать пол. По верёвке из парашютных строп все спустились вниз и через сливовый сад выбрались на горный гребень над долиной Унаца, а уже оттуда двинулись в направлении Потопи.

Члены советской миссии уходили организованно. Тяжёлые испытания выпали на долю связистов, они оказались в центре десанта, но чудом сумели пробиться с боем и вынести рацию, правда, без запасного питания. Всё развивалось так стремительно, что о передаче информации в Москву не могло быть и речи.

Верховный штаб, военные миссии под прикрытием батальона охраны раздельными путями стали уходить в горы по направлению к железнодорожной станции Потони, куда и прибыли к вечеру того же дня. Находились они там, подвергаясь беспрерывным бомбардировкам, трое суток. Враг наседал, удерживать Потоци стало трудно. В ночь на 30 мая Верховный штаб и военные миссии союзников покинули посёлок и к утру следующего дня прибыли к подножию горы Великий Шатор.

Советская миссия шла без потерь. Беда была со связью. Вначале рация потеряла свою мощность, а потом вообще вышла из строя.

Все эти дни ВШ надеялся на то, что удастся оторваться от преследования, но враг шёл по пятам. Получив небольшую передышку на склоне горы Великий Шатор, руководители Югославии смогли проанализировать обстановку. Очевидным фактом являлось то, что высшие органы народной власти и ВШ потеряли связь с войсками и внешним миром, что оторваться от преследователей они не в состоянии. Надо было думать об эвакуации в

безопасное место. Но куда? Предлагались разные пункты. В конце концов, остановились на острове Вис.

Вот как события, развернувшиеся при осуществлении операции «Рёссельшпрунг» в период с 25 мая по 2 июня, описаны составителями «Дневника...»: «Операция началась на рассвете 25 мая при мощной поддержке авиации (440 самолётовылетов). Населённый пункт Дрвар был захвачен, приземлившийся там воздушно-десантный батальон уже через несколько дней был сменён наземными подразделениями. На прилегающих высотах противник оказал упорное сопротивление, чтобы выиграть, по-видимому, время для перемещения своих штабов и демонтажа оборудования. Особая боевая группа 7-й горнопехотной дивизии СС скрытно проникла в район между Дрваром и Яйце, откуда Тито удалось ускользнуть.

27 мая Дрвар достигли части, прибывшие в район с юга, таким образом, был захвачен весь район, где располагалось центральное руководство противника. Противник отступал на восток в лесистогорный район Потоци, оставляя за собой упорно сопротивляющиеся заслоны. Не обращая внимания на обеспечение флангов, командующий группой «Юго-Восток» приказал преследовать отходящие части. Особая группа 7-й горнопехотной добровольческой дивизии СС, прибывшая к этому району 25 мая, уже 30 мая ворвалась в Потоци. Противник отступил в южном направлении, по-видимому, и штаб Тито был перемещён в этот район» (ИВИ, ф. 91, оп. 233, д. 58, л. 113).

На основании этого фрагмента из «Дневника...» можно сделать вывод о том, что руководители операции «Ход конём» следы отступающего в горы Верховного штаба потеряли. Это позволило югославскому руководству в относительно спокойной обстановке обдумать свои дальнейшие действии и план эвакуации.

Вполне естественно, что единственным средством его осуществления могла стать только авиация. И.Б. Тито обратился за помощью к главам военных миссий Н.В. Корнееву и В. Стриту. В связи с тем, что все возможные ближайшие площадки оказались в руках у немцев, возникла проблема, куда посадить самолёты. После тщательного анализа пришли к выводу, что сесть они могут на высокогорной площадке в районе Купреша. Туда для подготовки посадочной полосы немедленно направили группу югославских бойцов. Ушли с ней и три члена советской миссии — А.П.

Горшков, В.М. Сахаров и штурман П.Н. Якимов, который находился при миссии. Перед их уходом Н.В. Корнеев согласовал с ним условный сигнал для посадки самолёта с тем, чтобы сообщить его в Бари советскому экипажу.

Надо особо подчеркнуть, что решающую роль в эвакуации руководства Югославии сыграл начальник советской военной миссии. Это признавал сам И.Б. Тито: «По пути советский генерал Корнеев упорно настаивал, чтобы я оставил оперативные части и перебрался в другое место, где можно было бы беспрепятственно работать. Сначала я об этом и слышать не хотел. Но англичанин Стрит был на его стороне. И я подумал — у нас есть остров Вис, там мы будем на нашей территории. Они предлагали лететь в Италию. Я заявил, что в Италию не полечу. Мне сказали, что добраться иначе нельзя, надо сначала лететь в Италию, а оттуда на Вис. Тогда я согласился».

Здесь, у подножия горы Великий Шатор, советская военная миссия разделилась на две части. В.В. Зеленин вспоминал: «31 мая во время отдыха на склоне горы Великий Шатор было решено разделить советскую военную миссию на две части. Одна из них (руководство) остаётся с Верховным штабом, а другая пойдёт в Тичево под защиту 8-го корпуса. Так же поступила и англо-американская миссия. Я попал во вторую часть».

Кто же ещё оказался в этой второй части? По свидетельству того же В.В. Зеленина в неё вошли генерал В.В. Дудаков, М.Ф. Бодров, В.С. Геращенко, Е.А. Кульков и ещё несколько членов советской миссии. Всего 14 человек. Что же касается части англо-американской миссии, то она состояла из такого же количества людей, и возглавлял её Р. Черчилль — сын премьера Великобритании. Предполагалось, что вся эта группа вылетит из местечка Тичево после 31 мая на английском самолёте.

2 июня советским радистам наконец-то удалось наладить аппаратуру. Н.В. Корнеев приказал немедленно установить связь с Москвой. Когда это удалось сделать, он передал радиограмму с просьбой «разрешить миссии вылететь в Италию, если туда переберётся руководство Верховного штаба». (Советские Вооружённые Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. — С. 203). Центр рекомендовал действовать по обстановке.

Передовой отряд шёл форсированным маршем и к утру 3 июня прибыл на Купрешко Поле. Выбрав наиболее подходящее место, личный состав отряда приступил к работам. Руководил ими штурман. Среди холмистого нагорья и возвышенностей отыскали единственный мало-мальски

ровный клочок земли — кукурузное поле, определили направление взлёта и посадки, убрали большие камни, засыпали глубокие борозды и ямы. Работы продолжались весь день.

Тем временем колонна Верховного штаба подошла к Купрешу. Пора было давать команду А.С. Шорникову, командиру советского корабля СИ-47, который находился на англо-американской военно-воздушной базе в Бари (Южная Италия). Но случилась очередная неприятность, о ней поведал Н.В. Корнеев: «Оставалось дать сигнал на базу в Бари о времени вылета самолёта за нами. Но тут случилась беда: мы не могли связаться ни с Бари, ни с Москвой. Пришлось просить англо-американскую миссию передать телеграмму Соколову (заместитель начальника советской миссии) через их радиосвязь своим шифром. Она была передана и получена квитанция. В телеграмме Соколову я написал, чтобы он выслал Шорникова на Купрешко Поле к 22.00 в ночь с 3 на 4 июня. Точно такая же телеграмма была послана в Бари через Москву». (Советские Вооружённые Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. — С. 203).

В 18 часов колонна начала заключительный этап перехода к Купрешко Полю и около 21 часа уже находилась у села Байрамовцы. Покрыв расстояние в 80 километров, руководство Югославии, военные миссии и охранные подразделения, измученные труднейшим девятисуточным переходом, прибыли к месту вылета. П.Н. Якимов доложил о готовности площадки. Н.В. Корнеев предложил И.Б. Тито осмотреть её.

В это время в Бари горстка советских людей, с 25 мая потерявшая связь со своим руководством, несколько дней была в неведении о том, что произошло в Дрваре. Союзники и руководители югославской базы тоже толком ничего не знали. Прибывший из Каира 27 мая С.В.Соколов приказал радисту А.М. Каргашину неотлучно дежурить у приёмника. Н.В.Корнеев на связь не выходил. Лишь на вторые сутки по различным каналам в Барии стали пробиваться отрывочные сведения о случившемся. Руководствуясь ими, С.В. Соколов установил круглосуточное дежурство экипажа А.С. Шорникова, члены которого должны были находиться на вилле или непосредственно у самолёта.

О том, что в Югославии что-то произошло, в Москве стало понятно, когда после регулярной и устойчивой связи с советской военной миссией, она вдруг 25 мая прекратилась. Это вызвало тревогу всех советских структур, причастных к работе миссии, и, вполне естественно, в самых высших

сферах военного командования СССР и советского правительства. Радисты Генерального штаба и ГРУ тщательно прослушивали эфир, но далёкий дрварский корреспондент молчал. Возникает вопрос: сколько времени высшее руководство страны жило в неведении по поводу случившегося в Дрваре?

В отечественной исторической литературе сложилось представление, что такое состояние продолжалось до 2 июня 1944 года. Впервые об этом написал С. М. Штеменко: «В советском Генеральном штабе те дни тоже были неспокойными. Антонов доложил Главнокомандующему, что из Югославии нет никаких вестей. Ставка поставила Генштабу задачу выяснить обстановку и при необходимости оказать помощь товарищам. 2 июня 1944 года состояние неведения наконец прекратилось: мы получили радиограмму Н.В.Корнеева».(Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. — Т. 2. — С. 200).

Это высказывание привёл в своей книге «Сталин — Тито» и Ю.С. Гиренко. Не проанализировал эту проблему и В.В. Зеленин — единственный советский историк, более или менее подробно описавший операцию «Ход конём».

Утверждение С.М. Штеменко о том, что состояние неведения продолжалось до 2 июня неверно. В подтверждение этого вывода приведём два блока документальных доказательств.

Первый, наиболее убедительный, относится ко времени, когда монография «АГОН — авиационная группа особого назначения» уже вышла из печати. Работа в Архиве ГРУ позволила выявить новые документы, относящиеся к этой проблеме. Выстроенные во временной последовательности, они показывают, когда и от кого стала поступать информация о событиях в Дрваре.

27 мая начальник ГРУ генерал И.И. Ильичёв донёс И.В. Сталину и В.М. Молотову: «С утра 25 мая 1944 года прекратилась радиосвязь с генерал-лейтенантом Корнеевым. Для выяснения причин перерыва связи мною был запрошен находящийся в Словении при Словенском штабе НОАЮ помощник начальника нашей военной миссии полковник Патрахальцев, который в 04.30 27 мая донёс: «25 мая в 7 утра в районе Корнеева (штаб Тито) сброшен парашютный десант, его действия, кажется, сочетаются с наземными. Связи не имею, обстановку выясняю» (Архив ГРУ, оп. 10721, д. 1, л. 50).

Через несколько часов И.И. Ильичёв направил И.В. Сталину и В.М. Молотову дополнительные сведения: «Находящийся в Бари наш работник генерал-майор Судаков (представитель СССР в Комиссии по перемещённым лицам. — А.С.) 27 мая донёс: «Согласно информации англичан, немцы высадили 25 мая авиадесантную дивизию в район Дрвара, место расположения штаба Тито. Югославы не имеют связи со штабом Тито. Где Корнеев, неизвестно. Английская миссия, побросав всё, вырвалась на север» (Там же, л. 51).

28 мая И.В. Сталину и В.М. Молотову от начальника ГРУ ушла новая информация: «Прибывший 27 мая из Каира в Бари заместитель Корнеева тов. Соколов донёс: «По полученным мною сведениям от генерала Велебит и майора Сарбенич, которые держат связь с 8-м корпусом через остров Вис, все иностранные миссии, находившиеся при Тито, ушли из-под удара немецких парашютистов. Где в настоящее время находится Корнеев — неизвестно. В нападении на штаб Тито участвовал парашютный батальон в составе 400 человек.

По английским данным, парашютисты уничтожены. Десант был выброшен немцами с целью дезорганизации управления войсками перед началом общего наступления. В наступлении на район других восьми корпусов участвуют 2 или 3 немецких дивизии. Аэродром Медено Поле бомбили 70 немецких самолётов. Гламоч вновь очищен от немцев. Тито требует от союзников помочь авиацией».

29 мая И.И. Ильичёв вновь проинформировал руководство страны: «Находящийся в Словении помощник начальника нашей миссии в Югославии полковник Патрахальцев донёс: «У местных англичан выяснил, что 23 мая район штаба Тито фотографировался с воздуха. 24 мая английская миссия ушла в горы. 25 мая в 7 часов высадился десант на парашютах и планёрах в расстоянии около 800 метров от нашей миссии. Количество десантников не установлено. Английская миссия располагалась от Корнесва в двух километрах. Англичане связи не имеют. Запросил через Бари. Это первый десант здесь» (Архив ГРУ, оп. 10721, д. 1, л. 52).

Следует отметить, что факт фотографирования Дрвара отражён и в книге Р. Уэста: «Первый сигнал опасности поступил 22 мая, когда немецкий разведывательный самолёт совершил продолжительный полёт над долиной Дрвара, держась на безопасной от обстрела высоте. Глава англо-

американской миссии посчитал это прелюдией к бомбардировке и переместил людей и снаряжение к ближайшему склону горы». (*Уэст Р.* Иосип Броз Тито: власть силы. — С. 227).

Наконец, ещё один документ. Его 2 июня 1944 года направил на имя начальника Отдела специальных заданий ГШ КА генерал-майора Н.В. Славина руководитель британской военной миссии в СССР генерал М. Бэрроуз: «Британская миссия сообщает, что советская миссия находится в безопасности при маршале Тито в районе Потоци в сорока километрах к востоку от Дрвара. Британская миссия доносит, что, как только окажется возможным, предполагается эвакуация примерно десяти сотрудников советской миссии» (Архив ГРУ, оп. 10721, д. 1, л. 52).

Анализ содержания приведённых документов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, изначальная информация о событиях в районе Дрвара поступила в ГРУ в 04.30 27 мая, то есть менее чем через двое суток после начала операции «Ход конём». Во-вторых, от разных источников она подтверждалась ещё трижды. В-третьих, вся информация немедленно направлялась на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова. Следовательно, утверждение СМ. Штеменко, что советское руководство до 2 июня находилось в состоянии неведения о том, что произошло в Дрваре, несостоятельно.

Мнение СМ. Штеменко опровергает и свидетельство А.Е. Голованова: «Рано утром 25 мая мной была получена радиограмма от начальника нашей радиостанции, расположенной в районе Дрвара... В ней сообщалось, что происходит высадка десанта, идёт бой. Зная, что там находится маршал Тито и наша военная миссия, я сейчас же позвонил Сталину и доложил ему.

— Вам сообщили какие-либо подробности? — спросил он.

На отрицательный ответ Сталин дал указание выяснить подробности. Примерно через два часа мы получили сообщение о том, что высажен крупный немецкий десант, захвачен город Дрвар. Из-за близости немцев радиостанцию зарыли в землю, а сами ушли в горы. Об этом я доложил Сталину уже лично, так как он звонил до этого неоднократно, справляясь, не получили ли мы каких-либо новых данных, и наконец дал указание по получении таковых немедленно ехать к нему.

Длительное время не было известно, где находится маршал Тито и его штаб. Не один раз звонил Сталин и спрашивал, не вышли ли на связь

наши люди. Когда же, в конце концов, обнаружился маршал Тито, Сталин дал указание принять все меры к тому, чтобы его вывезти. Это задание с честью выполнил А.С. Шорников». (*Голованов А.Е.* Записки командующего АДД. — С. 275).

По всей видимости, сообщение из района Дрвара А.Е. Голованов получил от радиста-коротковолновика В.С. Жаворонкова, который прибыл в Югославию в первых числах апреля в составе пополнения советской военной миссии. И хотя это предположение, но вряд ли в нём есть доля ошибки, так как иного советского радиоисточника в Югославии больше не было.

И второй блок документов. Они найдены в ЦАМО, когда рукопись «АГОН — авиационная группа особого назначения» ещё находилась в издательстве. Их также следует подать во временной последовательности.

29 мая 1944 года в 02.45 в шифровальный отдел штаба АДД за подписью генерала Н.С. Скрипко поступил текст телеграммы. Через десять минут связисты зашифровали её на бланке с грифом «особо секретная, снятие копий запрещено», а ещё через пять отправили командиру 4-го авиакорпуса. В 03.30 расшифрованный текст телеграммы был в руках генерала ГС Счётчикова: «Обстановка в НОАЮ в районе «Лебедь» изменилась. На «Лебеде» и «Соколе» (точки в районе Дрвара. — А.С.) противник. Войска остро нуждаются. На 30 мая 1944 года не менее 25 самолётов должны сбросить вооружение, боеприпасы и продовольствие, одну-две радиостанции с питанием на две площадки в 30 км юго-восточнее Босанского Петроваца. Первая: 5-8 км восточнее железнодорожной станции Потоци, вторая: 16 градусов 42 минуты и 44 градуса 23 минуты. Цели расположены почти рядом, сбрасывание произвести на любую. Напоминаю: задача очень важная. Подтвердите ясность и количество вы**деленных самолётов»** (ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 13, л. 182). Через час Г.С. Счётчиков получил ещё одно указание: «Иметь в виду: основная цель (30 км юго-восточнее Б.Петроваца) движется и может находиться юговосточнее заданной в 10-20 километрах» (Там же, л. 203).

Полученный приказ соединение выполнило в ночь на 30 мая. 26 экипажей в период 00.10-00.40 сбросили на точку близ железнодорожной станции Потоци 228 парашютно-десантных мешков с общим весом грузов 27360 кг (ЦАМО, ф. 39,оп. 11515, д. 13,л. 565). Эту же задачу, только с новыми позывными светосигналами экипажи 5-й авиадивизии выполнили в ночь на 31 мая: на 26 самолетах в Югославию доставлено 180 мешков

(21600 кг) (Там же, ф. 15-й ад, on. 1, д. 11, л. 131). Все эти грузы приняли части 5-го и 8-го корпусов НОАЮ.

Через сутки командир авиакорпуса получил новую задачу: «Прикажите Тимашеву выделить один наиболее опытный экипаж, которому в ночь на 1 июня 1944 года сбросить двух человек с грузом 300 кг радиоимущества на одну из целей, что юго-восточнее Б.Петроваца. Люди и груз будут доставлены к 10.00 31 мая. Сброс произвести с небольшой высоты. Скрипко» (ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 13, л. 2).

Выполнение этого задания П.Е. Тимашев поручил одному из опытнейших экипажей под руководством командира корабля К.М. Кудряшова. Имея на борту двух пассажиров, взяли курс на Югославию, однако погодные условия на маршруте оказались такими сложными, что после двух часов полёта командир авиадивизии дал команду на возврат (там же).

Ещё через сутки штаб авиакорпуса принял новый приказ: «Одному экипажу вылететь на выполнение задачи, которая была в ночь на 1 июня по цели, что 30 км юго-восточнее Б.Петроваца. При отсутствии сигналов сбросить точно, ориентируясь по местности» (Там же, л. 226). В связи со сложными метеоусловиями экипаж вновь возвратили с маршрута.

Затем последовала серия более конкретных указаний: «В ночь на 3 июня Кудряшову сбросить на плато, что между отметками 1872 и 1862 (гора Великий Шатор), двух человек и радиостанцию. Светосигнала цели не будет». В тот же день поступило уточнение: «Цель для Кудряшова переместилась в район Благай, что 87 км юго-восточнее Б.Петроваца. Возможно перенацеливание всей группы для сброса в данном районе». Затем: «В ночь на 4 июня Кудряшову не вылетать, отбой» (Там же, л.л. 234,238,239).

И ещё один весьма интересный факт. В эти дни командующий АДД находился в Калиновке. З июня его заместитель генерал Н.С. Скрипко донёс из Москвы: **«В 21.00 мною получен приказ Наркома — послать в Бари четыре Си-47»** (Там же, д. 27, л. 243).

Какие выводы можно сделать на основе анализа всех этих данных? Во-первых, все точки, на которые 5-я авиадивизия доставляла груз, а экипаж К.М. Кудряшова пытался пробиться с радиостанций и радистами, располагались в зоне отхода Верховного штаба НОАЮ из Дрвара. Во-вторых, Верховное Главнокомандование сделало все возможное, чтобы помочь ВШ

и советской военной миссии, сбросив корпусам, которые в этом районе вели с противником ожесточённые бои, 48 960 кг различных грузов. Была предпринята попытка отправить в район горы Великий Шатор двух радистов и радиостанцию. Относительно плана перелёта в Бари четырёх Си-47 можно предположить, что они предназначались для Верховного штаба НО-АЮ. Никаких других причин посылать их туда в это время у советского командования не было. Сведений о том, что эти самолёты в Бари убыли, нет, следовательно, необходимость их перелёта туда отпала.

И действительно, именно в эту ночь штаб И.Б. Тито и часть военных миссий СССР, США и Великобритании из угрожающего района были вывезены. Информацию об этом, кстати, Н.С. Скрипко получил во второй половине дня 5 июня. А.Е. Голованов в это время находился в Виннице. Туда его заместитель в 16.50 и передал: «По сообщению Ильичёва, Шорников вывез самого важного пассажира с Корнеевым и даже с соседями. Сделал в одну ночь два вылета» (ЦАМО, ф. 39, оп. 11515, д. 13, л. 265).

И, наконец, в-третьих, Верховное Главнокомандование и штаб АДД знали об оперативной обстановке в районе Дрвара, более того, знали о передвижении Верховного штаба. Следовательно, обо всём этом не мог не знать Генеральный штаб Красной Армии и оперативник номер один — генерал СМ. Штеменко.

В связи с тем, что в ряде источников приводятся разные сведения о количестве пассажиров, которых вывез за два рейса экипаж А.С. Шорникова, следует проанализировать и эту проблему. Разночтения по вопросу количества в основном имеют место между советскими и английскими данными.

Каких-либо архивных документов, отражающих число вывезенных советским экипажем пассажиров, не найдено. Единственным источником является свидетельство самого командира корабля: на борт самолёта в первом и втором вылетах с Купрешко Поля поднялось по 20 человек. Эти цифры подтверждает и Н.В. Корнеев: «После обмена мнениями о количестве людей, которых можно взять на борт (было решено взять 20 человек), началась посадка в самолёт. Доставив всех благополучно в Бари, экипаж Шорникова совершил ещё один полёт на Купрешко Поле и вывез оттуда ещё 20 человек». (Советские Вооружённые Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. — С. 218).

Работа советского экипажа по спасению ВШ НОАЮ и военных миссий стала предметом обсуждения между заместителем Народного комиссара иностранных дел СССР и послом Великобритании в Советском Союзе. 5 июня А.Я. Вышинский пригласил А. Керра в НКИД и вручил ему официальное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Только благодаря наличию одного советского самолёта в Бари, который сделал за одну ночь два полёта к штабу партизанского движения, удалось спасти маршала Тито и его группу, а также часть работников английской и советской военных миссий. Английские самолёты в это время были заняты другими операциями». Как видим, советская сторона не сообщила послу Великобритании каких-либо конкретных сведений о количестве эвакуированных экипажем А.С. Шорникова пассажиров.

Первая официальная информация по этому вопросу отражена в письме главы британской военной миссии в СССР на имя генерал-майора Н.В. Славина, в котором, в частности, сообщалось: «Советская авиация совершила два самолётовылета и эвакуировала примерно 30 человек, хотя точное число их пока неизвестно» (АВП, ф. 06, оп. 6, д. 388, л. 11).

В письме на имя А.Я. Вышинского от 14 июня посол Великобритании в СССР А. Керр цифру эвакуированных экипажем А.С. Шорникова пассажиров подтвердил, разделив при этом количество вывезенных по принадлежности к той или иной стране: «Советским самолётом — 25 партизан, 4 советских гражданина и один британский гражданин; самолётом Средиземноморских Военно-Воздушных Сил — 51 партизан, 14 советских граждан и 9 английских граждан». (Отношения России и Югославии. — С. 270).

Больше никаких советских, югославских или англо-американских источников, отражающих количество вывезенных экипажем А.С. Шорникова пассажиров, не обнаружено. Анализ же приведённых, показывает, что за два рейса, с точки зрения целесообразности, экипаж никак не мог взять только тридцать человек. По всем авиационным канонам на борт самолёта Си-47 можно брать 20 человек. Эти правила не всегда соблюдались, иногда некоторые лётчики увеличивали количество перевозимых людей, объясняя эти нарушения многими причинами. По всей видимости, учитывая высокий ранг пассажиров и трудные условия взлёта с совершенно незнакомой площадки, командир корабля не рискнул нарушить инструкции и, соблюдая их, принял на борт максимум дозволенного — по 20 человек.

Цифра же, отражённая в английских документах, вызывает большие сомнения. В неё можно было бы и поверить, если бы советский экипаж совершил один вылет. За два же, когда обстановка чрезвычайная, брать на борт общее количество пассажиров в 30 человек — это не рационально. Логика подсказывает: в той обстановке загрузка в пределах дозволенного, могла быть только максимальной. А, зная лётчика, можно однозначно сказать, что он мог взять людей только больше, но никак не меньше.

Однако сведения А.С. Шорникова, а также выводы и рассуждения автора статьи, сделанные на основе анализа документов, отражающих количество вывезенных советским экипажем пассажиров, опровергаются, когда начинаешь анализировать их персональный состав.

Сведения о том, кто конкретно поднялся на борт самолёта при первом рейсе, отражены в двух источниках. Первый — это доклад А.С. Шорникова на имя начальника ГУ ГВФ. В нём, в частности, говорится: «Распоряжением Корнеева были посажены в самолёт и вывезены в Италию: маршал Тито, часть членов Верховного штаба, сам Корнеев и часть его миссии, и часть английской миссии во главе с исполняющим обязанности начальника миссии».

Достоверным источником, раскрывающим персональный состав пассажиров, можно считать и книгу М. Джелебджича и Д. Отовича «Полёты Тито во время войны». На 37 странице авторы перечисляют: «В самолёт вошли, по свидетельству ряда участников этого полёта: И.Б. Тито, Н.В. Корнеев, Э. Кардель, А. Йованович, И. Милутинович, А. Ранкович, секретарь Тито Доворианка Паунович-Зденка, исполняющий обязанности начальника англо-американской миссии полковник В. Стрит, бойцы личной охраны Тито Н. Прля, Б. Чолич, З. Стругар, В. Броз, Б. Броз и девять офицеров кавалерийского эскадрона (так именовалась личная охрана Тито) во главе с Д. Глигоричем. Здесь же был начальник шифровального отдела Верховного штаба Бранка Савич. Вместе с Тито в самолёт забрался и его пёс Тигр». (Джелебджич М., Отович Д. Полёты Тито во время войны. — С. 37).

На 45 странице этой книги авторы приводят имя ещё одного пассажира-югослава — личного врача И.Б. Тито Стьепана Штанера-Стефа. Таим образом, только югославских пассажиров набралось 22 человека. Если к ним приплюсовать Н.В. Корнеева и В. Стрита, то это уже 24. Но и это не всё. Как свидетельствует советник советской миссии В.М. Сахаров, первым рейсом улетел он и шифровальщик. Василий Михайлович приводит такие фак-

ты, которые не позволяют усомниться в справедливости его слов. Значит, всего 26 человек. Это многовато, но, по крайней мере, не 20 человек.

Опереться на какие-либо советские первоисточники, раскрывающие персональный состав пассажиров, улетевших первым рейсом на самолёте А.С. Шорникова с Купрешко Поля, не предоставляется возможным, ибо таковых нет.

Кто улетел вторым рейсом? На этот вопрос полного ответа также нет. Ни архивные документы, ни исторические исследования не упоминают ни одной фамилии пассажиров второго рейса. Ни югославских, ни советских. Есть лишь свидетельство одного участника тех событий В.М. Сахарова о том, что вторым рейсом улетел генерал А.П. Горшков.

Таким образом, сведения о количестве вывезенных экипажем А.С. Шорникова пассажиров противоречивы, их точная цифра не установлена до сих пор. Не подлежит сомнению одно: высшее руководство новой Югославии, руководителей военных миссий с площадки Купрешко Поле в Бари в ночь на 4 июня 1944 года доставил советский экипаж А.С. Шорникова.

И.Б. Тито пробыл в Бари три дня. Всё это время он жил на вилле С.В. Соколова и усиленно работал, а, завершив неотложные дела, 6 июня на английском миноносце «Блекмур» отбыл на остров Вис.

В те тревожные дни встал вопрос о сохранении в тайне места новой дислокации ВШ. Инициативу проявили англичане. При упомянутой 5 июня встречи А.Я. Вышинского с А. Керром, последний передал заместителю Наркома письмо с изложением этой просьбы.

А.Я. Вышинский заметил, что предупреждать советскую сторону о сохранении тайны в подобных вопросах нет необходимости, здесь важно, чтобы сведения не проникли в печать по другим каналам и, в частности, не попали бы в руки иностранных корреспондентов. А. Керр с этим согласился.

Затем по этому вопросу НКИД СССР уведомил британское посольство официально: «Уважаемый господин посол, в связи с вашим письмом от 5.6. сего года относительно маршала Тито и его штаба, сообщаю, что Советское правительство получило аналогичную информацию от генерал-лейтенанта Корнеева, само собой разумеется, что эта информация будет сохранена в тайне» (АВП, ф. 069, оп. 6, д. 388, л. 2).

Аналогичную просьбу англичане направили и в ГШ КА. В нем говорилось: «Маршал Тито выразил желание, чтобы факт его эвакуации

оставался совершенно секретным. Никакие данные о ней не подлежат оглашению без его разрешения» (АВП, ф. 069, оп. 06, д. 388, л. 11). Генерал армии А.И. Антонов немедленно проинформировал о содержании письма А. Бэрроуза, И.В. Сталина и В.М. Молотова.

7 июня посол Великобритании в Москве обратился к В.М. Молотову с письмом, в котором проинформировал, что правительство его страны предложило И.Б. Тито опубликовать текст коммюнике о передислокации его штаба в другое место страны. А. Керр интересовался, готова ли советская сторона «предпринять аналогичную акцию» А.Я. Вышинский дал положительный ответ.

Югославское руководство высоко оценило деятельность советской военной миссии и экипажа А.С. Шорникова по спасению ВШ НОАЮ. Касаясь эпизода своей эвакуации в Барии, И.Б. Тито констатировал: «В те дни я впервые покинул оперативные части. Советские пилоты, очень храбрые ребята, прилетели ночью на Купрешко поле, и я улетел этим самолётом». Находившийся в это время в Москве член ВШ НОАЮ М. Джилас в телеграмме на имя И.Б.Тито отмечал: «Благодарим и приветствуем Корнеева и его сотрудников».

После того, как основной состав Верховного штаба и военных миссий был эвакуирован, 4-й батальон 13-й Пролетарской бригады, обеспечивавший охрану аэродрома, покинул Купрешко Поле. Утром оно было занято противником. Это подтверждает Н.В. Корнеев: «Через несколько часов после эвакуации Верховного штаба, в четыре или пять часов утра 4 июня Купрешко Поле было занято танковыми и моторизованными войсками противника. Руководящий состав югославского национально-освободительного движения был спасён. Без преувеличения можно сказать, что в этом деле решающую роль сыграли усилия работников советской военной миссии и наших славных авиаторов».

И это так. Советская военная миссия и экипаж А.С. Шорникова оказались участниками события, которое в истории освободительной войны Югославии занимает одно из самых видных мест. Члены миссии, попав через несколько месяцев после прибытия в Югославию в смертельно-опасную обстановку, испытали, наряду с югославскими руководителями и своими коллегами из англо-американской миссии, все трудности боёв, отступления и переходов. В этой экстремальной обстановке они не растерялись, проявили выдержку, организованность и сплочённость. Роль совет-

ской миссии в подготовке аэродрома на Купрешко Поле и организация эвакуации стала решающей.

В эти минуты энергично действовала и та часть миссии, которая находилась в Бари. Можно лишь представить, что было бы, если б С.В. Соколов, и экипаж А.С. Шорникова проявили пассивность и нерешительность, не подвергли тщательному анализу сложившуюся обстановку. Во всяком случае, пальма первенства в деле спасения ВШ НОАЮ принадлежала бы союзникам.

Что же касается оценки деятельности такого небольшого коллектива, имя которому экипаж, то тут применительно только одно слово — героизм. Именно оно через некоторое время вошло в те названия наград, которыми были удостоены командир корабля, правый лётчик и штурман. Все они стали Героями Советского Союза и Народными Героями Югославии. Орденами СССР и Югославии награждены и остальные члены экипажа.

Некоторые итоги проведённой операции подвели составители «Дневника...»: «В результате разгрома лагерей и разрушения средств связи, на некоторое время был выведен из строя штаб Тито. Так, например, после операции радиообмен сократился вдвое, среди убитых был инспектор войск связи. Можно было считать, что лейб-гвардия Тито оказалась весьма потрёпанной, а иностранные военные миссии, принимавшие активное участие в боях, вышли из игры. Среди убитых было 20 англичан, 6 американцев, кроме того, были взяты в плен три корреспондента с письмами сына Черчилля (которому удалось избежать их участи) английскому верховному командованию в Италии. Среди трофеев — документы большого, но не исключительного значения. Кроме того, как подчёркивал в начале июня в заключительной части оценки обстановки командующий группой «Юго-Восток», удалось заполучить очищенный, как никогда раньше, район, являющийся для Тито центральным. 1-я и 6-я красные дивизии имели большие по**тери** — **6000** человек включая раненых» (ИВИ, ф. 91,оп.233, д. 58, л. 115).

Сведения весьма любопытные, в советской военно-исторической литературе их нет. Судя по всему, они ещё и объективны. Этот вывод подтверждается следующей немецкой оценкой своих собственных потерь: «Но и свои потери, особенно в транспортных средствах, были велики, так как англо-американская авиация участвовала в боях, как никогда раньше, в огромных масштабах. Она господствовала не только на поле

боя, но и во всём хорватском районе, из которого наша авиация всё больше и больше вытесняется. Все передвижения войск в глубоком тылу можно было совершать лишь ночью» (там же). Следует добавить, что Гитлер, после знакомства с этими выводами командующего группой «Юго-Восток», потребовал к проведению подобных операций хорватские войска не привлекать.

Таким образом, в конце мая 1944 года, стараясь обезглавить НОД Югославии перед началом очередного наступления против НОАЮ и партизан, немецкое командование предприняло воздушно-десантную операцию под кодовым названием «Ход конём». Военное и политическое руководство новой Югославии, а также миссии союзников оказались в критическом положении. Понадобилось девять суток, чтобы оторваться от преследования врага. Положение спасла воздушная эвакуация из угрожающего района в Бари. Основная роль в организации этого трудного и опасного дела принадлежала советской военной миссии. ВШ НОАЮ и политическое руководство новой Югославии были спасены и получили возможность продолжить руководство вооружённой борьбой югославского народа с нового места своей дислокации. Обезглавить НОД Югославии врагу не удалось, операция «Ход конём» провалилась.

Ответственность, которая легла на плечи советских авиаторов, оказалась весьма высокой, с трудной задачей они справились успешно, укрепив ещё более авторитет советской миссии, частью которой они являлись. Профессиональное мастерство советских лётчиков в глазах И.Б. Тито и всего югославского руководства стало предметом восхищения.

К вопросу о первом салюте

5 августа 1943 года! Славная дата в истории Курской битвы, Великой Отечественной войны, в истории древних русских городов Орёл и Белгород. Весть об их освобождении в 23 часа 30 минут этого же дня принесло радио.

Это символично, что два главных города Курской битвы, ставшие в планах Вермахта отправными точками для наступления на Курск, оказались освобождёнными войсками Красной Армии в один день. Это символично, что начатое из этих городов 5 июля немецкое наступление завершилось их освобождением 5 августа ровно через месяц.

О том, какое историческое значение имело освобождение Орла и Белгорода для всей страны, говорит тот факт, что впервые за весь период Великой Отечественной войны в честь этого события была назначена торжественная церемония — орудийный салют.

Решение о первом салюте было принято Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным и отражено в его приказе по случаю освобождения Орла и Белгорода. Вот строки из этого исторического документа: «...Месяц тому назад, 5 июля, немцы начали своё летнее наступление из районов Орла и Белгорода, чтобы окружить и уничтожить наши войска, находящиеся в Курском выступе, и занять Курск.

Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орёл и Белгород. Тем самым разоблачена легенда немцев о том, что будто бы советские войска не в состоянии вести летом успешное наступление...

Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орёл и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий. Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины! Смерть немецким оккупантам!».

Озвучил приказ выдающийся мастер слова Ю.Б. Левитан. Кто из советских людей старшего поколения не помнит его удивительной красоты голоса, голоса нашей советской истории! Ещё до войны все привыкли к тому, что о самых важных и интересных событиях в жизни страны сообщал Юрий Борисович. А после 22 июня 1941 года и вплоть до Победы он был диктором Великой Отечественной войны. Каждый день рано утром все, кто имел возможность находиться у репродуктора, заслышав родное — «От советского Информбюро» — с замиранием сердца вслушивались в до боли знакомый и родной голос, стараясь по интонации предугадать хорошие или плохие вести несёт он.

Весьма интересны воспоминания Юрия Борисовича о его рабочем дне на Всесоюзном радио 5 августа: «...Я, как обычно, пришёл на радиостудию пораньше, чтобы заблаговременно ознакомиться с текстом. Вот подошло время передачи, а сводки Совинформбюро всё нет и нет. Мы волнуемся, ждём. Строим разные догадки, предположения... Наконец, звонок из Кремля: «Сводки сегодня не будет. Готовьтесь к чтению важного документа!». Но какого?

Часовая стрелка уже подходила к одиннадцати вечера, когда нам вновь объявили: «Сообщите, что между 23 и 23 часами и 30 минутами будет передано важное правительственное сообщение». Каждые пять минут мы повторяли в очень сдержанных тонах эту фразу. А время между тем шло и шло... И вот появился офицер с большим запечатанным конвертом. Вручает его председателю Радиокомитета. На пакете надпись: «Передать по радио в 23.30». А времени уже, можно сказать, нет. Бегу по коридору, на ходу разрываю пакет. В студии уже произношу: «Говорит Москва», а сам торопливо пробегаю глазами текст...

«При-каз-з-3—з Вер-хов-но-ко-ман-ду-ю-ще-го...» Читаю и нарочно растягиваю слова, чтобы успеть заглянуть в следующие строчки, узнать... И вдруг понимаю — большая победа: Орёл и Белгород освобождены! Зарябило в глазах, пересохло горло. Торопливо глотнул воды, рывком расстегнул воротник... Все охватившие меня чувства вложил я в заключительные строки: «Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины — Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орёл и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий...».

В назначенное время, секунда в секунду, небо над военной Москвой озарилось вспышками первого салютного залпа. Его эхо покатилось по

улицам столицы, ворвалось в мощные радиоусилители, чтобы через несколько секунд вырваться через микрофоны миллионов радиоприёмников и радионаушников в разных уголках нашей страны. Потом был второй залп, третий...

На столь знаменательное событие не могли не отозваться советские поэты и писатели. Уже 6 августа почти все газеты страны поместили их статьи, стихи, репортажи. Николай Асеев: «Стальные глубокие груди до самого сердца вздохнули: сто двадцать орудий слились в нарастающем гуле. Раскаты! Раскаты! Раскаты! Приветом державным откликнулась зычно, Москва, ты сынам своим славным. Откликнулась пламенным голосом, как надо дерзать и бороться своим беззаветным орловцам, своим храбрецам белгородцам».

Александр Твардовский: «И голос праздничных орудий в сердцах взволнованных людей был отголоском грозных будней, был громом ваших батарей. И каждый дом, и переулок, и каждым камнем вся Москва распознавала в этих гулах — Орёл и Белгород — слова».

Семён Кирсанов: «От огня артиллерии беглого розовеют окраины сёл. За спиной - отвоёванный Белгород, за плечами отбитый Орёл».

В газете «Красная звезда» Алексей Толстой поместил статью «Салют Победы». Автор «Петра Первого» и «Хождения по мукам» писал: «По традиции Суворова прогремела слава русской армии, Красной Армии, выигравшей величайшую в истории битву, которая начата была 5 июля немцами, а 5 августа победно закончена русскими... Оказывается, под жарким солнцем августа немецкие пятки сверкают не хуже, чем деревянные подмётки эрзац-валенок на январском снегу».

Возникают закономерные вопросы: почему текст приказа Верховного Главнокомандующего был передан практически в полночь, что помешало его подготовить заранее, ведь Орёл и Белгород были взяты советскими войсками утром, почему между известием о салюте и его залпами было всего тридцать минут?

Приказ и его передача в эфир задержались из-за того, что идея салюта в честь освобождения Орла и Белгорода родилась в этот же день, 5 августа. От её зарождения (15 часов) до озвучивания (23.30) было всего 8 часов 30 минут. Весть о победе на Курской дуге, которую исподволь с великим нетерпением ждала вся страна, эту весть нужно было озвучить немедленно, именно в день освобождения Орла и Белгорода, то есть 5 августа, и

никак не позже. Но не только озвучить текст приказа, но и подготовить к практическому исполнению один из его пунктов — подготовить салют. Он должен был прозвучать во временных пределах тех суток, в течение которых были освобождены два главных города Курской битвы.

Вот почему Юрий Левитан раскрывал пакет с текстом приказа на ходу, вот почему его голос уже произносил первые слова, а глаза читали текст дальше, с тем, чтобы самому понять, что же там впереди, вот почему от известия о салюте и до его первого залпа оставалось тридцать минут.

Кому же принадлежала идея первого салюта, и когда были даны указания на её воплощение в жизнь?

В начале августа 1943 года подходил к концу первый месяц Курской битвы. Уже были позади наступательные действия немецкофашистских войск на северном и южном фасах Курской дуги, уже отгремело танковое сражение под Прохоровкой, уже, сдержав натиск врага, советские фронты повели наступательные действия. Более успешно они развивались на орловском направлении, где войска Западного, Брянского и Центрального фронтов перешли в контрнаступление ещё 12 июля и с тяжёлыми боями продвигались к областному центру.

Успешные действия советских войск на Курской дуге создавали благоприятные условия для нанесения новых мощных ударов Красной Армии по врагу. Бои ещё были в разгаре, ещё не были освобождены Орёл и Белгород, а Ставка уже планировала новые наступательные операции, подключая к ним соседние фронты.

О том, как ещё в июле 1943 года, когда в районе Курской дуги ещё только-только обозначились первые успехи советских войск, зарождались замыслы новых наступательных операций на смоленском направлении, рассказал в своих неопубликованных мемуарах Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко. Часть из них под заголовком «Смоленские ворота в Европу или три часа с И.В. Сталиным» опубликовал «Военно-исторический журнал» в номере 12 за 1993 год.

А.И. Ерёменко, командовавший Калининским фронтом, в июле получил задание Ставки разработать Духовщинско-Смоленскую, Велижско-Усватскую и Невельскую наступательные операции. Андрей Иванович писал: «Вопрос о проведении этих операций я доложил товарищу Сталину в июле 1943 года. После его указаний была произведена доработка их планов. В первых числах августа товарищ Сталин принял решение лично вы-

ехать на Калининский фронт, чтобы на месте ещё более конкретно, более глубоко и обстоятельно разработать план и уточнить задачи войск».

О дате прибытия, месте и времени встречи И.В. Сталин сообщил А.И. Ерёменко по телефону.

Рано утром 5 августа 1943 года на станции Мелихово Калининской области остановился поезд из одиннадцати вагонов — десяти крытых товарных и одного пассажирского. Встреча Верховного с командующим фронтом состоялась в соседнем селе Хорошево, приблизительно в полутора-двух километрах от Мелихово. Продолжалась она около трёх часов.

Её начало А.И. Ерёменко описал так: «Он улыбнулся как-то просто и тепло, приветливо потряс мою руку и, пристально глядя на меня, сказал:

— Вы, по-видимому, до сих пор обижаетесь на меня за то, что я не принял вашего предложения на последнем этапе Сталинградской битвы добить Паулюса. Обижаться не следует. Мы знаем, знает весь наш народ, что в Сталинградской битве вы командовали двумя фронтами и сыграли главную роль в разгроме фашистской группировки под Сталинградом, а кто доколачивал привязанного зайца, это уже особой роли не играет».

После этого последовали вопросы — как ведёт себя противник, какие о нём новые сведения, как обстоит дело со снабжением и питанием подчинённых А.И. Ерёменко войск. Затем И.В. Сталин перевёл разговор на тему о кадрах и военном искусстве. Весьма интересным был переход к главному вопросу встречи. Андрей Иванович описал его так: «После разговора о кадрах и об оперативном искусстве товарищ Сталин внимательно посмотрел на карту, которую полтора часа назад я прикрепил к стене: «Ну, теперь докладывайте, как вы спланировали Смоленскую операцию, — сказал он и, улыбнувшись в усы, с ехидцей добавил, — вы Смоленск сдавали, вам его и брать».

А.И. Ерёменко докладывал обстоятельно. И.В. Сталин внимательно слушал и по ходу изложения командующего задавал вопросы, звонил в Москву, давал указания по вопросам обеспечения Смоленской операции дополнительными людскими и материальными ресурсами С.М. Штеменко и Н.Д. Яковлеву.

В то время, когда доклад был завершён и план операции Верховным одобрен, в комнату вошёл генерал для поручений. Он сообщил, что нашими войсками взят Белгород. Восторженно восприняв это сообщение, И.В. Сталин чаще зашагал по комнате, что-то обдумывая. Через несколько

минут он произнёс: «Как вы смотрите на то, чтобы дать салют в честь тех войск, которые взяли Орёл и Белгород?».

После того, как А.И. Ерёменко идею Верховного одобрил, И.В. Сталин начал излагать свои мысли по этому вопросу: «Войска почувствуют одобрение своих действий, признательность Родины. Салюты будут воодушевлять личный состав, звать его к новым подвигам. Фейерверки известят весь наш народ и мировую общественность о славных делах и воинах на фронте, вызовут гордость за свою армию и Отечество, вдохновят миллионы людей на трудовые подвиги».

После этого И.В. Сталин взял трубку и попросил соединить его с В.М. Молотовым. Ответ последовал тут же. Разговор с ним Верховного А.И. Ерёменко передал так: «Вячеслав, ты слышал, что наши войска взяли Белгород? — Выслушав ответ Молотова, товарищ Сталин продолжал. — Так вот, я посоветовался с товарищем Ерёменко и решил дать салют в честь войск, взявших Орёл и Белгород, поэтому прикажи приготовить в Москве салют из 100 пушек, но без меня не давайте, чтобы не испортили этого мероприятия. Мы сейчас пообедаем, и я к вечеру приеду в Москву».

Этот разговор состоялся в 15 часов 5 августа 1943 года. Так в небольшом домике села Хорошево зародилась идея проведения салютов. После завершения встречи И.В. Сталин на машине ГАЗ-61, а А.И. Ерёменко на «виллисе» поехали к поезду, где в пассажирском вагоне вместе и отобедали.

Небезынтересна оценка А.И. Ерёменко, данная И.В. Сталину после этой встречи: «Сталин производил на меня глубокое впечатление. В его образе отчётливо выделялись сила, здравый смысл, развитое чувство реальности, широта познаний, изумительная внутренняя собранность, тяга к ясности, неумолимая последовательность, быстрота и твёрдость решений, умение молниеносно оценить обстановку, ждать, не поддаваться искушению, хранить грозное терпение».

О дальнейших событиях, связанных с реализацией замысла о первом салюте, рассказал в своих воспоминаниях «Генеральный штаб в годы войны» генерал армии С.М. Штеменко, которого вместе с заместителем начальника ГШ А.И. Антоновым вечером 5 августа вызвали в Ставку. Верховный был в хорошем настроении и сразу же обратился к прибывшим с вопросом: «Знаете ли вы военную историю?» Вопрос был неожиданным, и генералы не успели ответить, так как И.В. Сталин продолжил разговор и напомнил, что издавна, когда русские войска одерживали победы, то в

честь полководцев гудели колокола, что Ставка приняла решение давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты.

Так зародилась идея первого салюта. Она принадлежит Верховному Главнокомандующему Советскими Вооружёнными Силами в годы Великой Отечественной войны И.В. Сталину. И вот что удивительно: великое действо по имени салют было подготовлено и образцово исполнено всего за несколько часов.

Это был первый салют. Потом был второй, в честь освобождения Харькова и венчавший завершение Курской битвы. Потом были ещё. Их было столько же, сколько побед, не менее славных, которые одержала Красная Армия на трудном и кровавом пути к Берлину. И каждый из этих последующих салютов озарял нашу непоколебимую веру в Победу новой вспышкой радости, точно так же, как озаряли темное небо над Москвой её победные салюты. Но никогда не забудется тот, первый, в честь освобождения Орла и Белгорода, который слушала вся военная страна, прильнув к радиоприёмникам и репродукторам.

Майор Вихрь: правда и вымысел

В «толстушке» «Труд — 7» за 19 июня 2003 года под рубрикой «Как это было» помещена статья собственного корреспондента газеты Людмилы Карамышевой «Радистка майора Вихря». Речь идёт о мужественной разведчице Тамаре Фёдоровне Сафоновой, живущей в Ростове-на-Дону. Описав несколько эпизодов из боевой биографии радистки, автор статьи повела рассказ о том, что Сафонову для выполнения особо важного задания в мае 1944 года включили в новую группу, что возглавил её «опытный военный разведчик Овидий Горчаков, тот самый, которого описал Юлиан Семёнов в повести «Майор Вихрь». Так Тамара Сафонова стала радисткой майора Вихря.

В газете Киевского военного округа «Ленинское знамя» за 23 июля 1989 года неизвестный мне автор А.Коваленко во врезке к статье «Кто вы, майор Вихрь?», рассказывающей о разведчике О. Горчакове, писал, что в своё время кто-то под общим местоимением «мы», обратился к писателю за разъяснением по этому вопросу. Вот, якобы, что ответил автор повести: «Сейчас я встречаю во многих газетах статьи с сенсационными заголовками о живом и здравствующем «майоре Вихре». Считается, например, что я писал образ Вихря с Е.С. Березняка. Это неверно. Да, действительно, я взял историю с Е. Березняком — его бегство от гитлеровцев с краковского рынка (и не только это! —А.С.), но характер Вихря, его облик, манеры, его привычку говорить и думать я «списывал» с моего доброго друга, писателя, лауреата премии Ленинского комсомола Овидия Горчакова».

Вероятно, эти рассуждения Юлиана Семёнова позволили Л. Карамышевой в своей статье сделать Т.Ф. Сафонову радисткой майора Вихря. Вопреки названию газетной рубрики, должен сказать: это не так.

Как же на самом деле, с точки зрения исторических фактов, обстоит дело? Что даёт мне право вступить в полемику с автором статьи?

Более тридцати лет занимаюсь историей авиации дальнего действия, которая в период Великой Отечественной войны выполняла разно-

образные задачи. Среди них были полёты отдельных, наиболее сильных экипажей, с разведчиками на борту.

В советское время часто показывали телевизионный фильм «Майор Вихрь». И всякий раз, с интересом просматривая ленту, я задавался вопросами: «Было ли это на самом деле? Возможно это выдумка писателя? А если всё было именно так, то кто доставил разведчиков в район Кракова?».

Как-то лекторские дороги забросили меня в далёкую Якутию, в богом забытое местечко под названием Аллах-Юнь. Улетал оттуда самолётиком, которого ожидал целый день. Было нас человек десять, сидели в маленькой комнатушке «аэропорта». Коротая время, решил рассказать томящимся в ожидании пассажирам несколько интересных эпизодов из боевой истории АДД.

Когда речь зашла о том, что я ломаю голову по поводу группы майора Вихря, один товарищ, сидевший рядом со мной, уверенно сказал, что это не выдумка писателя Юлиана Семёнова, что такая разведгруппа действительно была, что один из разведчиков группы живёт в его родном Кировограде, а сам Вихрь обитает где-то на Украине.

Вернувшись домой, я написал в республиканскую библиотеку Украины письмо, в котором попросил сообщить, что опубликовано о легендарном разведчике. Ответ пришёл быстро. В списке значилась статья самого Ю. Семёнова «Майор Вихрь — явь и вымысел», и книга Е.С. Березняка «Пароль дум Спиро...».

Из статьи я узнал, что после войны писатель побывал в Кракове, там один пожилой поляк рассказал ему о том, как советские разведчики спасли исторические здания и памятники города от взрыва, что им помогал его сын, казнённый гестаповцами. Далее цитирую Ю. Семёнова:

«Вернувшись в Москву, я решил проверить для себя эту историю в архиве МО... в архиве я натолкнулся на отчёт разведгруппы «Голос», которая была заброшена именно в Краков в 1944 году. Однако в задачу группы не входило спасение Кракова, а только сбор информации о противнике — в общем-то, задача, типичная для армейской разведки, так сказать, «среднего радиуса действия» (это пояснил мне руководитель фронтовой разведки, забросивший именно эту группу, ныне генерал-майор Илья Васильевич Виноградов).

Однако в процессе работы группа «Голос» во главе с Березняком выполняла задачи много сложнее: был завербован немецкий офицер из

Абвера, были установлены контакты с польским Сопротивлением, и, главное, наши люди узнали многое о плане уничтожения Кракова. Был поразителен личный героизм трёх разведчиков «Голоса» — резидента, его помощника и радиста-шифровальщика. А после была работа в Кракове, встречи с польскими коммунистами, походы с товарищем Зайонцем и его женой по явкам наших разведчиков и польских коммунистов» («Литературная Россия». — 11 августа, 1967.).

Из статьи Ю. Семёнова, очевидно, что в основу повести «Майор Вихрь» положены реальные события, совершённые разведгруппой под руководством Е. Березняка.

Нашёл я самого разведчика и всех членов его группы — заместителя командира и двух радисток. Почему двух? Об этом позже.

Евгению Степановичу Березняку в Киев ушло моё письмо, в котором, в частности, были такие вопросы: «Какая разница между действительностью и вымыслом в романе Ю. Семёнова? Имели ли вы связь по этому вопросу с писателем? На каком материале основывался Семёнов, работая над повестью? Известно ли что-либо об экипаже?».

Вот ответ разведчика: «Совсем недавно я вторично внимательно просмотрел архив группы. В дело вклеен лист, на нём запись тех, кто изучал архив группы. Есть и такая запись: «25 февраля 1965 года — Юлиан Семёнов». Мне также известно, что писатель Семёнов в том же 1965 году был в Кракове, где встретился с теми, кто работал на нашу группу, посещал наши явки. Прочитав мою книгу, Вы сами поймёте, насколько и как писатель использовал архив, деятельность группы».

Через несколько лет и мне удалось «добраться» до заветной архивной папки под кодовым названием «Голос». В листе использования действительно стоят росписи Ю. Семёновна и Е. Березняка. Обработав это архивное дело весьма тщательно, могу сказать: в повести «Майор Вихрь» Ю. Семёнов использовал фактуру группы «Голос» в полной мере.

У Е.С. Березняка вышло три книги: в 1971 «Я — «Голос», в 1972 «Пароль дум Спиро...» и в 1992 «Операция «Голос». Вот аннотация к последней из них: «В 1967 году по телевидению с большим успехом прошла демонстрация фильма «Майор Вихрь». В основу фильма легли подлинные события, рассказывающие о том, что группа советских разведчиков, действовавших на территории Польши в годы войны, вместе с польскими патриотами предотвратила чудовищное преступление гитлеровцев по уничтожению древ-

него города Кракова. Об этой и некоторых других смелых операциях разведгруппы «Голос» рассказывает её бывший командир, военный разведчик Евгений Березняк».

В статье «От автора» сам Е. Березняк пишет: «Нет нужды пересказывать содержание фильма. Напомню только, что герои ценой своей собственной жизни спасли древнюю столицу Польши — Краков. И хотя фильм игровой, художественный, образы его героев собирательные, ряд событий, трагический финал вымышлены, но в сюжетной канве фильма раскрыты дела нашей группы «Голос».

Уже в самой книге Е. Березняк совершенно чётко выразил свою позицию по вопросу о том, что же легло в основу повести Ю. Семёнова «Майор Вихрь»: «После выхода в свет романа Ю. Семёнова «Майор Вихрь», а затем фильма, поставленного по этой книге, в печати появились статьи, в которых обсуждалась тема: насколько в этих произведениях нашла отражение деятельность группы «Голос» и её руководителя?

Как же всё обстоит на самом деле? Я мог бы привести десятки, если не сотни публикаций у нас и за рубежом о деятельности группы «Голос». Ни в одной из них вы не найдёте утверждения о том, что Ю. Семёнов писал образ Вихря с Е.С. Березняка. Что же касается автора этих строк, то и в своих выступлениях перед разными аудиториями, во всех изданиях книг «Я — «Голос», «Пароль Дум Спиро...» я постоянно подчёркивал, что не надо путать реального, живого командира группы «Голос» с вымышленным майором Вихрем.

Вместе с тем следует сказать, что один из наиболее ярких эпизодов — бегство от гитлеровцев с краковского рынка и, по сути, вся сюжетная канва: провал радиостанции, связи группы «Голос» с краковским патриотическим подпольем, арест радистки и вербовка сотрудника абвера, пленение инженера, та драматическая ситуация, в которой оказалась группа «Голос», и легли в основу романа «Майор Вихрь» и одноимённого фильма».

На основе приведённых свидетельств Ю. Семёнова и Е. Березняка можно сделать однозначный вывод: в основу повести и фильма «Майор Вихрь» положена деятельность группы «Голос».

Кстати, Ю. Семёнов и Е. Березняк никогда не встречались, хотя писатель, познакомившись с архивным делом группы «Голос» в 1965 году, уже знал истинные имена её участников. Он, судя по всему, знал и то, что они живы. Его повесть вышла в 1967 году. К этому времени разведгруппа

была уже рассекречена — в 1963 году в «Красной звезде» появилась публикация «Раскроем их имена», а в 1966 году в «Комсомольской правде» документальная повесть «Город не должен умереть».

Кто же доставил разведгруппу «Голос» за линию фронта? Для меня, историка АДД, это был главный вопрос. Сам себе на него я уже давно ответил, а вот широкое обнародование этого факта делаю впервые.

Найти членов экипажа самолёта, доставившего группу «Голос» в район Кракова, помог ни кто иной, как сам Е. Березняк, причём тогда, когда я ещё не вступил с ним в контакт и не знал, где он живёт. Помог опосредственно, своей книгой «Пароль Дум Спиро...». Своему повествованию автор предпослал такой эпиграф: «В ночь на 19 августа 1944 года с аэродрома Ежове на самолёте Ли-2, экипажем самолёта: командир — старший лейтенант Иванов Е.Д., штурман Прокофьев В.С. заброшена во вражеский тыл группа «Голос» ... Место выброски: высота 43 — в 20 километрах северозападнее села Рыбна».

Лучшей авторской услуги для моего поиска не придумаешь! Ли-2! Этот самолёт с наибольшей степенью вероятности должен принадлежать одному из полков АДД. С фамилиями дело обстояло посложней: Ивановых в стране — пруд пруди, а вот Прокофьев... Прокофьев? Прокофьев? Лихорадочно вспоминаю, в каком полку он мог быть в годы войны. Наконец дорожка памяти приводит меня к 7-му гвардейскому Гатчинскому авиаполку. Нахожу архивную тетрадь, листаю. И — эврика! Есть штурман Прокофьев, есть командир корабля Иванов! Нашёл и их боевое донесение на имя командира полка. Вот оно: «В ночь на 19 августа 1944 года экипаж командира корабля Иванова (штурман Прокофьев, лётчик Кирин, борттехник Зацерковский, стрелок-радист Пешков и стрелок Скобкорев) выбросил парашютный десант восточнее г. Ченстохова 30 км (два человека) и восточнее города Котовице 30 км (три человека). Выброска произведена в период 23.52-00.10 с высоты 800 метров».

Сличаю этот архивный документ с боевым донесением, которое стало эпиграфом к книге Е. Березняка. В деталях они разняться, но, без всякого сомнения, группу «Голос» в тыл врага доставил экипаж 7-го гвардейского Гатчинского авиаполка авиации дальнего действия.

Начался поиск членов экипажа. Приблизительно через месяц удалось найти штурмана. Валентин Семёнович Прокофьев жил тогда в Обнинске. Весть о том, что именно он доставил легендарного майора Вихря к мес-

ту назначения, оказалась для него, вполне естественно, совершенно неожиданной и ошеломляющей.

Удачный поиск членов группы «Голос» и экипажа породил мысль об их встрече. Она состоялась в канун 45-летия Победы в Москве. Из Киева приехал Е.С. Березняк, из Ялты радистка Ася Фёдоровна Жукова, из Львова радистка Елизавета Яковлевна Вологодская. По состоянию здоровья на встречу не смог прибыть Алексей Тимофеевич Шаповалов — заместитель командира группы.

24 апреля 1990 года в Центральном доме Советской Армии, после кадров на экране из кинофильма «Майор Вихрь», на которых запёчатлён момент полёта членов группы на борту самолёта и их десантирование, на сцену поднялся Евгений Степанович. После представления и его короткой речи к командиру присоединилась Ася Фёдоровна, а за ней и Елизавета Яковлевна. Затем все они тепло встретили того, кто своим штурманским искусством в ночь на 19 августа доставил их к месту десантирования. Встреча штурмана корабля В.С. Прокофьева с членами разведгруппы «Голос» состоялась через 41 год после полёта.

В задуманном сценарии встречи штурмана с членами группы «Голос» определённое место отводилось и встрече разведчиков с артистами, сыгравшими главные роли в фильме. В результате предварительной договорённости две пары сложились: радистка Елизавета Вологодская — актриса Анастасия Вознесенская, разведчик Алексей Шаповалов — актёр Виктор Павлов. Пары Евгений Березняк — Вадим Бероев не получилось, так как актёра к этому времени не было в живых. Однако встреча разведчиков с артистами не состоялась — А. Вознесенская перед встречей куда-то уехала, а В. Павлов не смог приехать из Одессы, где он был на съёмках.

К этому времени ещё не был найден командир корабля. Это удалось сделать лишь через два года. Евгений Дмитриевич Иванов жил в Харькове. Штурман и лётчик потерялись в послевоенном лихолетье. 15 декабря 1993 года они встретились в кабинете начальника штаба Дальней авиации. В Москву были приглашены и члены группы «Голос», но смогла приехать только А.Ф. Жукова.

Теперь о том, каким образом в группе «Голос» оказалось две радистки. 28 апреля 1944 года с аэродрома Судилков вылетел экипаж 12-го гвардейского Гатчинского авиаполка под руководством командира корабля Ярошевича В.А. (штурман Шидловский П.Д.). В 23 часа 10 минут с вы-

соты 400 метров борт самолёта покинули три человека: поляк Юзеф (командир группы), полячка Анна (его заместитель) и русская Елизавета (радистка). Группа имела кодовое название «Львов».

Приземлились удачно. Обосновались, вступили в связь с польским подпольем, начали работать. Вскоре выяснилось, что командир группы стал сотрудничать с немцами. Подпольный комитет принял решение его ликвидировать. Кстати, об этом факте упоминает диктор, предваряя вторую серию фильма «Майор Вихрь»: «Группа вылетела в район Кракова на связь с разведчиком «Мухой», который, как выяснило польское подполье, оказался завербованным агентом Абвера... После побега Вихря из гестапо, куда он попал по нелепой случайности, группа ликвидировала провокатора «Муху» и начала работать в тылу врага». Через некоторое время после этого в стычке с немцами погибла Анна. Советская радистка Елизавета Яковлевна Вологодская (псевдоним «Комар») осталась одна. Задание группы оказалось под срывом.

В связи с этим разведотдел 1-го Украинского фронта принял решение перенацелить для выполнения этого задания недавно созданную группу под кодовым названием «Голос». В неё вошли уже названные Е.С. Березняк (псевдоним «Голос»), А.Т. Шаповалов («Гроза») и радистка А.Ф. Жукова («Груша»). Первоначально группу предполагалось десантировать в Ясло, с дальнейшей её легализацией на железнодорожной станции Дембица и задачей сбора сведений о скоплении войск противника в районе Тарнув, Дембица, Мелец, а также военных перевозок по железной дороге Тарнув - Дембица - Жешув.

Новое задание группе «Голос» было оформлено приказом № 2: «В ночь на 19 августа 1944 года авиадесантом убыть на выполнение специального задания с приземлением 12 км западнее Беляны. Задача: освещать скопление войск и гарнизона города Краков; информировать о перевозках войск и грузов по железным и шоссейным дорогам через Краков во всех направлениях; изучать места расположений штабов, узлов связи, аэродромов, складов в районе Кракова.

По приземлении организовать встречу с «Комаром», для чего ежедневно в 22.00 являться на западную окраину села Чулув по дороге в Санка. Пароль. Агент «Комар» спрашивает: «Как пройти в Рыбна?». Ответ: «Я иду из Санка». При встрече резидент одет в тёмно-синий штатский костюм, кепка в правой руке, белый носовой платок в левой, и имеет при себе фото-

графию «Комара». После встречи подчиняет её себе. Все имеющиеся у «Комара» связи использует для выполнения задания». (Архив ГРУ, оп. 21111, д. 7, л. 17). Таким было задание группы «Голос».

Так в группе у Е. Березняка оказалось две радистки. Кстати, это тоже отражено в повести и кинофильме.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны для выполнения специального задания по сбору информации о противнике в оперативной глубине 1-го Украинского фронта была сформирована разведгруппа «Львов». В ночь на 28 апреля 1944 года экипажем АДД она была доставлена к месту назначения и приступила к сбору сведений о противнике. В связи со сложившимися обстоятельствами, выполнение задания было сорвано, радистка этой группы Е.Я. Вологодская осталась в тылу врага одна.

Учитывая важность разведсведений из района Кракова, РО фронта перенацелил сюда готовящуюся к работе в районе Дембицы группу «Голос». В ночь на 19 августа она десантировалась экипажем АДД в районе Кракова, соединилась с радисткой из группы «Львов» и приступила к выполнению поставленных задач.

Группа «Голос» находилась в тылу до 22 января 1945 года. За это время в «Центр» было отправлено 140 радиограмм с разведывательными сведениями о противнике, получено из «Центра» 67 радиограмм с различного рода указаниями по разведывательной и диверсионной работе, уничтожено более ста немцев, взято в плен 24 человека.

Все сведения о создании группы, легенды на её членов, радиообмен с «Центром», отчёты, справки, итоговые доклады, объяснительные записки и другие сведения сосредоточены в архивном деле РО 1 -го Украинского фронта под заголовком «Голос» с количеством страниц более ста. Сведения о работе группы в тылу врага из этого дела брали: писатель Ю.С. Семёнов 25 февраля 1965 года для работы над повестью «Майор Вихрь»; Понизовский 12 января 1966 года для работы над документальной повестью «Город не должен умереть»; Е.С. Березняк 4 июля 1968 года для работы над документальными воспоминаниями «Я — «Голос». 25 октября 1970 года с некоторых страниц этого дела сняты фотокопии для документального фильма. Кроме этого документы дела использовались для сверки рукописи Азарова «На острие меча» и рукописи о Е.Я. Вологодской. 25 декабря 1998 года архивное дело разведгруппы «Голос» досконально изучено и автором данной статьи.

Какие наиболее важные события из боевой биографии членов группы стали основными сюжетами в повести Ю. Семёнова и кинофильме? Назову главные из них. Состав группы в три человека. Доставка их к месту разведработы в Кракове на самолёте. Пленение командира группы после приземления и его бегство от гестаповцев на рынке в Кракове. Встреча с радисткой «Комаром». Пеленгация радиостанции и арест «Комара». Её побег из-под ареста с помощью офицера Абвера Курта Гартмана. Его вербовка.

Что в повести и кинофильме вымышлено? Имена членов разведгруппы. Дата десантирования. Фамилия командира корабля. Гибель членов группы. В аннотации к фильму неверно трактуется главная задача разведчиков: якобы они были направлены в тыл для предотвращения взрыва Кракова. Об этом говорится и в закадровом тексте диктора: «В середине сорок четвёртого года гитлеровское партийное руководство приняло план уничтожения славянских городов, памятников национальной культуры — Варшавы, Братиславы, Праги, Кракова. Секретный план гитлеровцев стал известен советскому командованию. Группа военных разведчиков, в составе майора Вихря, его заместителя и радистки вылетала в район Кракова». Пожалуй, это всё.

К вымышленным следует также отнести причастность О. Горчакова и Т. Сафоновой к этой совсем не выдуманной истории.

Основываясь на этих непреложных фактах, можно сделать однозначный вывод: члены разведгруппы «Голос», в том числе и её руководитель, стали прототипами героев повести Ю. Семёнова «Майор Вихрь», а их боевые дела в тылу врага её документальной основой. Легендарный разведчик Овидий Горчаков к делам группы «Голос» никакого отношения не имеет. То, что писатель, создавая образ Вихря, «списывал» его со своего друга О. Горчакова, не даёт право считать его прообразом главного героя.

Думаю, прочитав эту статью со мной согласиться и «виновница» её появления — Тамара Фёдоровна Сафонова. Здоровья ей, всего самого доброго в жизни, и сердечное спасибо за сделанное для страны и советского народа в годы минувшей войны. Спасибо и Людмиле Карамышевой за рассказ о героической радистке, за то, что «усадила» меня за эту статью, строки которой давно просились на бумагу.

«Золотой» рейс

Летом и осенью 1944 года благодаря мощному наступлению Красной Армии обстановка в Юго-Восточной Европе и на Балканах коренным образом изменилась в пользу Советского Союза. Освобождение Чехословакии, Болгарии, Румынии, Польши, Венгрии и Югославии стало ближайшей задачей Вооружённых Сил СССР.

Под влиянием побед советских войск в августе и сентябре прокатилась волна вооружённых восстаний польского, румынского и болгарского народов. Достигла она и Чехословакии. Кульминационным моментом национально-освободительной войны в этой стране стало Словацкое национальное восстание (СНВ) — одна из ярких страниц в истории словацкого и чешского народов.

Нельзя сказать, что советская сторона совершенно не располагала сведениями о подготовке восстания в Словакии, но весть о нём, поступившая 29 августа 1944 года, застала врасплох и советское руководство. И, тем не менее, решение об оказании всесторонней помощи Комитет Государственной Обороны (ГКО), Ставка Верховного Главнокомандования и советское правительство приняли оперативно.

Она была действительно всесторонней и осуществлялась по следующим основным направлениям: проведение наступательной операции частью сил 1-го и 4-го Украинских фронтов; активизацией боевых действий советских партизан на территории Словакии; переброской по воздуху в освобождённые районы личного состава 1-го чехословацкого истребительного авиационного полка и 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады; снабжение по воздуху повстанцев оружием, боеприпасами, медикаментами и другим военным имуществом; доставка руководителей восстания, представителей КПЧ и чехословацкого эмигрантского правительства.

Для реализации всех транспортных задач Ставка привлекла авиацию дальнего действия. Между СССР и Словакией был установлен воздушный мост. Начинался он с базовых аэродромов Украины и аэродромов под-

скока на освобождённой территории Польши, а заканчивался на двух точках в Словакии — на полевом повстанческом аэродроме «Три дуба» и площадке для приёма грузов у города Брезно. К транспортной работе в интересах Словацкого восстания командующий АДД Главный маршал авиации А.Е. Голованов привлёк два авиакорпуса — 4-й гвардейский Гомельский (на самолётах Б-25) и 5-й Орловский (на самолётах Ли-2). Всего в воздушной операции участвовало 12 полков АДД, более трёх тысяч человек лётнотехнического состава и частей обслуживания. Авиация дальнего действия совершила 1 562 самолётовылета, доставив 2 352 человека, 821 371 кг различных грузов, а также вывезла в Советский Союз 859 человек и 10 910 кг грузов. Среди этих килограммов были драгоценности словацкого народа, а один из рейсов с аэродрома «Три дуба» можно назвать «золотым».

В первой декаде октября к полковнику Б.Ф. Чирскову, старшему советской авиационной оперативной группы на аэродроме «Три дуба», приехал руководитель Словацкого национального восстания Карл Шмидке. Поздоровавшись, попросил уединиться.

— Борис Фёдорович, у меня к вам дело государственной важности. Народная власть Словакии сумела спрятать от немцев часть драгоценностей. Сейчас они находятся в Банской-Быстрице. Обстановка, как вы сами понимаете, критическая, народное достояние надо спасать. Президиум СНС принял решение отправить его в Советский Союз. Нужен самолёт.

Обсудив проблему, договорились машину с ценностями, охраной и сопровождающими подослать на аэродром с наступлением темноты, здесь её замаскировать и надёжно охранять, ибо, вполне возможно, в эту непогодную ночь никто и не прилетит. Заверив К. Шмидке в том, что его поручение будет выполнено во что бы ни стало, Б. Чирсков простился с гостем.

Путь ценного груза на аэродром «Три дуба» был труден и долог. Опираясь на ряд публикаций, постараюсь его описать.

Вполне естественно, что Словакия, как государство, имела свой запас золота и драгоценных металлов. Также вполне естественно, что оно хранилось в сейфах столичного банка. Когда руководители странсателлитов почувствовали, что их вожак войну проигрывает, они стали подумывать о своём будущем и строить собственные планы. В них не вторую роль играли деньги. Руки самых высоких чиновников, да и пониже, потянулись к государственным сейфам. Подобное произошло и в Словакии.

«...В феврале 1944 года жена Косо, жена Бенюшки, начальника политической полиции, и жена ещё какого-то высокопоставленного лица, имя которой не опубликовано, были пойманы немецкими пограничниками, при попытке вывезти двадцать килограммов золота в Швейцарию. Произошёл большой скандал, так как в этих делах — ограблении государства и словацких евреев — замешаны Тисо, Тука, Мах и более мелкие властители. Вывозом золота в Германию и другие нейтральные страны, в частности, объясняется тот факт, что в 1942 году в Словакии добыто 350 кг золота (то есть на 100 кг больше, чем в 1941 году), но золотой запас Национального банка не увеличился. (Архив внешней политики РФ, ф. 4-го Европейского отдела, оп. 25 «б», д. 4, л. 81.).

В руководстве Братиславского банка стояла группа национальных патриотов во главе с Имрихом Карвашем. Когда в Словакии готовился план восстания, подпольный Национальный совет обратился к нему с просьбой обеспечить будущее выступление финансовой поддержкой. Под разными предлогами управляющий перевёл три миллиарда крон в те филиалы Братиславского банка, которые должны были оказаться в зоне восстания. Один из них находился в городе Кремница, затерявшегося в горах Центральной Словакии.

Когда в ходе восстания стало понятно, что Кремница станет прифронтовым городом, решили часть средств перевезти в Банска-Быстрицу, а некоторое количество золота как резерв монетного двора оставить на месте.

В первой декаде октября обстановка в районе Кремницы обострилась до предела, надо было подумать об остатках золотого запаса и предпринять меры, чтобы он не попал в руки врага. 5 октября Национальный революционный комитет города постановил: «В связи с опасностью захвата города Кремницы врагом, поручить председателю городского комитета т. Г. Лацко и заместителю Е. Вайсу немедленно доставить в Банска-Быстрицкий банк остатки золота и других ценных металлов, находящихся ещё на Кремницком монетном дворе».

К исполнению решения приступили немедленно. Дождливой ночью 5 октября ровно в 22 часа две легковые машины с притушенными фарами вышли на шоссе, ведущее на юг, чтобы, обогнув Кремницкое нагорье, повернуть на север, в направлении Банска-Быстрицы. Двигались медленно — дорога забита беженцами, отступавшими партизанскими отрядами. Имен-

но от них и узнали, что южная часть шоссе уже перерезана противником. «Инкассаторы» приняли единственно возможное решение — ехать горным путём через Скалку. Свернули на узкую, размытую дождём дорогу, и на первой же незначительной крутизне безнадёжно застряли в грязи.

Лацко пошёл искать подмогу. Ему повезло: вскоре его слух уловил скрип телеги. Это была семья беженцев, уходившая из Турца. Каким же патриотом надо было быть хозяину, чтобы ночью, в горах высадить жену и детей, сгрузить скарб и направиться на помощь Лацко!

Ящики с драгоценностями переложили на повозку и продолжили путь. Однако прошли совсем немного, километра два, может быть три, когда лошадь упала на передние ноги, затем свалилась на бок и уже больше не поднялась.

И снова поиск средств для дальнейшего движения к месту назначения. На этот раз выручили горняки, строившие тоннель. Телегу и ящики подняли на вершину перевала на руках. Работали всю ночь. А уже с пригорка вниз пошли своим ходом. Так 182 килограмма драгоценностей попали в Национальный словацкий банк в Банска-Быстрице. Их принял директор К. Маркович.

Однако и вокруг повстанческой столицы обстановка ухудшилась. Золотой запас, хранящийся здесь раньше, и тот, который доставили из Кремницы, надо было эвакуировать в более надёжное место. 14 октября Президиум СНС принял решение: «Филиалу Словацкого национального банка в Банска-Быстрице: на основании решения Президиума СНС настоящим предписанием отправить самолётом в адрес Государственного банка в Москве на хранение на вашем счету 21 ящик брутто весом 1062,2555 кг... Указанные ценные металлы надлежит взять из ваших фондов, а также из фондов Государственного монетного двора в Кремнице, находящегося на вашем депозите. Карл Шмидке, Густав Гусак».

Ответственными за перевозку Президиум СНС назначил ревизоров банка Людвика Ковачика и Йозефа Шевчика. Получив приказ, Маркович подготовил драгоценности к эвакуации в Советский Союз, выделил машину с надёжным водителем Франтишеком Чермаком. Лишь после всех приготовлений директор банка довёл до Ковачика и Шевчика постановление Президиума СНС. Не успев предупредить близких, они, в чём были, сели в машину и поехали на аэродром.

А в Советском Союзе на базовых аэродромах обоих корпусов АДД в это время, несмотря на неутешительный синоптический прогноз, завершилась подготовка к предстоящему очередному полёту в Словакию. От 5-го авиакорпуса на задание должны были уйти 60 экипажей. Однако на основе информации разведчиков погоды в воздух поднялись только 33 самых сильных.

Во второй половине маршрута началась десятибалльная облачность с обледенением. Тем не менее, лётчики шли вперёд. Через тридцать минут, не дождавшись информации об улучшении погоды, командир авиакорпуса генерал-лейтенант авиации И.В. Георгиев приказал вернуть самолёты на базовые аэродромы. Радисты нескольких экипажей команду не приняли. Среди них оказался экипаж 340-го авиаполка А.А. Васильева.

…На аэродроме Ясенки, где базировался полк, приняли на борт людей и груз. Учитывая состояние погоды, решили идти между слоями облаков. Набрали 3 100 метров и, не снижаясь, дошли до Зволена. Минут за десять до расчётного времени штурман А. Шепель настроился на приводную радиостанцию и дал команду на снижение.

Миновали привычные пятьсот метров, прошли четыреста, вот уже и триста. Лётчик слился со штурвалом, превратился в комок нервов. Руки, ноги, голова, глаза — всё было готово к мгновенному действию. Не паниковать, всё будет хорошо! Всё равно между нижним краем облачности и землёй есть зазор. Точно, есть! Он равнялся двумстам метрам. Никогда раньше ничего подобного в практике командира корабля не было. Отхлынувшее напряжение и нахлынувшая радость победы встретились, зажгли кровь, вызвали волну положительных эмоций. Но расслабляться было нельзя — земля рядом, видимость плохая. Отыскав глазами посадочное «Т», выполнив по возможности самый малый круг, включил фары и произвёл посадку. Подрулил к командному пункту, выключил моторы.

Размявшись в кабине, все попрыгали на землю. Осмотрелись. Ну и погодка. Она не то, что плохая, она просто мерзкая — шёл дождь со снегом, на земле слякоть из грязи и снежной кашицы. Со стороны Грона тянул сырой липкий туман. Васильев пошёл докладывать руководителю полётов, а тот уже сам бежал ему навстречу, и на радостях расцеловал растерявшегося лётчика.

- Ты что команду на возврат не принял?
- Первый раз слышу!

— Вот и хорошо, что не принял... Знаешь поговорку насчёт того, что не было бы счастья... Молодцы, что сели, вы мне — вот как нужны! Хорошенько проверьте материальную часть самолёта. Скоро подвезут весьма ценный груз, его надо доставить во Львов любой ценой. Ждите!

Машина подошла прямо к борту самолёта, к открытой двери грузового салона. В кузове находилось несколько вооружённых словаков. Когда откинули брезент, там оказались ящики. Даже в темноте можно было заметить, что они аккуратно сбиты из хорошо обработанных досок. Ящиков оказалось 21, все под замками и свинцовыми пломбами. Заносили их в самолёт вместе — и словаки и члены экипажа. К завершению погрузки подошёл Чирсков, отозвал Васильева:

- Вот, что, командир, ты повезёшь национальное богатство Словацкой республики, народное добро драгоценности. Груз сопровождают представители словацкого штаба партизанского движения. Вы должны сесть в Львове, там вас будут ждать. Если что-либо произойдёт в воздухе, то самолёт надо поглубже вогнать в землю. Золото фашистам достаться не должно! Это приказ! Погода не смущает?
  - Есть доставить груз во Львов! А погода не смущает.

Было два часа тридцать минут, когда командир корабля вывел Ли-2 на старт, тщательно проверил работу всех приборов. Горизонта не видно, поэтому взлетать придётся только по приборам. Полный газ моторам, сброс тормозов, разбег, отрыв, выравнивание и — по коробочке вверх. Машина шла натужено, скорость набора два метра в секунду, поступательная скорость — 160 км в час. На высоте 2000 метров лётчик почувствовал её неустойчивость и сразу понял, что начинается обледенение. Самолёт болтало, подбрасывало вверх, бросало вниз. Шевчик и Ковачик, летевшие в своей жизни впервые, с трудом переносили эти превратности воздушного путешествия.

Погода в Львове была сносной и посадка трудностей не вызвала. Как только зарулили на дальнюю стоянку, к самолёту подъехал крытый «Студебеккер» с вооружёнными солдатами внутренних войск. К Васильеву подошёл майор с красными погонами на плечах, поблагодарил за доставку груза. Ящики бережно перенесли в кузов грузовика, укрыли брезентом. Экипаж по-братски простился с Ковачиком и Шевчиком. Машина, урча мотором, отошла от самолёта. На востоке только-только стала прорезаться бледная полоска утренней зари.

Через полтора месяца командир полка Ф.Ф. Степанов представил заместителя командира эскадрильи 340-го авиаполка Алексея Александровича Васильева к званию Героя Советского Союза. В наградном листе есть упоминание и о «золотом» рейсе: «15 октября 1944 года, выполняя задание по десантированию с посадкой в глубоком тылу противника боеприпасов и живой силы в помощь повстанческой чехословацкой армии, несмотря на плохие метеоусловия, задание выполнил весьма успешно. С аэродрома «Три дуба» Васильеву было поручено ответственное задание: вывезти весьма ценный груз — золотой запас Чехословакии весом 1100 кг на территорию СССР. Задание выполнил успешно, груз доставлен в полном порядке».

15 ноября 1981 года я встретился с Васильевым в его московской квартире. Он подробно рассказал о боевом пути, Зволенской операции и, естественно, о своём «золотом» рейсе. Уже в конце беседы я спросил у него:

- Вполне понятно, Алексей Александрович, что вы рисковали, когда садились, но ведь вылет в такую мерзкую погоду, когда видимость практически равнялась нулю, это риск вдвойне, а если учесть, что на борту находится ценный груз, то это уже тройной риск. Чем вы тогда руководствовались?
- Да, в другой ситуации было бы правильным вылет отставить и дождаться более благоприятных условий. Но, подчёркиваю, в другой ситуации. Все мы знали, что к этому времени общая обстановка на территории, занятой повстанцами, усложнилась, шли тяжёлые бои с превосходящими силами противника, и ценностям, загруженным в самолёт, грозила опасность попасть в руки врага, их надо было срочно вывозить. А с точки зрения безопасного взлёта, при совершенном отсутствии видимости световых ориентиров ночью, чувствовал себя подготовленным и уверенным, так как имел хорошую тренировку во взлётах по приборам за шторками и систематически поддерживал эти навыки. Что касается остальных членов экипажа, то их подготовка не вызывала у меня никаких сомнений. Второй лётчик Проценко, штурман Шепель, бортовой техник Гончаров, радист Мартьянов все они были хорошо подготовленными специалистами, и это ещё больше вселяло в меня уверенность в благополучном исходе ответственного задания.

Но вернёмся во Львов. В тот же день командир 1-го гвардейского авиаполка В.П. Филин получил приказ срочно подготовить Си-47 для полёта в Москву. Его командиром был АН. Красавин.

Приняв на борт ящики, шесть человек охраны во главе с капитаном, а также сопровождающих, Красавин взлетел с Львовского аэродрома ближе к вечеру. В составе экипажа штурман К.А. Кулаков, бор-ттехник ГЛ. Блонский, радист А.М. Стеценко. Полёт протекал нормально.

Была полночь, когда Си-47 приземлился в Тушино. Самолет встретили военные и работники чехословацкого посольства во главе с 3. Фирлингером. Красавин доложил какому-то генералу о выполнении задания. Ковачик и Шевчик подарили каждому члену экипажа по пачке сигарет «Липа», конечно же, не сказав, что их, в свою очередь, угостили в штабе фронта.

Ценности перегрузили в специальную машину, и она прямо с аэродрома направилась в банк. Там содержимое ящиков тщательно взвесили, на каждый слиток золота поставили печать чехословацкого посольства, оформили протокол приёма словацких ценностей. Вернувшись в посольство, 3. Фирлингер донёс в Лондон: «16 октября прибыла первая партия эвакуированных женщин и детей (29 человек), два ревизора словацкого национального банка (Шевчик и Ковальчик), а также 21 ящик золотого запаса Словакии».

Так драгоценности словацкого народа, проделав долгий и трудный путь на машинах, повозках и самолетах, оказался в хранилище Центрального банка Советского Союза. Когда кончилась война, спасённый золотой запас, депонированный в Москве, был возвращён в Чехословакию.

30 ноября 1945 года нарком финансов СССР А.Г. Зверев обратился к заместителю Председателя СНК В.М. Молотову с письмом следующего содержания: «Наркомфином СССР в 1944 году были приняты на хранение от отделения Словацкого Национального банка в Банска-Быстрице 413 кг золота, 548 кг серебра и 10,4 кг других металлов... Указанные ценности были зачислены на особый депозит Госбанка СССР. В настоящее время, по сообщению Госбанка СССР, Национальный банк Чехословакии, информируя о слиянии со Словацким Национальным банком, просит возвратить ценности Национальному банку Чехословакии по поручению, подписанным лицами, которые указаны в сопроводительном письме Словацкого Народного Комитета к депонированным ценностям. Наркомфин СССР не имеет возраже-

ний против возврата Национальному банку Чехословакии ценностей, принятых от Словацкого Народного банка. Проект распоряжения СНК прилагается».

На этом документе В.М. Молотов написал: «Разрешить Наркомфину СССР и НКВД СССР выдать Госбанку СССР ценности, принятые от Словацкого национального банка, для передачи Национальному банку Чехословакии».

Так в критический период восстания, национальное достояние словацкого народа было спасено, вывезено в Советский Союз, сохранено и после окончания войны сразу же возвращено законному владельцу. Полностью. До грамма. И кто его знает, как бы сложилась судьба словацких драгоценностей, если бы той студеной октябрьской ночью на аэродроме «Три дуба» в ненастную погоду не приземлился самолёт Ли-2 командира корабля А.А. Васильева. Он и его помощники, проявив всё своё умение, выполнили ответственное боевое задание и спасли драгоценности братского народа.

Золото! В тысячелетней истории земли оно стало не только символом богатства, но и мерилом доблести, чести и совести. Однако в сфере человеческих взаимоотношений его роковая роль превалирует. С этим «дьяволом» связаны все самые низменные деяния человеческого рода — подлые сделки, подкупы, измены, убийства. Его связь с людьми обагрена потоками крови.

История же со словацким золотом, пусть редкая, но история другого рода. С этим богатством имели дело десятки обычных, простых, совсем не богатых людей, которые в одночасье получили сказочную возможность обогатиться. Но для них, истинных патриотов, чувство долга оказалось выше желания разбогатеть.

Но и это не всё. В истории со словацким золотом проявилось благородство и на государственном уровне. Возвращая драгоценности законному владельцу в ноябре 1945 года, через два месяца после окончания разрушительной для СССР войны, его правительство могло бы и вспомнить сколько материальных ценностей и человеческих жизней отдала наша страна во имя освобождения Чехословакии, вспомнить и попытаться компенсировать эти затраты, направив их на нужды обездоленного войной советского народа. Но оно, советское правительство, не сделало даже намёка на это.

Александр Крушинский, сын корреспондента «Правды» Сергея Крушинского, улетевшего в разгар восстания в Словакию на одном из наших самолётов, как бы продолжая отцовскую тему, написал несколько статей о словацком золоте. Одну из них («Правда» за 30 августа 1990 года) он завершил такими словами:

«В последнее время, обращаясь к истории взаимоотношений с восточноевропейскими странами, журналисты стали как-то стесняться выражений типа «братство по совместно пролитой крови»... Мы не вправе забывать, что в суровые годы войны наши народы связывали искренность, бескорыстие. И в этом смысле история с эвакуацией золотого запаса мне представляется глубоко символичной. Спасали «презренный металл» — но не для себя, а для будущей освобождённой Словакии. Советских лётчиков, словацких банковских служащих и всех, принявших участие в этой эпопее, связывало духовное начало, чувство духовного родства, которое дороже любого серебра и золота». Прекрасные, верные слова!

Трагедия в районе Ниша

26 февраля 1993 года «Красная звезда» опубликовала статью писателя А. Жарикова «Инцидент под Нишем», в которой рассказывалось о налете американских самолётов на колонну советских войск 7 ноября 1944 года на территории Югославии. За основу материала автор взял воспоминания свидетелей случившегося. Статья заканчивалась фразой: «Сомневаюсь, что обо всём об этом можно что-то найти в архивах». Ошибся А. Жариков в своих предположениях.

Так получилось, что буквально за несколько дней до появления статьи писателя я познакомился с архивным документом, который зафиксировал факты этой трагедии. Трагедии, а отнюдь не инцидента! В связи с тем, что этот материал к теме моего исследования прямого отношения не имел, я его тогда не обработал и в рабочую тетрадь не переписал. Пришлось архивное дело с этим документом перезаказывать. Давайте, руководствуясь фактами, восстановим трагедию шестидесятилетней давности, которая произошла с советскими людьми на югославской территории.

О том, что случилось на земле и в небе в районе Ниша в день государственного праздника СССР командующий 17-й воздушной армией генерал-полковник авиации В.А. Судец и начальник штаба армии и генералмайор авиации Н.М. Корсаков донесли в Ставку через несколько дней после тщательного расследования. Копии донесения получили командующий 3-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин и командующий ВВС Красной Армии маршал авиации А.А. Новиков. Слово документу.

«В 12 часов 40 минут 7 ноября 1944 года над аэродромом Ниш (северо-западнее окраины города) курсом 120 градусов на высоте 2000 метров появилась группа самолётов типа «лайтнинг». Над аэродромом она перестроилась в растянутый правый пеленг и, снизившись до 40-50 метров, начала расстреливать автотранспорт и войска, продвигавшиеся по дороге

Ниш - Алексинац - Делиград - Роянь, действуя по одному и производя по несколько заходов вдоль дороги».

Цели, по которым вели пулемётно-пушечный огонь американские летчики, являлись подразделениями 6-го стрелкового корпуса 3-го Украинского фронта, находившиеся на марше. В связи с завершением 20 октября Белградской наступательной операции они перемещались в тыловые районы на северо-запад страны. Сопротивление немцев было уже сломлено, его авиации в воздухе не было. И вдруг этот внезапный налёт. Горели машины и повозки, всюду раздавались стоны раненых.

Командованию корпуса вскоре стало ясно, что удары по колонне наносят американские лётчики. Но они ведь союзники! Напали средь белого дня, видимость прекрасная, да и немцев в этом районе нет уже почти месяц. Ниш был взят советскими войсками 14 октября. Американский штаб не мог этого не знать. Тогда что это — ошибка или спланированные действия?

В воздух с аэродрома Ниш немедленно подняли дежурную пару истребителей Як-9 во главе с командиром эскадрильи 866-го истребительного авиаполка 288-й истребительной авиадивизии капитаном Александром Колдуновым (будущим дважды Героем Советского Союза, маршалом авиации, главнокомандующим Войсками ПВО). И вновь слово документу.

«Лётчики, видя американские опознавательные знаки (белая пятиконечная звезда, вписанная в синий круг), пытались указать самолётам «лайтнинг» на их ошибку, подходя ближе, покачиванием с крыла на крыло, давая сигнал «Я свой самолёт» и привлекая внимание на свои опознавательные знаки. В ответ «лайтнинги» начали атаковывать наши Як-9, причём взлетавшая на прикрытие очередная шестёрка была атакована ещё на взлёте, при отрыве от земли. Командир 288-й истребительной авиадивизии, наблюдая за ходом боя с земли и получив по радио данные от своих истребителей, что все самолёты «лайтнинг» имеют американские опознавательные знаки, дал по радио приказание: воздушных боёв не вести, обеспечить только оборону. Наши истребители всеми силами пытались указать «лайтнингам» на их ошибку, избегая атак и лишь, в крайнем случае, применяя для защиты пулемётно пушечный огонь, но те продолжали вести штурмовку дороги и атаки наших самолётов, прекратив их лишь после того, как ведущий группы истребителей капитан Колдунов, рискуя быть сби-

тым, врезался в группу «лайтнингов», подстроился к ведущему вплотную и показал рукой на опознавательные знаки своего самолёта. Лишь после этого «лайтнинги» группами начали уходить в юго-западном направлении».

Из-за действий американцев в тот злополучный день погибли 34 советских военнослужащих, включая командира 6-го стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенанта Г.П. Котова. Было ранено 39 человек, сожжено до 20 машин с грузами.

Существенными оказалмсь потери и 866-го истребительного авиаполка. В воздухе «лайтнинги» сбили два Як-9. Один лётчик сгорел вместе с самолётом, второй получил тяжёлые ранения и был отправлен в госпиталь. Ещё один советский истребитель, преследуя американца, попал в зону своих аэродромных средств ПВО и был сбит. Лётчик и самолёт сгорели.

Пострадали и американцы. Вот что говорится в архивном документе. «В результате воздушных оборонительных боёв нашими истребителями было сбито три самолёта «лайтнинг». Один упал в одном километре северо-западнее Ниша, самолёт и лётчик сгорели. Один самолёт упал в одном километре северо-восточнее аэродрома, самолёт сгорел, лётчик погиб. Оба трупа похоронены в районе аэродрома... Третий самолёт упал в восьми километрах севернее аэродрома, в горах, в лесу. Самолёт, по наблюдению с воздуха, сгорел полностью. Два самолёта, подбитые в воздушном бою, с дымящимися моторами ушли на низкой высоте на юго-запад. У одного из погибших лётчиков найдено удостоверение личности и карта Италии без маршрута и каких-либо заметок».

Картина развернувшегося боя и понесённые потери впечатляют. А с учётом того, что наши пилоты были скованы приказом командира авиадивизии вести только оборонительные бои, превосходство их над американцами очевидно.

В заключительной части документа, с учётом показаний оставшегося в живых американского пилота была названа и причина трагедии — ошибка американского командования. «На основании изучения документов, можно предположить, что самолёты «лайтнинг» американских частей, базирующихся в Италии, получив задачу или имея запасную цель — штурмовку дороги Скопье - Приштина, приняли город Ниш с аэродромом за город Скопье с аэродромом. Учитывая тождественное расположение грунтовых и железных дорог района Ниш и района Ско-

пье, такая ошибка могла быть допущена экипажами американских «лайтнингов».

Уже через два дня трагедия под Нишем стала предметом разговора между начальником Спецотдела Генерального штаба Красной Армии генерал-майором Н.В. Славиным с главой американской военной миссии генералом Д.Р. Дином. Вот его фрагмент.

«Славин: Вам ничего не известно о неприятном случае в районе Ниш, когда ваши бомбардировщики бомбили наши войска?

Дин: Нет, но я думаю, что это получилось в результате отсутствия координации между нами. Мы вам давно говорили о необходимости координации наших действий.

Славин: Но я надеюсь, что Вы не забыли нашу принудительную договорённость, что о всяких полётах ваших самолётов над территорией, занятой нашими войсками, вы будете информировать.

Дин: Если вы думаете, что наши самолёты бомбили ваши войска нарочно, тогда необходимо, в первую очередь, выгнать меня из России.

Славин: Я не ставлю так вопрос, но вызывает всё же сожаление, что наша договорённость о согласовании вами не выполнена.

Дин: Сколько было самолётов?

Славин: Около тридцати. Дин: Имеются жертвы? Славин: Да, имеются.

Дин: Я и генерал Эккер очень сожалеем о случившемся».

О случившемся в районе Ниша поведал в своих воспоминаниях начальник Оперативного отдела Генерального штаба Красной Армии генерал армии С.М. Штеменко: «Самолёты опознали и, поскольку это были союзники, их приветствовали, помахивая головными уборами. Но вдруг самолёты развернулись и нанесли мощный бомбовый удар. На беду он оказался точным: погибли командир корпуса генерал-лейтенант Григорий Петрович Котов и 31 офицер и боец, было ранено 37 человек. Поскольку манёвры самолётов показали их намерение нанести повторный удар, была поднята девятка советских истребителей. Завязался воздушный бой. В результате кроме людей было потеряно три американских и три наших самолёта».

Далее С.М. Штеменко свидетельствует, что 9 ноября главе американской военной миссии в Москве было сделано по этому случаю представление, а 10 декабря в Софию прибыл американский генерал, который выразил сожаление советскому командованию. Через тридцать три дня после случившегося!

А спустя тридцать семь дней Вашингтон соизволил принести официальное извинение советскому руководству. О том, что произошло 7 ноября, Верховный Главнокомандующий узнал от заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии А.И. Антонова уже на следующий день. А 14 декабря И.В. Сталин принимал посла США в СССР А. Гарримана. Между делом тот сказал: «Хотел бы выразить сожаление президента и генерала Маршалла по поводу несчастного случая, происшедшего на Балканах. Имеется в виду налёт американских самолётов на колонну советских войск. В целях избежания подобных инцидентов в будущем командующий авиацией союзников в Средиземном море хотел бы направить в штаб передовых советских войск на Балканах группу офицеров связи для координирования действий советских войск и союзных военно-воздушных сил».

И.В. Сталин отклонил это предложение, сказав, что он «не уверен, имеется ли необходимость в посылке этой группы, поскольку теперь установлена линия разграничения действий авиации союзников, и ему необходимо переговорить с военными».

Так обстояло дело в районе Ниша шестьдесят лет тому назад. Тогда командование 17-й воздушной армии пришло к выводу, что со стороны американцев это была ошибка. Может быть, на это заключение наложили отпечаток союзнические отношения?

Сегодня, спустя шесть десятилетий, такой вывод вызывает большие сомнения. Можно допустить, что американские лётчики действительно спутали чем-то похожие между собой районы Ниша и Скопье и ударили по колонне советских войск. Но когда днём, в условиях хорошей видимости в воздух поднялись «яки», которых принять за немецкие истребители даже по внешнему виду ну никак нельзя, ошибка стала очевидной. Но и это не остановило американских лётчиков. Их пыл остудили лишь энергичные действия советских пилотов. К трагедии на земле добавилась трагедия и в воздухе.

Всё это напоминает о множестве различного рода «накладок», мнимых и явных ошибок натовцев в ходе недавним операций в Югославии, Афганистане и Ираке. Такими же были и неуклюжие попытки объяснить и оправдать их. Видимо, американцам к подобному не привыкать.

История не любит отмычек

26 июня 1991 года исполнилось 50 лет со дня бессмертного подвига, совершённого экипажем бомбардировщика во главе с командиром корабля Николаем Францевичем Гастелло. Страна узнала об этом 5 июля из вечернего выпуска Совинформбюро. А 27 июля указом Президиума Верховного Совета СССР Н.Ф. Гастелло было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не убеждён, что до конца буду прав, но в многочисленных публикациях о Гастелло ни разу не приводились выдержки из наградного листа на звание Героя. Позволю это сделать в данной статье.

«26 июня капитан Гастелло с экипажем — А.А. Бурденюк, Г.Н. Скоробогатый, А.А. Калинин — повёл звено ДБ-3 бомбить зарвавшихся фашистов. По дороге Молодечно — Радошковичи, у Радошковичи, показалась вереница танков противника, звено Гастелло, сбросив бомбы на груду скопившихся на заправку горючим танков и расстреливая из пулемётов экипажи фашистских машин, стало уходить от цели. В это время фашистский снаряд догнал машину капитана Гастелло. Получив прямое попадание, объятый пламенем, самолёт не смог уйти на свою базу, но в этот тяжёлый момент капитан Гастелло и его мужественный экипаж были заняты мыслью — не допустить врага на родную землю. По наблюдению старшего лейтенанта Воробьёва и лейтенанта Рыбас капитан Гастелло развернулся на горящем самолёте и повёл его в самую гущу танков... Геройский поступок капитана Гастелло сейчас знает вся страна, поэты и писатели вместе с народом сложили о славном экипаже и его командире песни и боевые рассказы... Командир 207-го полка капитан Лобанов, военный комиссар батальонный комиссар Кузнецов» (ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 10, л.л. 163-164).

Комментируя эти выдержки из наградного листа, хотелось бы отметить три обстоятельства.

Во-первых, в документе приводятся фамилии лётчиков, которые оказались свидетелями подвига экипажа бомбардировщика. Это, на мой взгляд, является главным и единственным критерием при определении сути подвига, имя которому — наземный таран. Есть экипажи, повторившие подвиг Гастелло, которые тоже были представлены к различным наградам, однако в наградном листе мы не находим свидетельств очевидцев. Есть экипажи, которые за наземный таран вообще не представлялись к наградам, но их подвиг нашел отражение в других архивных документах. Однако и в первом и во втором случаях это делалось только на основе докладов тех, кто являлся свидетелем героических поступков своих боевых товарище. Даже если их имена не фиксировались в том или ином документе. По сути дела иных свидетельств быть и не могло.

Во-вторых, экипаж Н.Ф. Гастелло принадлежит к одному из видов советских ВВС — Дальнебомбардировочной авиации Главного Командования Красной Армии (ДВА ГК). С марта 1942 года она стала называться авиацией дальнего действия. А это значит, что, в зависимости от типа самолёта, количество членов экипажа, принадлежащего АДД, могло колебаться от четырёх человек, (например, на ДБ-3ф (Ил-4), или до десятиодиннадцати человек на ТБ-7 (Пе-8) и ТБ-3. Следовательно, наземный таран в дальней авиации — это коллективный подвиг.

И, в-третьих, со дня обнародования подвига экипажа Н.Ф. Гастелло и до присвоения его командиру звания Героя Советского Союза прошёл месяц. А в наградном листе командованием полка уже было отмечено, что: «...поэты и писатели вместе с народом сложили о славном экипаже и его командире песни и боевые рассказы...». И это так. К ним в своё время подключились и историки. За полвека о Н.Ф. Гастелло и его экипаже создана обширная художественная, историческая и публицистическая литература.

Как известно, у славного экипажа были последователи. О них, совершивших наземный таран, говорят, что они повторили подвиг Гастелло. Вполне естественно, что с увеличением архивных или свидетельских подтверждений тому или иному наземному тарану, росло и число публикаций, особенно на республиканском, краевом и областном уровнях. В исторической литературе возникло целое исследовательское направление — огненные тараны в советских военно-воздушных силах. Появились исследователи, которые стали заниматься этой проблемой основательно. К ним следу-

ет отнести В.Н. Гапонова, А.Д. Зайцева, А.П. Коваленко, В. Г. Кузнецова, Г.П. Сотникова, А.С. Сгибнева.

Главной задачей их исследований стало, прежде всего, выяснение количества огненных таранов в ВВС и сбор сведений о каждом из них. На эту тему была опубликована серия статей в журнале «История СССР» за 1969, 1977, 1978, 1980, 1981 и 1984 годы, а также в журнале «Молодой коммунист» за 1971, 1972, 1974 и 1975 годы. Затем в ряде книг появились обобщающие сведения.

Долгое время считалось, что подвиг Гастелло повторен сорок раз. Эту цифру многократно упоминали в статьях и книгах, она называлась в официальных документах. В 1969 году журнал «История СССР» опубликовал статью В.Н. Гапонова и А.Д. Зайцева «Люди бессмертного подвига», в которой говорится: «Сейчас можно сделать вывод, что в годы Великой Отечественной войны не сорок воздушных бойцов, как это указывалось ранее в журнале, а более ста огненными таранами своих самолётов преградили путь врагу...» («История СССР».— 1969, №4.—С. 91).

Прошло пять лет. 15 августа 1974 года в газете «Правда» была опубликована статья генерал-майора авиации Б.А. Васильева. Достаточно привести только её название, чтобы убедиться, что за этот период времени количество подвигов многократно увеличилось. Статья называется «Огненных таранов — 327!». Наконец, в трёх частях учебного пособия А.Д. Зайцева «Оружие сильных духом», изданного в Военно-воздушной академии имени Ю.А. Гагарина в 1985 году, приводится новая цифра — 503, то есть число гастелловцев, многие послевоенные годы державшееся в пределах 40-100, увеличилось более чем в пять раз.

Вполне можно допустить, что послевоенное изучение архивов способствовало выявлению новых имён лётчиков, повторивших огненный таран, и, на этой основе, список увеличился на несколько десятков человек, но не многократно же! Вполне можно понять радость исследователя, когда он извлекает из архивов забытое имя, и оно дополняет общий список героев. Но как понять того исследователя, который на основе какой-то газетной публикации, не сверившись с архивным документом, плодит список тех или иных героических подвигов? Кому это надо? Погибшим? Живым? Истории? Погибшие сделали своё дело, им этого не надо. Живым нужна только правда. Ложь не нужна ни живым, ни мёртвым. История же отмычек не любит.

Чем объяснить такой количественный рост наземных таранов? Из каких «источников» складывались эти цифры? Их, на мой взгляд, четыре.

- 1. Бомбардировщик подбит в воздушном бою, кто-то из членов экипажа спасся, остальные погибли. После окончания войны проходит пару десятков лет, и тот, кто остался жив, направляет в областную газету материал своих воспоминаний, расписывая во всех красках наземный таран. Редакция берет материал с удовольствием: ещё бы гастелловский подвиг земляка!
- 2. Какой-то ветеран, бесспорно сделавший много для разгрома врага в годы войны, выйдя на заслуженный отдых, сел за мемуары. Чтобы книга была более привлекательной по своему содержанию, пользуясь высоким рангом «очевидца», наделяет один из погибших экипажей гастелловским подвигом.
- 3. Кто-то, «вооружившись» архивным фактом, рассказывающим о том, как горящий бомбардировщик упал на какой-то объект, в своей публикации «дорабатывает» источник, непременно прибегая к такой фразе: «Было видно, что самолёт не просто падал, а его направляла твёрдая рука пилота». Рождается огненный таран.
- 4. На оккупированной территории упал сбитый бомбардировщик. Кто-то из жителей близлежащего населённого пункта стал очевидцем это-го события. Через много лет после войны этот «свидетель» рассказывает, что самолёт не просто упал, а был лётчиком сознательно направлен на объект. Рассказ подхватывает бойкий журналист и очередной огненный таран готов.

Вот так в послевоенные годы, то в газетной, то в журнальной статье появлялись всё новые и новые имена тех, кто «повторил» подвиг Гастелло. А кто-то всю эту разбросанную фактуру тщательно собирал, а затем, не поставив её под сомнение и не сверив с архивными документами, свёл воедино. Так, к примеру, появились три части ведомственного учебного пособия А.Д. Зайцева «Оружие сильных духом».

Давайте критически проанализируем фактуру этого пособия, относящуюся к авиации дальнего действия, архивные документы которой изучались мной на протяжении последних пятнадцати лет самым тщательным образом. При этом возьмём для анализа, выстроив последовательно по датам их свершения, те огненные тараны, которые документами ЦАМО не подтверждены.

«Анисимов — лейтенант, лётчик 51-го дальнебомбардировочного авиационного полка.

26 июня 1941 года при бомбардировании скопления вражеских войск в районе города Ораны (70 км югозападнее Вильнюса) был подбит. Горящим самолётом таранил колонну танков противника». (Т. 1. С. 212).

Прежде всего, необходимо отметить, что информация о повторении Анисимовым подвига Гастелло подкрепляется архивной сноской: ЦАМО, ф. 184-го гв. бап, оп. 364097, д. 1. Ознакомившись с её содержанием, я обратился к своим архивным тетрадям и установил, что дело первое этой описи — это история полка. Однако, обрабатывая в своё время это дело в Подольском архиве, я никакого наземного тарана в своей рабочей тетради не зафиксировал. Пришлось вновь ехать в архив.

На странице 105-й истории полка помещён рассказ гвардии майора Полянского «Первый боевой вылет». Вот о чем поведал ветеран полка: «26 июня 1941 года нам была поставлена задача - бомбардировать скопления военной техники в городе Ораны. Я в это время работал штурманом эскадрильи и должен был вести девятку. Взлетели с аэродрома Сеща в 5.00 с командиром эскадрильи капитаном Ползуковым. ...На цель вышли точно. Серия бомб легла в центре города, возникло много пожаров. Отходя от цели, были атакованы звеном истребителей. ...Атаковали они нас сзади снизу. Наши стрелки-радисты мужественно отбивались. С первой атаки истребителей у самолёта лейтенанта Анисимова был разбит колпак стрелкарадиста и, по-видимому, он был убит, так как пулемет был направлен кверху, и в кабине не было ни кого видно. Сразу же после этого самолет Анисимова резко пошёл под нас с большим снижением на колонну танков. Где он упал, я этого не видел».

Вот о чём повествует 105 страница истории полка. Разве участник этого полёта и свидетель атаки истребителя майор Константин Иванович Полянский говорит о наземном таране? Подбитый самолёт пошёл со снижением на колонну танков — вот всё, что он видел. Зайцев же переделывает это место на фразу: «Горящим самолётом таранил колонну танков противника». Это, мягко выражаясь, стремление из обычного падения сбитого бомбардировщика сделать огненный таран.

Просмотрел я ещё раз исторический формуляр полка. Об экипаже Анисимова в нём нет ни слова. А исторический формуляр - это такой документ, в котором героические дела и подвиги личного состава всегда фиксируются. И уж тем более такой подвиг, как гастелловский.

А теперь давайте вчитаемся в приказ командира авиадивизии, в которую входил полк, за № 075 от 26 июля 1941 года. «Убывая к новому месту службы и не имея возможности собрать весь личный состав дивизии, я хочу коротенько отметить работу лётчиков, лётнабов, стрелков-радистов и техников вверенной мне дивизии... Для меня никогда не забудутся имена героев, отдавших свою жизнь за правое дело: лейтенанта Кучерова, старшего лейтенанта Гришина, майора Индыченко, капитана Руденок» (ЦАМО, ф. 51-го ап, оп. 197775, д. 1,л. 115).

Думается, что фамилия лётчика, повторившего подвиг Гастелло, обязательно была бы названа в приказе командира дивизии полковника Г.Н. Тупикова. Анализ архивных документов свидетельствует: экипаж лётчика Анисимова наземного тарана не совершал.

«Ковалец Александр Степанович — капитан, командир эскадрильи 204-го дальнебомбардировочного авиационного полка.

5 июля 1941 года наша авиационная группа выполняла боевое задание по уничтожению вражеских войск и переправы на реке Березина (юго-восточнее Борисова). Над целью была подбита и вспыхнула машина Ковальца. Оставляя за собой дымящий след, она шла к земле. Видно было, что самолёт не падает. Его направляли руки лётчика туда, где в центре лесной поляны были сосредоточены вражеские топливозаправщики, автомашины и танки». (Т. 1. С. 221).

Первоисточник этих сведений — книга штурмана корабля А.И. Крылова «Дальними маршрутами». Он был участником этого боевого вылета. Познакомимся с тем местом книги, где описывается этот полёт экипажа Ковальца: «И вдруг мы с лётчиком Стогниевым увидели впереди объятую пламенем «красную девятку» Ковальца, которая, покачиваясь, с небольшим углом шла к земле. Бомбардировщик огненной кометой летел в

центр лесной поляны, где стояли вражеские топливозаправщики, автомашины, тягачи. Вот он резко накренился и с силой ударился о землю». (Крылов А.И. Дальними маршрутами. — М., 1969. — С. 51).

Очень основательно подвёл Крылов читателя к выводу о том, что экипаж Ковальца совершил наземный таран, однако, будем объективны, прямого вывода автор всё же не сделал. Зайцев же говорит об этом совершенно конкретно: «Видно было, что самолёт не падает. Его направляли руки лётчика туда, где в центре лесной поляны…».

Познакомившись в своё время с книгой Крылова, а затем и с ним самим, я, проходя службу в Иркутске, основываясь на свидетельстве очевидца и воспользовавшись тем, что Ковалец является уроженцем Иркутской области, написал небольшой очерк «Иркутский Гастелло». Его опубликовала 30 марта 1973 года «Восточно - Сибирская правда». И только позже, на основе тщательного анализа архивных документов, пришёл к выводу о том, что допустил ошибку — подтверждений о наземном таране экипажа Ковальца в Подольском архиве нет. Каюсь и посыпаю голову пеплом.

Один архивный документ свидетельствует, что экипаж бомбардировщика 204-го авиаполка Ковальца 5 июля 1941 года пропал без вести (ЦАМО, ф. 51-й ад, оп. 2, д. 31, л. 20), а второй о том, что все члены экипажа убиты в воздушном бою в районе Сиротино, западнее Витебска 30 км (там же, ф. 20114, оп. 1, д. 206 А, л. 109). Следовательно, Крылов, будучи в эти часы в районе Борисова в составе группы самолётов 53-го дбап, не мог быть свидетелем того, что происходило за сотни километров в группе 204-го полка.

«Холод Павел Петрович — капитан, командир звена 229-го дбап, коммунист.

16 августа 1941 года при выполнении боевого задания в окрестностях Кривого Рога самолёт был подбит, вышел из строя мотор, и начался пожар. Два члена экипажа выбросились на парашютах, а командир развернул горящую машину и направил её на скопление войск противника» (Т. 1, С. 230).

Источником этого факта стала публикация в «Красной звезде» 16 мая 1973 года «Герои не пропали без вести». Да, факт наземного тарана не вызывает сомнения. Я его, в отличие от Зайцева, подкреплю архивным ис-

точником. В истории 50-й авиадивизии записано: «Героические подвиги комсомольских экипажей Героев Советского Союза Тарасова и Вдовенко, лейтенанта Осинцева, повторивших бессмертный подвиг капитана Гастелло — показатель моральной силы и стойкости комсомольцев».

Читатель спросит: «А где же экипаж Холода?». В этом-то и дело — где? Поразительно, до какой безответственности можно дойти в своей поверхностной исследовательской работе, если, подавая этот факт, автор допустил столь вопиющие ошибки! Вот они. П.П. Холод назван капитаном и командиром звена. На самом же деле это старший сержант, воздушный стрелок. Лётчиком же этого экипажа был В.И. Осинцев. Далее. Из членов экипажа правильно названа фамилия штурмана В.Н. Травникова, который был тяжело ранен ещё в самолёте и умер под куполом парашюта. Четвёртый приземлился, но погиб в перестрелке. Его фамилия якобы пока неизвестна.

Фамилия пока неизвестна... Если уж мы пишем об экипаже, который повторил подвиг Гастелло, то следовало бы потрудиться и найти фамилию четвёртого члена экипажа. Однако не потрудились. Ни автор газетной статьи, ни составитель учебного пособия. Делаю это за них я. В дивизионной книге боевых потерь зафиксированы имена всех членов экипажа. Четвёртым был стрелок-радист сержант Е.Г. Бакурадзе.

Таким образом, наземный таран 16 августа 1941 года совершил экипаж командира корабля В.И. Осинцева, а не П.П. Холода. Он в экипаже был воздушным стрелком.

«Корякин — лейтенант, командир экипажа 212-го дбап.

12 ноября 1941 года в составе шестёрки самолётов ДБ-Зф участвовал в бомбардировочном ударе по Калининскому железнодорожному мосту. Подбитый над целью зенитным снарядом и загоревшийся самолёт он направил на зенитную батарею противника и взорвался» (Т.1, С. 256).

Основанием Зайцеву, утверждающим то, что экипаж лётчика Карякина повторил подвиг Гастелло, послужило его описание в книге Н.Г Богданова «В небе — гвардейский Гатчинский». Хорошая книга! Читал и перечитывал её с большим удовольствием. Что же касается налёта на Кали-

ниский мост, то всё тут верно — и дата вылета, и объект бомбардирования, и количество экипажей, и фамилии командиров кораблей. Всё, кроме одного: наземного тарана не было.

Богданов, как участник этого полёта и очевидец событий, вернувшись на свой аэродром, не доложил командованию полка о том, что Корякин направил горящий самолёт на зенитные батареи противника. Ибо если бы он это сделал, то в боевом донесении № 109 не появились бы такие фразы: «Аэродром Иваново. 12.00 12 ноября 1941 года. 212-й дбап в составе пяти экипажей Богданова, Корякина, Олешко, Кулькова и Деренчука с 600 метров в 9.50 бомбардировал шоссейный мост в городе Калинине. Прямых попаданий нет. Бомбы легли по обе стороны моста на расстоянии от 30 до 60 метров. Над целью экипажи встретили сильный заградительный огонь зенитной артиллерии. Потери: над целью огнём ЗА сбит самолёт Корякина. По наблюдению стрелков-радистов других экипажей от взрыва снаряда самолёт перевернуло в воздухе вверх пузом и в таком положении, горящий он пошёл к земле и упал в черте города» (ЦАМО, ф. 212-го ап, оп. 393796, д. 4, л. 132).

Сбитый над целью огнём ЗА бомбардировщик Н.Г. Богданов почти через 40 лет «довёл» до высокого подвига. Вот как это сделано в упомянутой книге: «Самолёт перешёл в пикирование. Но это не было произвольным падением, видно было, что машиной ещё управляет рука лётчика. Повинуясь ей, самолёт резко развернулся в сторону группы орудий, которые всё чаще выплёскивали своими длинными жерлами языки пламени, и, как бы прикрывая нас распластавшимся стальным телом от их губительных снарядов, упал на батарею и в тот же миг взорвался, запылал огромным костром. Так погибли смертью героев наши молодые товарищи - командир экипажа Корякин, штурман Белов, стрелок-радист Шиленко и стрелок Вишневский». (Богданов Н.Г. В небе — гвардейский Гатчинский. М, 1980. С. 79).

А последняя фраза меня несколько удивила: «Лейтенанта Корякина я знал очень давно. В последние годы много дней провёл в архивах, пытаясь разыскать хоть какие-то сведения о нем и ничего не нашёл. Возможно, документы пропали или погибли в той сложной обстановке ноября сорок первого; возможно, они просто затерялись и ждут своего исследователя» (там же).

И не пропали, и не затерялись. Несколько часов понадобилось, чтобы найти боевое донесение № 109, состав боевого расчёта экипажа накануне вылета, приказ № 067 от 16 ноября 1941 года об исключении членов экипажа из списков личного состава полка, установить даже хвостовой номер самолёта.

Повторяю: хорошую книгу написал Н.Г. Богданов, но при описании этого факта покривил душой. Однако его можно и понять и простить. Богданов не историк, не учёный. А вот Зайцеву, перенёсшему этот факт в свою книгу, как учёному-историку следовало бы его проверить и подкрепить архивными документами. Но он этого не сделал. Даже фамилии членов экипажа перенёс из богдановской книги без имени и отчества, да ещё оговорился, что «биографические данные героев пока установить не удалось».

Биографические данные установить может быть и трудно, но имя и отчество вполне можно. Они приводятся в боевом расчете полка на 10 ноября 1941 года, где перечислен полный состав экипажа самолёта № 5: летчик младший лейтенант Корякин Иван Иванович, штурман младший лейтенант Белов Алексей Никонорович, стрелок-радист младший сержант Шиленко Иван Павлович, стрелок младший сержант Вишневский Григорий Петрович.

«Самосудов Владимир Николаевич — лейтенант, штурман 751-го дбап.

24 января 1942 года в составе экипажа командира звена старшего лейтенанта Василия Анисимова участвовал в бомбардировочном ударе по войскам противника. Над целью звено было атаковано истребителями противника. Экипаж в неравном воздушном бою сбил два фашистских истребителя, после чего самолёт был подбит и загорелся. Лётчик выбросился с парашютом и погиб. Однако и без него бомбардировщик продолжал управляемый полёт и горящим факелом врезался в скопление немецких танков. Огненный таран совершил штурман лейтенант В.Н. Самосудов». (Т. 1. С. 263).

Познакомившись с этими данными, я сильно усомнился в истинности наземного тарана. Лётчик выбросился из самолёта, а штурман, по неизвестным причинам оставшись в нём, направил бомбардировщик на немецкие танки. Откуда эти сведения?

Сомнения побудили к поиску статьи в газете «Вечерний Пермь», на которую ссылался Зайцев. Её автор пермский краевед М. Колпаков в номере за 15 августа 1970 года публикует письмо, направленное комиссаром полка А.Д. Цыкиным матери погибшего в бою штурмана В. Самосудова: «Здравствуйте, родная наша мать! Примите фронтовой привет от нашего боевого коллектива! Родная мать! Тяжело и очень больно, но приходится вам сообщить, что вот уже сорок пять суток среди нас нет боевого вашего сына, бесстрашного лётчика-коммуниста Володи Самосудова. Он не вернулся с боевого задания. Не верится, что такие прекрасные люди могут погибать! Я понимаю, что очень тяжело вам, матери, потерять родного сына, а нам прекрасного лётчика. Ваше горе есть и наше горе. Помните: ваш сын — герой Отечественной войны. Мы жестоко отомстим фашистам за его смерть. Победа будет за нами!».

Сотни и тысячи таких писем отправляли командиры и политработники семьям погибших, чтобы сообщить горькую весть, дать оценку пройденного боевого пути, указать дату и место гибели авиатора, наконец, для того, чтобы утешить. Письмо, направленное Цыкиным, преследовало такую же цель. Отправлено оно Ксении Петровне через полтора месяца после гибели сына. Это значит, что командование полка не теряло надежды, что Самосудов вернётся. Это значит, что точных сведений о его гибели в полку не было. Следовательно, штурман пропал без вести. А такой вид потери сам по себе отвергает возможность наземного тарана. Да и в письме матери также не сообщалось, что штурман совершил высокий подвиг.

Далее в статье говорится, что в 1960 году некий капитан Панфилов из Смоленска сообщил командиру полка о случайной беседе с Фроловым Петром Тимофеевичем, жителем деревни Лужице Смоленской области, оказавшимся свидетелем гибели экипажа. Якобы это письмо позвало в дорогу офицеров управления ВВС. Они на месте и уточнили историю подвига лейтенанта В. Самосудова.

Вот так она подана в статье. «А что же стало с бомбардировщиком и другими членами экипажа. Из донесения лётчика второй машины установлено, что горящий самолёт продолжал управляемый полёт и, сманевриро-

вав, врезался в колонну немецких танков. Раздался оглушительный взрыв. В небо взметнулись чёрные клубы дыма и огня. Лейтенант В. Самосудов, младший сержант Николай Каменев, сержант Николай Ладник повторили подвиг Николая Гастелло. Поскольку из оставшейся в самолёте тройки только В. Самосудов мог вести машину, то, очевидно, ему и принадлежит инициатива этого героического огненного тарана».

Данная статья закрепила мои сомнения в истинности наземного тарана. И действительно: через 20 лет очевидец рассказывает о том, что видел с земли (ночью!), а какие-то офицеры ВВС выезжают на место падения самолёта и устанавливают по этому рассказу историю подвига. Может ли такое быть? Совсем не святая наивность! Но перчатка брошена, и я её поднял.

Первое, что я сделал, так это полистал книгу А.Д. Цыкина «От «Ильи Муромца» до ракетоносца». На 206 странице он рассказывает о подвиге Н. Гастелло и его последователях в АДД. Среди них В. Самосудова нет. Всё верно: о наземном таране не сообщил в письме матери и, вполне естественно, не написал об этом в своей книге. Комиссар полка — это главная фигура в пропаганде героических дел своих подчинённых. И если уж сам Цыкин не говорит о наземном таране Самосудова, то тут, думается, можно ставить точку. Но я этого не сделал.

Вновь передо мной архивные документы полка и дивизии. Внимательно просмотрел исторические формуляры, переписку по политвопросам, политдонесения за январь и февраль 1942 года. Нашёл многочисленные примеры героизма и мужества личного состава, а вот о наземном таране свидетельств нет. Внимательно изучил приказ № 088 от 22 октября 1942 года «Об итогах годовой боевой работы полка». В нём названы десятки фамилий лучших, но экипажа Анисимова среди них нет. Вряд ли командование полка, подводя итоги боевой работы, не отметило бы экипаж, повторивший подвиг Гастелло. Наконец, передо мной боевое донесение от 24 января 1942 года за номером 28. В нём зафиксировано: «Тремя самолётами бомбардировали железнодорожные эшелоны на участке Комязино-Вязьма. Экипаж лейтенанта Анисимова (штурман Самосудов, стрелок-радист Ладник, стрелок Каменев) на линии фронта дали радиограмму: «иду на посадку». На свой аэродром не вернулся» (ЦАМО, ф. 51-й ад, оп. 1, д. 3, л. 182).

Таким образом, и архив о наземном таране экипажа 751-го авиаполка В.Анисимова не поведал. Это сделали краевед Колпаков и учёный Зайцев. Сделали вопреки документам.

«Ильинский Константин Вячеславович — капитан, заместитель командира эскадрильи 1-го тбап.

Поздним вечером 4 марта 1942 года группе тяжёлых бомбардировщиков была поставлена задача: нанести удар по железнодорожному узлу Вязьма... Вражеские зенитки открыли ураганный огонь. ...В один из заходов на малой высоте вражеский снаряд угодил в самолёт капитана Ильинского. Машину охватило пламя. Горящий ТБ-3 не свернул с боевого курса, а управляемый лётчиком был направлен на уцелевшие эшелоны противника» (Т. 1, С. 267).

Эти сведения сообщил в своей статье «В небе над Вязьмой», помещённой в «Красной звезде» 18 октября 1979 года, Герой Советского Союза М.Т. Лановенко. Проверяю всю эту фактуру в тех архивных документах, в которых подвиг экипажа мог быть отражён. В историческом формуляре сведений нет. В политдонесениях — нет. В аналогичных документах дивизии — нет. А о чем «говорит» дело с боевыми донесениями полка? «В ночь на 5 марта 1942 года полк бомбардировал железнодорожную станцию Вязьма-товарная. Вылетело четыре самолёта, задание выполнил один. Один вернулся из-за плохой погоды. Два самолёта (командиры кораблей Панин и Ильинский) на свой аэродром не вернулись» (ЦАМО, ф. 1-го гв. ап, оп. 536223, д. 3, л. 18). Вот и всё.

Тщательный анализ архивных документов полка привёл меня к окончательному выводу: свидетельств тому, что экипаж К.В. Ильинского повторил подвиг Гастелло, Подольский архив не имеет. А мог бы иметь, если бы лётчик М.Т. Лановенко рассказал о подвиге сразу после возвращения с боевого задания, а не написал об этом через 37 лет в газете. Если бы тогда он всё это придумал, то, возможно, прошло бы, а теперь, через столько лет... Не пройдёт!

«Кувшинов Александр Кузьмич — капитан, командир звена 749-го авиаполка.

28 июня 1942 года в районе Ельца направил горящий самолёт на скопление фашистских войск у переправы» (Т. 1, С. 275).

Эти сведения Зайцев взял из сборника «Подвиг» Верхнее-Волжского книжного издательства, переизданного уже несколько раз. В издании 1972 года на странице 150 автор очерка В. Волков писал: «... как вдруг зенитный снаряд ударил в правую мотогондолу. На самолёте возник пожар. Поняв, что пламя сбить не удастся, он приказал радисту и штурману покинуть самолёт в расположении нашего переднего края, а сам направил горящий бомбардировщик на скопление вражеских солдат и машин у разбитой переправы».

Столь подробные сведения об этом полёте и сам подвиг экипажа, я так думаю, непременно нашли бы свое отражение в написанной после войны истории палка и дивизии. Однако и в первой (ЦАМО, ф. 9-го гв. ап, оп, 364097, д. 1, л. 17), и второй (ЦАМО, ф. 7-й гв. бад, оп. 1,д. 5, л. 5) говорится о А.К. Кувшинове как Герое Советского Союза, но о наземном таране нет и намёка.

Теперь обратимся к двум архивным документам, которые раскрывают детали боевого вылета экипажа. Первый документ — это боевое донесение № 57.

«28 июня 1942 года экипаж Кувшинова (штурман Иванов, стрелокрадист Бражник) получил боевое задание — бомбить аэродром противника и скопление материальной части. Задание экипаж выполнил. ...Отойдя от цели, экипаж начал пробивать облачность. Пройдя в облачности пять минут, лётчик спросил штурмана, какая скорость. Штурман ответил, что скорость резко падает, что она 110 километров в час. Команды прыгать командир корабля не дал. Штурман, видя критическую скорость и плохо управляемую машину, подал команду оставить самолёт, и сам выпрыгнул на парашюте в 23.04. Приземлившись в районе деревни Бобровые дворы, метрах в 300-х от себя штурман увидел догорающий самолёт. Подойдя к нему, когда уже стало светло, штурман нашёл сгоревшего стрелка-радиста Бражника. Командира экипажа штурман не нашёл. Самолёт сгорел полностью. Штурман предполагает, что в воздухе самолёт обледенел, потерял скорость и врезался в землю» (ЦАМО, ф. 9-го гв. ал, оп. 218240, д. 9, л. 37).

Второй документ — это политдонесение от 5 июля 1942 года: «Доношу, что в ночь на 28 июня 1942 года экипаж командира корабля Героя Советского Союза Кувшинова Александра Кузьмича на самолёте ДБ-Зф вылетел на выполнение боевого задания по уничтожению материальной части самолётов на аэродроме Харьков. К цели экипаж пробился в сплошной облачности на высоте 900 метров. В результате низкой высоты над линией фронта и над целью, самолёт сильно был обстрелян зенитной артиллерией. Уходя от цели, приняли решение пробраться поверх облачности, и ушли с набором высоты при скорости 270 километров в час. По расчёту времени перелетели линию фронта и, находясь ещё в облачности, капитан Кувшинов торопливо спросил у штурмана, какая скорость. В это время скорость была 220 и резко падала. Иванов напомнил, что скорость падает, но не получил ответа от Кувшинова, и когда скорость дошла до 110 км/час, штурман подал команду прыгать, и сам с парашютом покинул самолёт. В момент прыжка Иванов не видел, оставался ли Кувшинов в кабине или нет. Самолёт упал на линии фронта, на своей территории в районе деревни Бобровые дворы, что юго-западнее Старого Оскола 45 км.

Самолёт сгорел. Капитан Иванов в обломках самолёта обнаружил только труп старшего сержанта Бражника. Капитана Кувшинова вместе с парашютом в обломках самолёта не обнаружил. По предположению Иванова, Кувшинов тоже выбросился или его выбросило в воздухе. Принятые меры Ивановым для поиска Кувшинова положительных результатов не дали, так как наши наземные войска в это время отходили. Штурман в часть прибыл 2 июля.

Вывод: в облачности самолет, возможно, получил сильное обледенение и потерял скорость, капитан Кувшинов, не давая команду экипажу прыгать, стремился самолёт ещё удержать в воздухе, но с этим справиться, очевидно, было невозможно» (ЦАМО, ф. 749-го ап, оп. 197774, д. 6, л. 232).

Два архивных документа совершенно чётко рисуют картину случившегося. В полку произошла, пусть и очень неприятная (погиб Герой Советского Союза), но обычная боевая потеря. Никакого наземного тарана экипаж Кувшинова не совершал.

Не знаю, кто такой В.Волков по специальности, но кто бы он ни был, так искажать исторические факты, никому не позволено. И снаряд, и правая мотогондола, и пожар. А где находится Елец и где Старый Оскол!?

Криворотченко Сергей Данилович — майор, заместитель командира эскадрильи 3-го тбап.

Во время ожесточённых боёв под Сталинградом 3 ноября 1942 года во главе эскадрильи бомбардировал скопление живой силы и техники противника. Встреченные в районе цели большой группой фашистских истребителей, советские лётчики вступили с ними в воздушный бой. Самолёт ведущего был подбит и загорелся. Майор Криворотченко направил горящую машину на скопление вражеских сил» (Т. 1, С. 300).

Автор ссылается на журнал «Авиация и космонавтика» № 2 за 1981 год, в котором помещена статья В. Бубнова «Школа патриотизма». В ней приводится письмо Героя Советского Союза П.Д. Просветова — ветерана полка, участника полёта в ночь на 4 ноября 1942 года. Вот, что он писал: «В этом бою совершил бессмертный подвиг майор Криворотченко — он направил подбитый самолёт на скопление врага. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза».

Во-первых, звание Героя Советского Союза С.Д. Криворотченко присвоено не посмертно, а после гибели. Думаю, что это не одно и тоже. К высокой награде представлен 30 сентября, погиб 3 ноября, а указ Президиума Верховного Совета СССР опубликован 31 декабря 1942 года. Во-вторых, ни в боевом донесении, ни в историческом формуляре полка по этому вопросу нет ни одного слова. Трудно сказать, откуда черпал сведения П.Д. Просветов почти через сорок лет после этого полёта. Может, он воспользовался страницей 216-й книги «Золотые звёзды Днепропетровска» (1967 год издания): «Как рассказывали очевидцы этого боя, экипаж бомбардировщика, который вёл Криворотченко, решил повторить подвиг Гастелло. Горящая машина устремилась в сторону вражеской колонны, чтобы обрушиться на них с бомбовым грузом. Но выполнить этот замысел не удалось. Машина взорвалась в воздухе».

До какой наивности надо дойти, чтобы написать подобное. А кто знает, что экипаж думал, какое решение принимал в те критические мгновения за несколько секунд до того, как самолёт взорвался в воздухе? В общем, получается так: в книге автор поведал только о замысле экипажа повторить подвиг Гастелло, а Просветов довёл этот замысел до конца. Шит

этот факт белыми нитками! Но, тем не менее, он перекочевал в книгу Зайцева.

А теперь заглянем в дело полка по авариям и катастрофам. Там очень неприятный для «исследователей» этого «подвига» документ: «В ночь на 4 ноября 1942 года при взлёте на боевое задание после отрыва от земли на высоте 15-20 метров на самолёте Ли-2, пилотируемом лётчиком Криворотченко загорелся левый мотор. Самолёт с бомбами врезался в землю на границе лётного поля аэродрома Никифоровка и полностью сгорел. Погибли: заместитель командира эскадрильи Криворотченко, бортовой механик Фролов» (ЦАМО, ф. 3-го тбап, рп. 203713, д. 8, л. 216). Далее перечислен характер ранений остальных членов экипажа.

До Сталинграда в эту ночь экипаж не долетел, в воздушном бою участия не принимал и наземного тарана не совершал. Захоронены погибшие члены экипажа в селе Никифоровка Тамбовской области на месте катастрофы.

«Чулков Алексей Петрович —майор, заместитель командира 751-го бап по политчасти.

7 ноября 1942 года во время выполнения боевого задания самолёт был подбит. Лётчик направил его на вражеский объект... 31 декабря 1942 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза» (Т. I, C. 301).

Что хотелось бы сказать по этому факту. Во-первых, звание Героя Советского Союза присвоено Чулкову не посмертно, а после смерти. И это очень важно. Давайте проследим прохождение наградного листа по инстанциям. Командир полка представил лётчика к ордену Ленина 4 ноября 1942 года, то есть за три дня до его гибели. Данное представление подписано командиром дивизии 15 ноября, то есть через семь дней после гибели лётчика. Если бы экипаж Чулкова повторил подвиг Гастелло, то этот факт обязательно был бы отражён в его резолюции. 30 ноября командующий АДД повышает степень награды — представляет лётчика к званию Героя Советского Союза. При этом и в его резолюции факт наземного тарана не отражён.

Ни командир дивизии, ни командующий АДД не могли в своих резолюциях отразить этот факт по той простой причине, что майор Чулков

наземного тарана не совершал. Об этом красноречиво, и это, во-вторых, говорит один из приказов командира 17-й дивизии. Приведу его текст полностью.

«Экипаж майора Чулкова в составе штурмана Чумаш, стрелка-радиста Дьякова, стрелка Глазунова в ночь на 8 ноября 1942 года вылетел на выполнение боевого задания — бомбардировать аэродром Балбасово (Орша). Задачу экипаж выполнил. На обратном маршруте на высоте 300 метров сдал правый мотор, что было передано по радио и получено землёй, после чего экипаж запросил погоду в районе аэродрома, которую получил: ясно, видимость 5-7 км. По какой причине неизвестно, майор Чулков стал терять высоту. Чумаш ему говорил: «Зачем теряем высоту?». Он ответил: «Ничего!». После пролёта линии фронта высота была потеряна до 200-300 метров. Лётчик отдал приказ искать старт, который заметили севернее Калуги около деревни Песочная. Прожекторов не было, только световое «Т». Экипаж решил произвести посадку, рассчитал с большим промазом и в это время радист крикнул: «Ложный аэродром!». Лётчик пошёл на второй круг на одном моторе, разворот сделал в сторону неработающего мотора, то есть вправо. Самолёт стал задевать за лес, ударился плоскостью в дерево и упал на землю. Самолёт загорелся, из кабины штурмана выбросило в сторону. Штурман получил сильные ушибы, а стрелок Глазунов ушибы лица и правого плеча. Майор Чулков и радист Дьяков погибли — сгорели» (ЦАМО, ф. 2-го гв. ак, оп. 1, д. 6, л. 262). Комментарии излишни.

«Скрипка Борис Фёдорович — младший лейтенант, командир корабля 14-го бап.

15 января 1943 года экипаж после выполнения боевого задания был атакован двумя мессершмидтами. Один вражеский истребитель удалось сбить, но другой повредил нашу машину. Раненый командир приказал экипажу покинуть самолёт, а сам направил его на позиции гитлеровцев». (Т. 2. С. 120).

Давайте познакомимся с двумя архивными документами. Первый — это боевое донесение. «Днём 15 января 1943 года командир корабля старшина Скрипко и штурман Забродин бомбардировали аэродром противника Питомник... С одного захода в 14.55 с высоты 3100 метров сбросили четыре ФАБ-250. Бомбы разорвались на аэродроме, подожжено два са-

молёта. В момент бомбометания с большой дистанции был обстрелян с «Ме-110», который был отогнан ответным огнём воздушных стрелков. После бомбометания в районе цели атакованы двумя истребителями. Один из них был сбит воздушным стрелком, загорелся и упал в расположении железнодорожной станции Конный. Второй истребитель произвёл четыре атаки сверху снизу сзади. На третьей атаке был убит стрелок-радист сержант Якимов и ранен стрелок старший сержант Демешко. В результате атаки баки были пробиты, и по докладу борттехника горючее вытекло. На четвёртой атаке истребитель зажёг левую плоскость, разбил мотор, вывел из строя управление, зажёг фюзеляж. При этом были ранены борттехник Иващенко и штурман Забродин.

Командир корабля старшина Скрипко продолжал вести самолёт. После разрушения хвостового оперения штурман выбросился на парашюте, и после приземления подобран нашими войсками. Из самолёта также выбросились Иващенко и Демешко. Последний, предположительно, в виду сильного ранения парашют не раскрыл. Горящий самолёт упал недалеко от точки приземления штурмана. В нём были найдены обгоревшие трупы Скрипко и Якимова. Похоронены 6 км южнее совхоза Котлубань. Штурман был направлен в госпиталь Камышин, где встретил борттехника Иващенко. После частичного излечения Забродин прибыл в свою часть 30 января 1943 года» (ЦАМО, ф. 11-го гв. ап, оп. 213347, д. 3,л. 20).

Второй документ — это политдонесение. «Прибывший в часть старший лейтенант Забродин Александр Захарович, несмотря на ранение, полученное в бою 15 января, явился к командиру с просьбой никуда его из полка не отправлять с тем, чтобы в ближайшее время дать ему возможность снова участвовать в боях. По происшествию доложил следующее... Экипаж принял решение оставить самолёт. Первым выбросился бортмеханик, а на высоте 400 метров оставил самолёт штурман Забродин и стрелокрадист. Предварительно Забродин принёс парашют лётчику Скрипко. Оставив самолёт, штурман заметил, что выпрыгнувший стрелок летел с нераскрытым парашютом. Скрипко, по всей вероятности, выпрыгнуть уже не сумел и вместе с самолётом врезался в землю в 50 метрах от места приземления штурмана. Погибшие члены экипажа похоронены на месте падения самолёта наземными войсками, их партийные и комсомольские документы привезены в часть Забродиным» (ЦАМО, ф. 11-го гв. ап, оп. 194447, д. 8, л. 5).

Я собирался процитировать два документа, но не могу удержаться, чтобы не сослаться на третий, тем более что он небольшой. Ещё в одном политдонесении говорится: «Командир корабля старшина Скрипко, выполняя задание по разгрому оставшейся группы противника, 15 января 1943 года над аэродромом Питомник сбит истребителем противника. Горящий самолёт вёл на свою территорию, летел один, экипаж спас. При приземлении взорвались баки. Скрипко погиб» (ЦАМО, ф. НОго гв. ап, оп. 318572, д. 14, л. 61).

Все документы не содержат и намёка на то, что экипаж Б.Ф. Скрипко совершил наземный таран. Это была боевая потеря. Зачем экипажу приписывать то, чего не было, он и так вёл себя героически — задание выполнил, отогнал немецкого истребителя, вёл воздушный бой ещё с двумя, сбил одного из них (и это днём!), но силы были неравны, и фашистам удалось поразить бомбардировщик. И вообще непонятно, из какой фактуры автору публикации удалось «состряпать» экипажу наземный таран?

«Гаранин Алексей Дмитриевич — капитан, командир эскадрильи 16-го гв. бап.

В ночь с 27 на 28 июня 1943 года в районе станции Орша направил горящий самолёт на фашистские склады с боеприпасами» (Т. 2. С. 133).

Во-первых, я хочу продолжить цитирование, так как дальше идёт ошеломляющая фраза: «31 декабря 1942 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза». Вот так: посмертно получил звание Героя, а через полгода совершил подвиг.

Во-вторых, источник этого «подвига» — газета Ординского района «Ленинский призыв». В двух её номерах (от 9 и 14 мая 1968 года) автор А.Волосатов в статье «Полёт в бессмертие» рассказал о боевом пути своего земляка А.Гаранина. Начал он своё повествование прекрасным рассуждением: «Писать о человеке, с которым никогда не встречался, не говорил с его близкими, товарищами, друзьями, очень трудно. Писать об Алексее Гаранине трудно вдвойне. Потому что гнетёт двойная ответственность за каждое слово».

Вероятно, не гнетёт, ибо, если б угнетала ответственность, Волосатов, не встречаясь с друзьями и однополчанами Гаранина, не знакомясь с архивом, не осмелился бы закончить спой материал следующими словами: «...и, возможно, члены экипажа молчаливым одобрением встретили решение своего командира, резко бросившего свою машину вниз. Самолёт огромным ярким факелом врезался в склады с боеприпасами. Взрыв огромной силы был прощальным салютом героическим соколам».

После этого ещё несколько газет Новосибирской области повторили эту, мягко говоря, вольность А.Волосатова («Вечерний Новосибирск». — 30 октября 1973 года; «Крылья Советов». — 8 января 1973 года и др.). Ну а затем она перекочевала в известное пособие.

Лично я, проверяя этот факт, ещё раз обратился к архивным документам полка. В историческом формуляре, приказах, отчётах оперативного отдела о наземном таране экипажа Гаранина не упоминается. А в сведениях о потерях личного состава говорится, что экипаж не возвратился с боевого задания, в графе «причина невозвращений» указано: «неизвестно».

Обратился я ещё к двум источникам. Первый — извещение № 450 Ногинского военного комиссариата от 18 августа 1943 года, которое уведомляет жену Алексея Гаранина Валентину Дмитриевну о том, что её муж, верный военной присяге... пропал без вести в ночь на 28 июня 1943 года.

И второй. Это книга друга Гаранина, известного лётчика нашей страны дважды Героя Советского Союза А.И. Молодчего. 27 июня у Александра Игнатьевича был день рождения. Отметил он его боевым вылетом. Возвратился с задания и стал ждать посадки самолёта Гаранина, чтобы отпраздновать это событие в узком кругу. Но давайте, почитаем, что об этом пишет сам А.И. Молодчий.

«Расчётное время посадки прошло, все самолёты полка, летавшие в бой, возвратились... а «восьмёрки» всё нет и нет... Я так верил, что Лёша Гаранин вернётся. Перенёс празднование дня рождения на завтра... Но не было его и на второй день. И тогда мне стало понятно: никогда он больше не придёт на мой день рождения». (Молодчий А.И. Самолёты уходят в ночь. — М., 1986. — С. 208).

А.И. Молодчему — однополчанину и другу А.Д. Гаранина — как никому другому известны подробности его гибели. И он, будучи человеком объективным, не наделил своего друга высоким подвигом. Ибо «гнетёт ответственность». А Волосатов и Зайцев это сделали. Ибо не гнетёт.

«Безобразов Григорий Иванович — майор, командир звена 10-го гв. бап, коммунист.

18 апреля 1944 года обрушил горящую машину на сосредоточенную у одной из пригородных железно-дорожных станций восточнее Берлина живую силу и технику противника». (Т. 3. С. 90).

Ещё в двух источниках (журнал «Молодой коммунист», № 5 за 1974 год и «История СССР» № 4 за 1969 год) говорится о наземном таране, совершённом авиатором 10-го гвардейского полка АДД Г.И. Безобразовым. Слово «авиатор» я употребил намеренно, так как в одном месте Безобразов назван штурманом полка, а в другом — командиром звена. Фактически же он штурман корабля. В одном источнике он капитан, в другом — майор. На самом же деле Григорий Иванович был старшим лейтенантом.

Одна из публикаций свидетельствует, что свой подвиг штурман совершил у железнодорожной станции Берлина. Другая — утверждает, что имена остальных членов экипажа пока неизвестны. Вероятно, они неизвестны были только автору статьи. Обе публикации утверждают, что Безобразов за этот подвиг удостоен звания Героя Советского Союза. И здесь ошибка.

Но главная неточность заключается в том, что экипаж дальнего бомбардировщика, в котором Безобразов являлся штурманом, наземного тарана не совершал. Чтобы в этом убедиться, надо заглянуть в довольнотаки солидную историю полка, написанную уже после окончания войны. Вот о чём там говорится.

«В ночь на 18 апреля 1944 года, выполняя боевое задание по освещению железнодорожного узла Львов, не возвратился экипаж Героя Советского Союза гвардии капитана И. И. Даценко. По всей вероятности, он был сбит над целью, так как экипажи наблюдали загоревшийся самолёт, из которого посыпались САБы (светящиеся бомба. — А.С.). Судьба Даценко и его штурмана Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Г.И. Безобразова и стрелка-радиста гвардии старшего сержанта И.А. Светлова осталась до сих пор неизвестной» (ЦАМО, ф. 10-го гв. ап, оп. 364096, д. 1, л. 231).

В нескольких строках архивного документа все ответы на все вопросы: кто Безобразов по должности, его воинское звание, назван весь состав экипажа, что погиб Григорий Иванович, будучи Героем Советского Союза и не где-то в районе Берлина, а над Львовом. Но самое главное этот

документ свидетельствует о том, что экипаж Даценко (подвиг экипажа бомбардировщика определяется именем командира корабля, а не штурмана) наземного тарана не совершал. Судьба экипажа была всё ещё неясной даже после окончания войны. Думается, что если бы у командования полка были хотя бы малейшие сведения о таком высоком подвиге, то они бы обязательно нашли бы отражение в истории.

Мне приходилось встречаться с ветеранами одного из самых прославленных полков АДД периода Великой Отечественной войны — 10-го гвардейского Краснознамённого Сталинградско-Катовицкого. 29 лётчиков и штурманов этого полка стали Героями Советского Союза. В ходе этих встреч ни один из бывших воинов не мог подтвердить этого факта, факта, что экипаж Даценко повторил подвиг Гастелло.

Следует сказать и о том, что в послевоенные годы несколько ветеранов полка опубликовали книги своих воспоминаний. В них описан последний боевой вылет экипажа. Вот, к примеру, это место у Героя Советского Союза Алексея Николаевича Кота:

«В этом полёте вместе с товарищами цель освещал экипаж Ивана Даценко. В составе экипажа был заместитель начальника политотдела дивизии майор М. А. Завирохин. Мы видели, как самолёт, сбросивший САБы, поймали несколько прожекторов. Вражеские зенитки словно взбесились. Трассы снарядов потянулись к освещенному бомбардировщику. Лётчик маневрировал, бросал самолёт из стороны в сторону, но огненный вихры продолжал сопровождать боевую машину, она загорелась и тут же взорвалась. Наверное, снаряд, а может и не один, попал в бензобак. Во все стороны полетели горящие части самолёта. Многие, кто был в это время в районе цели, видели эту страшную картину. Никто из экипажа не смог воспользоваться парашютом. Как выяснилось, это был самолёт капитана Ивана Даценко. Так трагически погибли Герои Советского Союза И.И. Даценко, Г.И. Безобразов, их товарищи...» (Кот А.Н. Отечества крылатые сыны. Днепропетровск, 1989. —С. 223).

А вот, что пишет в своей книге «В грозном небе» Герой Советского Союза Николай Александрович Гунбин: «Летом 1944 года самолёт Ивана Даценко не возвратился с боевого задания. Никто не знал подробности гибели экипажа, полк ждал его возвращения до самого конца войны». (Гунбин Н. А. В грозовом небе. Ярославль, 1984. — C.223).

И ещё одно. В Краснодаре живёт Герой Советского Союза бывший лётчик этого полка Н.П. Жуган. Он участвовал в боевом вылете в эту ночь и был очевидцем гибели экипажа Даценко. Я дал ему почитать эту статью. Вот фраза Николая Павловича, оставленная им на полях: «Могу, как очевидец, подтвердить, что А. Кот написал сущую правду».

Я думаю, что этих архивных и авторских свидетельств вполне достаточно, чтобы утвердиться в выводе: экипаж Героя Советского Союза И.И. Даценко, в котором штурманом был Герой Советского Союза Г.И. Безобразов, наземного тарана не совершал.

Удивительная в своих вымыслах послевоенная судьба лётчика И.И. Даценко. Помимо того, что его наделили несовершенным наземным тараном, из него ещё сделали вождя индейского племени. Смотри об этом статью данного сборника «Вождь краснокожих».

«Ивакин Владимир Иванович — лейтенант, командир корабля 26-го гв. бап, комсомолец.

8 июля 1944 года на 2-м Белорусском фронте наносил удар по зенитной батарее противника. Во время второго захода его машина загорелась от прямых попаданий вражеских снарядов. В. И. Ивакин направил пылающий самолёт на вражескую батарею. Взрыв огромной силы потряс окрестности». (Т. 3. С. 106).

Источником для этого утверждения послужила книга И.И. Киньдюшева «К победным рассветам». Вот что писал в ней автор: «...Бесстрашный советский лётчик направил пылающий самолёт на вражескую батарею. Взрыв огромной силы потряс окрестности. Батарея фашистов замолчала навсегда. Лейтенанта Ивакина можно смело поставить в один ряд с героями Бреста. Память о нём и его боевых друзьях (за давностью времени мне, к сожалению, не удалось установить их имена) навсегда останется в наших сердцах» (Киньдюшев И.И. К победным рассветам. —М., 1978. С. 217).

Ивана Ивановича Киньдюшева нет в живых. Ещё до выхода книги мне довелось с ним встречаться. Прекрасный человек, отличный штурман АДД, воевал без оглядки, стал Героем Советского Союза. Не хотелось верить, что подвиг Ивакина выдумка этого уважаемого мной авиатора. И че-

стно признаюсь: вновь обращаясь к архивам полка, надеялся найти документальное подтверждение подвигу экипажа Ивакина, полагая, что я, в своё время, пропустил этот факт. Но — увы! Подтверждений я не нашёл и факта «подвига» (теперь это слово можно взять в кавычки) экипажа Ивакина не пропускал. А вот подтверждение тому, что экипаж пропал без вести, я нашёл.

Через 21 день после того, как самолёт не вернулся с боевого задания из района Тирасполя (а не Бреста), командир полка подполковник Бурлуцкий подписал извещения родственникам всех членов экипажа: «Прошу известить гражданку Григорьеву Акулину Филипповну, проживающую в Сталинской области Макеевском районе в станице Ханженково в том, что её сын—командир корабля лейтенант Ивакин В.И. пропал без вести 8 июля 1944 года». Аналогичные документы ушли родным штурмана Николая Тимофеевича Васюшина, воздушного стрелка-радиста Виктора Николаевича Иванова.

Экипаж, повторивший подвиг Гастелло, не может считаться пропавшим без вести, он погиб. Вероятно, командир полка через 21 день после невозвращения экипажа с боевого задания, не располагал иными данными, чем теми, которые были отражены в извещениях.

Подтверждение подвигу я не нашёл, но зато без особого труда восстановил имена членов погибшего экипажа. Не очень-то этично описывать гастелловский подвиг экипажа, не назвав при этом имена всех его членов, да ещё заверять, что память о них навсегда останется в наших сердцах. Какая уж тут память без имён!

«Коротков Владимир Яковлевич — лейтенант, командир корабля 22-го гв. бап, комсомолец.

22 сентября 1944 года при доставке оружия и продовольствия партизанам Югославии самолёт был подбит и загорелся. Радист передал в штаб своей части: «Сообщите товарищам и родным, что мы честно выполнили свой долг перед Отчизной». Открыв огонь из бортового оружия, экипаж направил горящую машину на позиции зенитных орудий немцев в район города Ниш». (Т. 3. С. 122). Год назад я завершил монографию о полётах АДД в Югославию, рукопись которой в настоящее время находится в Воениздате. Конечно же, гастелловский подвиг экипажа В.Я. Короткова придал бы ей ещё большую привлекательность. Но на соблазн я не поддался, ибо, проверив этот факт в архиве тщательным образом, убедился в том, что наземного тарана Коротков не совершал. Это была обычная боевая потеря. Вот как она описана в монографии.

«В ночь на 22 сентября 1944 года 14 бомбардировщиков 22-го гвардейского авиаполка повезли на точку Статовац грузовые мешки с оружием и боеприпасы. Был среди них и самолёт молодого лётчика младшего лейтенанта В.Я. Короткова. В 00.50 на КП дивизии от экипажа был принят доклад: «Я — индекс 44. Задание выполнил». Этот же доклад по командной рации слышали члены экипажа Ф.П.Степанова. Они же видели в один час пять минут, что в районе Ниша шёл со снижением самолёт с зажжёнными фарами, упал на землю и взорвался. На месте взрыва возник очаг пожара. Взрыв на земле наблюдали три экипажа — С.В. Жиганова, И.Д. Лещенко и В.И. Хохлова. Причины падения самолёта так и не были выяснены».

Описание этого печального случая сделано мной на основе многочисленных документов, а именно: боевых донесений 22-го гв. авиаполка, 5-й гв. авиадивизии, политдонесений 4-го гв. авиакорпуса, книг учёта погибших полка. Во всех перечисленных документах нет и намёка на гастелловский подвиг. Не говорится об этом и в написанной уже после войны, подчёркиваю — после окончания войны — прекрасной во всех отношениях истории 4-го гвардейского Гомельского авиационного корпуса дальнего действия.

Ко всему сказанному необходимо добавить ещё и мнение по этому вопросу одного из однополчан лётчика — Тимофея Тимофеевича Сафронова: «Речь идёт об экипаже Короткова, повторившего подвиг Гастелло. В войну об этом не говорили. Впервые я услышал об этом из выступления командира полка А.А. Баленко, который утверждал, что якобы Коротков сообщил по командной рации, что ведёт машину на противника на взрыв, но из экипажей никто этого не слышал. Да и в кого можно было в горах врезаться? Вот отсюда всё и пошло, а фактически гибель экипажа была обычной, каких много случалось в войну».

«Белоусов Александр Григорьевич — младший лейтенант, командир корабля 341-го отдельного бомбардировочного авиаполка.

16 апреля 1945 года под Берлином в районе крупного железнодорожного узла Фюрстенвальд тяжёлый бомбардировщик был подожжён и экипаж направил его на склад боеприпасов врага». (Т. 3. С. 153).

Откуда эти данные? Они взяты из газеты ВВС ГСВГ «Советский патриот» №№ 40,44,49, 91, 105 за 1973 год и №№212,213,214,242 за 1974 год, а также из газеты «Красная звезда» за 18 апреля 1974 года и 2 мая 1975 года. Все эти сведения затем перекочевал в книгу маршала авиации Н.С. Скрипко «По целям ближним и дальним». Не обошлось без путаницы: командиром корабля был сделан правый лётчик Н.С. Додор.

Вот что писал Николай Семёнович: «...Уже после войны, в середине семидесятых годов, неподалеку от Берлина были обнаружены обломки советского бомбардировщика... Среди граждан ГДР нашлись очевидцы подвига советского лётчика и его боевых товарищей... Мнения сходятся на том, что лётчик заметил большой склад боеприпасов гитлеровцев и устремил на него горящую машину... Так накануне победного завершения Великой Отечественной войны, комсомолец Николай Додор последовал бессмертному примеру коммуниста Николая Гастелло». (Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. — М., 1981. — С. 346).

Вот так через 30 лет после окончания войны очевидцы из ГДР засвидетель-ствовали, что экипаж А.Г. Белоусова совершил наземный таран.

А теперь обратимся к журналу боевых действий 4-го гв. авиакорпуса, в который входил 41-й бап: «...в результате атаки подбиты оба ведомые самолета командиров кораблей Шилова и Белоусова. Оба самолёта стали отставать. Самолёт Шилова с горящим правым мотором ушёл резко в левую спираль со снижением северо-восточнее Фюстенвальде. Самолёт Белоусова, не доходя линии фронта 15-20 километров, стал резко снижаться. Место падения самолёта не установлено» (ЦАМО, ф. 4-го гв. ак, оп. 1, д. 34, л. 96).

Ну что тут сказать? Может и экипаж Шилова приобщить к гастелловцам?

«Романов Пётр Иванович — капитан, заместитель командира эскадрильи 108-го бап.

В ночь с 17 на 18 апреля 1945 года в составе группы самолётов вылетел на бомбардирование вражеских позиций в районе Альт-Ландсберг (под Берлином). Машина была подбита, и Романов направилеё на скопление боевой техники противника». (Т. 3. С. 154).

А вот что по этому вопросу сказано в боевом донесении полка: «Самолёт № 5093920 (лётчик Романов Пётр Иванович, штурман Смоляков Николай Николаевич, радист старшина Косых Константин Андреевич, воздушный стрелок старшина Шарапов Александр Афанасьевич) на обратном маршруте по радио донёс в 01.05 о выполнении задания, после чего связи не было» (ЦАМО, ф. 36-й ад, оп. 1, д. 139, л. 35).

Вот и всё. Экипаж задание выполнил, возвращался, связь прекратилась, на свой аэродром не вернулся. Обычная потеря. Всё, как было на самом деле.

Вот те гастелловские «подвиги», приведённые в книгах учебного пособия Зайцева, которые я постарался оспорить.

Как восторжествовал такой легковесный подход к исследованию данной проблемы? Думается, главная причина в огромном желании, во что бы то ни стало на фоне отсутствия критичности довести количество гастелловских подвигов до максимально возможного.

Ведь по сути дела я ещё не встречал ни одной статьи, разоблачающей лжесвидетельство хотя бы одного гастелловского «подвига».

Взять хотя бы работу Зайцева. Идея свести в одно учебное пособие все наземные тараны заслуживает всяческого одобрения. Но вряд ли это дело под силу одному человеку. Конечно, если собрать воедино только то, что было опубликовано в нашей прессе о тех, кто повторил подвиг Н.Ф. Гастелло, это можно сделать и одному. Что из этого получилось, показывает критический анализ только той части наземных таранов, которые относятся к авиации дальнего действия. Именно Зайцеву надо было поставить каждый факт публицистического характера под сомнение, перевернуть в поисках истины, «тонны архивной руды» и тем самым придать своей, несомненно, нужной работе научность. Но это путь трудный и долгий. Зайцев пошёл другой дорогой. Хочу обратить внимание на одну деталь: в трёх то-

мах книги ни один факт наземного тарана не подвергнут критике со стороны автора. Это лишь только потому, что он пренебрёг архивами.

В связи с этим весьма сомнительны строки из вступительной статьи Зайцева к первому тому: «При работе над книгой автор исследовал истории частей, наградные материалы, боевые характеристики, личные дела авиаторов, хранящиеся в архиве МО СССР, а также периодическую печать». Периодическую печать — да. Архивные источники — нет. Совершенно бесспорно, что основным документом, подтверждающим гастелловский подвиг того или иного экипажа, является не послевоенное свидетельство очевидца, не газетная статья лихого журналиста, а архивный первоисточник. Хотя и он иногда не отражает истины. Вот один, к счастью единственный, пример.

В документах 50-й авиадивизии дальнего действия я нашёл следующий факт: «17 октября 1941 года экипаж комсомольца, лучшего лётчика дивизии младшего лейтенанта Крылова был подбит 3А на 98-м боевом вылете в районе Самбек. Бесстрашный экипаж в составе штурмана Лихопий, стрелка-радиста и воздушного стрелка комсомольцев Нарыжного и Дзюбы, отважного командира товарища Крылова направил горящий самолёт на скопление вражеских машин. Экипаж погиб славной и героической смертью» (ЦАМО, ф. 50-й ад, оп. 1, д. 206 А, л. 31).

Ещё в двух документах этой дивизии говорится о подвиге экипажа Крылова. Можно представить мою радость, когда я прочитал эти строки: ещё одно имя в славной когорте гастелловцев! Документ сомнений не вызывал и, стремясь наполнить его биографическими сведениями на членов экипажа, я начал поиск их родственников. Написал в село Крутицы Ивановской области, где родился К.Д.Крылов. Через некоторое время пришёл ошеломляющий ответ: мне сообщили адрес самого Константина Дмитриевича. С осознанием какого-то недоразумения направил ему письмо — вы ли это? Оказалось, что он и есть тот самый Крылов, который, как говорится в документе, направил горящий самолёт на скопление вражеских машин и... погиб.

На мой главный вопрос Крылов ответил, что о своём подвиге слышит от меня впервые, что... А, впрочем, вот фразы из его письма: «Я не повторял подвига Гастелло, наверное, на это я был не способен. Экипаж в составе Лихопия, Нарыжного и Дзюбы может быть и совершил его независимо от того, были они живы или нет, однако не по своей и не по моей воле. Я

не знаю, где упал мой самолёт. Приземлился я на парашюте на свежевспаханную землю».

Вот так: архивный документ, казалось бы, что тут сомневаться, но он оказался ложным. И если бы я не нашёл самого Крылова, то, руководствуясь этим свидетельством, описал бы во всех красках гастелловский подвиг его экипажа. И только случайность помогла установить истину.

Работая в подольском архиве, я познакомился с Николаем Дмитриевичем Кузнецовым, который занимался наземными таранами совершенными в ВВС. Мы в читальном зале частенько сидели рядом. Помню, как, листая архивные дела, он вдруг громко вскрикивал: «нашёл!». И приглашал меня посмотреть документ, подтверждающий гастелловский подвиг. Этот радостный возглас до сих пор в моей памяти.

Кузнецов доказывал мне, что экипаж командира корабля 24-го гвардейского авиаполка АДД тоже совершил наземный таран. Уже после его смерти я стал проверять этот факт. В документах полка нашёл, что «при бомбардировании города Севастополя экипаж лётчика Голубева (радист Кузнецов, стрелок — комсорг полка Васильев) пали смертью храбрых, но не сдались врагу. Штурман Кичайкин, благодаря счастливой случайности, спасся на парашюте, и в настоящее время с ещё большей ненавистью громит врага» (ЦАМО, ф. 36-й ад, оп. 1, д. 144, л. 50).

Значит, штурман жив! Надо его найти. Поиск увенчался успехом. В марте 1984 года получил из Ростова-на-Дону письмо. Вот оценка этого полёта Фёдором Алексеевичем Кичайкиным: «В нашем боевом вылете в ночь на 9 мая 1944 года повторения подвига Гастелло не было, а просто удачно выполненное задание с трагическим концом... В момент облегчения самолёта от бомб мы почувствовали сильный удар, машина перешла в беспорядочное падение... После раскрытия парашюта, через какие-то доли секунды я очутился в воде».

Хорошо, что существуют такие люди. А вот пример другого свойства. В истории этого же 24-го гвардейского авиаполка нахожу такой факт: «7 июля 1944 года молодой экипаж Земцова над целью был схвачен 15 прожекторами и подбит огнём ЗА. Смертельно раненый лётчик вместе с самолётом врезался в эшелон на станции Малашевичи (Польша). В результате сгорело 36 моторов. Штурман этого самолёта Тихонов при приземлении сломал ногу. Во время попытки взять его в плен отстреливался до последнего патрона. Не желая отдать себя в руки врага и предпочитая смерть

фашистскому плену, послал последнюю пулю в себя. Воздушный стрелок Кузьмин благодаря польским патриотам был спасён и вернулся в часть» (ЦАМО, ф. 240-го ап, оп. 436525, д. 1,л. 33).

Вполне естественно, что в этом документе меня, прежде всего, привлёк факт самопожертвования Тихонова. Кто бы мог более подробно рассказать о подвиге штурмана? Конечно же, оставшийся в живых стрелок Кузьмин. Начался поиск, в котором мне повезло. Завязалась переписка. Уже во втором письме Виталий Никифорович написал дословно следующее: «Самолёт, пилотируемый Ермилом Филимоновичем Земцовым, не просто врезался в эшелон на окраине города Малашевичи, а его направил сам лётчик сознательно, чтобы воспользоваться последней возможностью отомстить врагу. Да, он повторил подвиг Гастелло».

Из письма я узнал, что наземный таран Земцова описан в книге А. Волкова «Ленинск-Кузнецкий», выпущенной в 1966 году, в книге Н. Стурикова «Летел в ночи самолёт» (1975), а также в ряде газет Кемеровской области. Более того, 18 июня 1969 года Исполком городского Совета депутатов трудящихся города Ленинск-Кузнецкого увековечил память лётчика, приняв решение об установлении мемориальной доски на здании школыинтерната № 5.

В переписке с Кузминым я стал оспаривать факт подвига. Вполне естественно, что и он, в свою очередь, отстаивал свою позицию. Но, надо сказать, не очень-то логично. Вот, к примеру, факты одного письма: «Самолёт горел и падал. Вместе с ним, крутясь и задыхаясь, к земле летел и я... Нет, лётчик не врезался в эшелон, а умышленно направил свой самолёт...». Можно ли направлять самолёт на какой-то объект, если он падает и крутится? Думаю, что нет.

Наша «борьба» в письмах продолжалась ещё некоторое время, пока мне не удалось найти сестру погибшего в самолёте радиста А.И. Подберёзко. Поехал к ней. Среди небольшого количества документов оказалось письмо самого Кузьмина, адресованное ещё в период войны матери Подберёзко. В нём сообщены некоторые подробности этого полёта. Вот выдержки из него:

«7 июля 1944 года наш самолёт подбили прямым попаданием зенитного снаряда, он загорелся, потом в воздухе взорвалась одна плоскость и самолёт начал падать беспорядочно. Мы с Аликом летали всегда в одной кабине. Я сразу же выбросился на парашюте... а остальные мои боевые то-

варищи не успели выброситься из самолёта и упали вместе с ним, так как он падал очень быстро».

И в этом письме Кузьмин писал, что самолёт падал, падал беспорядочно, что взорвалась одна плоскость. Можно ли направить такую машину на объект? Но главное, что удалось установить из письма, так это то, что Кузьмин, подробно описывая этот полёт, совершенно не квалифицирует его как намеренный наземный таран. Почему? Да просто тогда стрелку это не приходило в голову. Эта идея возникла через 20 лет после окончания войны. Почему бы не «погреться» вокруг славы экипажа, повторившего подвиг Гастелло!

И ещё несколько фраз из одного архивного документа. Это дневник боевой работы полка. К описанию итогов за этот день сделано дополнение. В связи с тем, что в нём указана дата возвращения Кузьмина в полк, дополнение совершенно очевидно, сделано с его слов: «В результате обстрела самолёт был подбит и вероятно осколками был убит лётчик. Самолёт начал беспорядочно падать. На вызов штурманом лётчика, ответа не было, тогда штурман подал команду «прыгать». Лётчик и радист не спрыгнули».

Вот так, через 20 лет по инициативе стрелка экипажа Кузьмина факт сбитого в воздушном бою и упавшего на железнодорожный эшелон бомбардировщика, подан в прессе областного уровня как наземный таран.

С помощью приведённых архивных документов, касающихся некоторых экипажей АДД, я попытался показать, что это были обычные боевые потери, что нельзя любой горящий самолёт, упавший на землю, поднимать до высоты подвига, что в исследовании данной проблемы, как и в любой другой, следует руководствоваться не эмоциями, а строгим научным анализом. В этом деле тоже нужен ясный ум и чистые руки. История не любит отмычек, к любому историческому факту нужен ключик.

«Вождь краснокожих»

18 февраля 2000 года как всегда в 19.00 в телеэфир вышла очередная передача «Жди меня». Слушал я её, сидя за письменным столом спиной к телевизору. Повернуться к нему лицом заставило упоминание знакомой фамилии И.И. Даценко. Иван Иванович — Герой Советского Союза, команзвена 10-го гвардейского Краснознамённого Сталинградско-Катовицкого авиационного полка дальнего действия. За годы Великой Отечественной войны в полку воспитано 29 Героев. Мне трудно сравнить этот показатель с другими родами советской авиации, но то, что в авиации дальнего действия он самый высокий — это факт. Сбором материалов по истории АДД периода войны я занимаюсь тридцать лет, на каждого Героя, а их 269, заведена отдельная папка. Одна из них содержит сведения (копия наградного листа, различного рода переписка, фотографии, выдержки из архивных документов, ксерокопии печатных изданий) и о И.И. Даценко. В другой — собраны материалы на его штурмана Героя Советского Союза Григория Ивановича Безобразова.

Оказалось, что передача «Жди меня» уделяет внимание Даценко уже второй раз. Материалы, прозвучавший в ней, поистине сенсационные — советский лётчик, Герой Советского Союза превратностями военной судьбы оказался в Канаде и стал... вождём индейского племени ирокезов. Это уже третья легенда об Иване Даценко.

О первой мне ещё 24 марта 1978 года сообщили пионеры Чернечеярской школы Диканьского района Полтавской области, в которой учился будущий лётчик. «Есть предположение, что могила Ивана Даценко во Франции. Об этом в начале 1975 года было сказано по телевидению. Якобы об этом в школу писали земляки, которые смотрели эту передачу». Более конкретного по этому факту мне ничей неизвестно.

Вторая легенда. Её породил журнал «История СССР» (1969, № 4). Ссылаясь на издание под названием «Красный воин» (1964, 7 октября), журнал в статье о гастелловцах поместил такие сведения: «Майор Григо-

рий Иванович Безобразов, командир звена дальнебомбардировочного авиаполка, 18 апреля 1944 года обрушил горящую машину на сосредоточенные у железнодорожной станции восточнее Берлина живую силу и технику гитлеровцев».

В 1974 году журнал «Молодой коммунист» вновь «зафиксировал» гастелловский подвиг: «Безобразов Григорий Иванович, капитан, штурман 10-го гвардейского авиаполка дальнего действия. 19 апреля 1944 года направил объятый пламенем бомбардировщик на позиции врага. Имена остальных членов экипажа пока неизвестны».

Столько неточностей в двух коротких публикациях! В одной Безобразов назван штурманом полка, во второй — командиром звена. Фактически же он штурман корабля. В одном источнике он капитан, во втором — майор. На самом же деле Григорий Иванович был старшим лейтенантом. Одна из публикаций свидетельствует, что свой «подвиг» штурман совершил у железнодорожной станции восточнее Берлина. Но откуда такие сведения? Другая утверждает, что «имена остальных членов экипажа пока неизвестны». Вероятно, они неизвестны только автору данной статьи. Обе публикации свидетельствуют, что Безобразов за этот «подвиг» удостоился звания Героя Советского Союза. И здесь ошибка. Он получил высокую награду 18 сентября 1943 года, за полгода до «подвига».

Но главная неточность заключается в том, что экипаж дальнего бомбардировщика, в котором Безобразов был штурманом, наземного тарана не совершал. Чтобы в этом убедиться, надо обратиться к архивным документам.

Заглянем в довольно-таки солидную историю полка, написанную уже после окончания войны. Вот о чём там говорится: «В ночь на 18 апреля 1944 года, выполняя боевое задание по освещению железнодорожного узла Львов, не возвратился экипаж Героя Советского Союза гвардии капитана И.И. Даценко. По всей вероятности он был сбит над целью, так как экипажи наблюдали загоревшийся самолёт из которого посыпались САБы (светящиеся авиабомбы. —А.С.). Судьба Даценко, его штурмана Героя Советского Союза старшего лейтенанта Г.И. Безобразова и стрелка-радиста гвардии старшего сержанта И.А. Светлова осталась до сих пор неизвестной» (ЦАМО, ф. 10-го гв. авиаполка, оп. 364096, д. 1, л. 231).

В нескольких строках архивного документа все ответы на все вопросы: кто Безобразов по должности, его воинское звание, что погиб он, бу-

дучи Героем Советского Союза, и не где-то восточнее Берлина, а в районе Львова, наконец, назван весь состав экипажа. Но самое главное, этот документ свидетельствует о том, что экипаж капитана Даценко (подвиг экипажа бомбардировщика определяется именем командира корабля, а не его штурмана) наземного тарана не совершал. Судьба экипажа осталась невыясненной.

А вот шифртелеграмма начальника политического отдела 3-й гв. авиадивизии начальнику политотдела АДД: «В ночь на 19 апреля 1944 года не возвратился с боевого задания экипаж 10-го гв. авиаполка И.И. Даценко, штурман Г.И. Безобразов, стрелок И.А. Светлов. В составе экипажа вторым стрелком находился мой заместитель Н.А. За-вирохин».

В истории 13-й гв. авиадивизии зафиксировано: «В ночь на 19 апреля производился второй вылет на железнодорожный узел Львов. 29 экипажей с высоты 2000-4300 метров под огнём дивизиона ЗА и дивизиона МЗА, поддерживаемые поисками семи прожекторов и патрулирующими истребителями, сбросили на объект 34 тонны бомб. Создано 26 очагов пожара. Удар был выполнен отлично. В этом налёте над целью на 226-м боевом вылете сбит экипаж лётчика-богатыря капитана Даценко. Потеря такого лётчика и его экипажа в составе штурмана Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Безобразова, заместителя начальника политотдела гвардии майор Завирохина и радиста Светлова была очень тяжёлой» (Там же, ф. 13-йгв. авиадивизии, оп. 1, д. 2, л. 139).

Мне приходилось встречаться со многими ветеранами полка, ни один из них не подтвердил того факта, что экипаж Даценко повторил подвиг Гастелло. Следует сказать и о том, что несколько бывших авиаторов полка опубликовали книги своих воспоминаний. Давайте обратимся и к этому источнику информации.

Штурман корабля, Герой Советского Союза А.Н. Кот в своей книге «На дальних маршрутах» так описывает последний боевой вылет экипажа Даценко: «17 апреля мы повторили налёт на район Львова. На этот раз объектом бомбардировки был железнодорожный узел. Несмотря на упорное сопротивление зенитной артиллерии и ночных истребителей, задание мы выполнили. На путях горели вагоны, взрывались склады с горючим. Мы насчитали 26 пожаров. В этом налёте вместе с товарищами цель освещал экипаж Ивана Даценко. В составе экипажа был заместитель начальника политотдела дивизии майор М.А. Завирохин. Мы видели, как самолёт, сбро-

сивший САБы, поймали несколько прожекторов. Вражеские зенитки словно взбесились. Трассы снарядов потянулись к освещенному бомбардировщику. Лётчик маневрировал, бросал самолёт из стороны в сторону, но огненный вихрь продолжал сопровождать боевую машину, она загорелась и тут же взорвалась. Наверное, снаряд, а может, и не один, попал в бензобак. Во все стороны полетели горящие части самолёта. Многие, кто был в это время в районе цели, видели эту страшную картину. Никто из экипажа не смог воспользоваться парашютом. Как потом выяснилось, это был самолёт капитана Ивана Даценко». (Кот АН. На дальних маршрутах.—Киев, 1983. — С. 132).

Штурман корабля, Герой Советского Союза Н.А. Гунбин в своей книге «В грозовом небе» пишет: «Большая физическая сила позволяла ему легко пилотировать довольно тяжелый ДБ-3ф. Десятки раз ночью водил он свой перегруженный самолёт в глубокий тыл противника. Каждый такой полёт был испытанием мужества, стойкости, боевого мастерства. И отважный лётчик выдерживал все испытания... Но летом 1944 года самолёт Ивана Даценко не возвратился с боевого задания. Никто не знал подробностей гибели экипажа, полк ждал его возвращения до самого конца войны». (Гунбин Н.А. В грозовом небе. — Ярославль, 1984. — С. 187).

Думаю, что архивных и авторских свидетельств вполне достаточно, чтобы утвердиться в выводе: экипаж Героя Советского Союза И.И. Даценко, где штурманом был Герой Советского Союза Г.И. Безобразов, наземного тарана не совершал.

Последний полёт экипажа И.И. Даценко следует вписать в общий фон боевой работы авиации дальнего действия по городу Львову в апреле 1944 года. Эту возможность дала исключительно редкая, если не единственная, претензия к действиям АДД со стороны Г.К. Жукова, как представителя Ставки ВГК в войсках.

Действуя в интересах 1-го Украинского фронта в апреле 1944 года, АДД четырежды (10,19,24 и 28) бомбардировала железнодорожный узел и важные военно-промышленные объекты города Львова. Это была одна из крупнейших баз, питающая немецкую группировку войск людскими резервами, техникой и боеприпасами. К городу сходились восемь железнодорожных магистралей, связывающих центральную и южную группировки немцев.

Соединения, которые участвовали в нанесении ударов по этому объекту противника, доносили о хороших результатах бомбардирования. И вдруг после второго массированного удара в ночь на 19 апреля командующий АДД А.Е. Голованов получил следующую шифровку от Г.К. Жукова: «Товарищи Красовский и Новиков мне докладывали, что АДД в первый и второй раз не наносила удара по железнодорожному узлу Львов, а бомбардировали прилегающие деревни, и что никаких воронок на узле после бомбардирования не было. Тоже самое заявил пленный лётчик с Львовского аэродрома. Прошу срочно расследовать эти вопросы и доложить мне».

Началось расследование. По его результатам Голованов донёс следующее: «1-й Украинский фронт, маршалу Советского Союза Жукову. После тщательной проверки докладываю.

- 1. В ночь на 10 апреля 1944 года на бомбардирование железнодорожного узла Львов вылетало 205 самолётов. Результаты бомбардирования контролировали специально выделенные 16 экипажей-контролёров (в том числе один заместитель командира дивизии, два командира полка, три штурмана дивизии)...
- 2. В ночь на 19 апреля 192 экипажа, для контроля —-11 экипажей, в том числе старший инспектор штурманской службы АДД. По заключению всех контролирующих большинство экипажей задачу выполнили успешно, эффективность действий, вследствие менее благоприятных метеорологических условий, была несколько меньшей, чем в ночь на 10 апреля. Фотографирование производили семь экипажей, но вследствие сильной дымки над целью, снимки получились слабые и не дешифрировались. Никаких сомнений в том, что вместо Львова бомбардировались другие цели, нет. Сотни экипажей, десятки контролёров из разных мест дислокации частей сообщили один результат» (ЦАМО, ф. 39, оп. 11515,д.9,л. 516).

Вот в такой обстановке совершил свой последний боевой полёт экипаж И.И. Даценко. Можно привести ещё несколько фактов из боевой биографии экипажа. Герой Советского Союза генерал-полковник авиации С.Ф. Ушаков в своей книге «В интересах всех фронтов» писал: «В ночь на 4 мая 1943 года АДД бомбардировала железнодорожный узел Орша... Первым над целью появились экипажи 10-го гвардейского авиаполка... Экипаж старшего лейтенанта И.И. Даценко первым выполнил бомбометание, вынудив противника сосредоточить на его самолёте прожекторы и огонь артиллерии».

15 июля 1943 года экипаж И.И. Даценко, участвуя в налётах на вражеские объекты в ходе сражения под Курском, совершил свой двухсотый боевой вылет. На борту их самолёта крупными буквами было написано «За советскую Украину».

Когда освободили Диканьку, Иван Даценко попросил у командира полка разрешения слетать в родные места. На самолёте, требовавшем облёта после ремонта, экипаж взял курс на воспетую Н.В.Гоголем и ставшую знаменитой Диканьку. Пересекли Ворсклу, в прохладных водах которой мальчуганом купался Иван, чтобы лучше рассмотреть родное село, снизились почти до бреющего. Но утопающих в садах с белыми оконными наличниками хат так и не увидели. Вместо них обугленные стволы фруктовых деревьев, да груды кирпичей и самана.

За 213 успешно выполненных боевых заданий 8 августа 1943 года, в разгар Курской битвы, командир полка подполковник Н.М. Кичин представил командира звена 10-го гвардейского авиаполка к званию Героя Советского Союза. На следующий день представление подписал командир авиадивизии полковник И.К. Бравко, а ещё через два дня командир авиакорпуса генерал-майор авиации Н.А. Волков.

В наградном листе командир полка отмечал такие лётные качества Ивана Даценко. «В полку считается исключительно отважным, неутомимым и грамотным лётчиком». «Летает в сложных условиях дня и ночи». «При бомбометании, независимо от противодействия, делает по несколько заходов на высоте, обеспечивающей точность бомбометания». «Не знает усталости и пределов своих возможностей, с каждым вылетом увеличивает бомбовую нагрузку». «Отважный лётчик, неутомим в работе».

Золотая звезда Героя и орден Ленина — это вторая награда Ивана Даценко. Первую — орден Красного Знамени — получил 31 декабря 1942 года.

Теперь о факте, который относится к послевоенному периоду и в какой-то степени может помочь в дальнейших поисках. В городе Львове проживал (улица Минская, 5, кв. 4) радист из экипажа Героя Советского Союза, генерал-майора авиации в отставке Н.П. Жугана (Краснодар, ул. Мира, 35, кв. 17) В.П. Лужецкий. В декабре 1984 года Виктор Петрович писал своему бывшему командиру: «По поводу экипажа И.И. Даценко. Возглавляет ребят некий Глеб Николаевич Рокотов — полковник в отставке, ему гдето за семьдесят. Он-то меня и нашёл... Утверждать, что это именно самолёт

нашего авиаполка на сто процентов нельзя — машина взорвалась в воздухе, прошло сорок лет, район в лесу очень глухой, завалы, толща листвы и т.д. Нашли ШКАС, кое-какие металлические детали... Я допускаю, что именно здесь погиб экипаж, так как заход на цель наиболее удобный с севера...».

Узнав о содержании этого письма, я написал В.П. Лужецкому. 25 июля 1987 года он сообщил мне следующее: «Конкретных вещественных доказательств гибели экипажа И.И. Даценко нет. Просто убеждает железная логика вещей. Некоторые участники этого боевого вылета, в том числе и Н.П. Жуган, свидетельствуют о том, что одна из машин при заходе на цель взорвалась в воздухе... В Брюховичском лесу в послевоенные годы много найдено остатков наших самолётов... В Брюховичах находится пионерлагерь железной дороги. На его территории комсомольцы решили установить обелиск, здесь предполагаемое место гибели экипажа».

Таковы факты из боевой биографии экипажа И.И. Даценко. Они неопровержимо свидетельствуют не о гибели всех его членов, а о том, что они пропали без вести.

Теперь о третьей легенде, о которой поведала передача «Жди меня». Пока это действительно легенда, которая, без всякого сомнения, может превратиться в исторический факт. Если Ил-4 И.И. Даценко взорвался в воздухе, то это не значит, что все члены экипажа погибли. Таких случаев в АДД множество. Были даже случаи, когда кто-то из членов экипажа падал, находясь в отдельных частях фюзеляжа разломавшегося самолёта, и оставался жив. А штурман И.М. Чиссов из экипажа упомянутого Н.П. Жугана 25 января 1942 года падал с нераскрытым парашютом с 7000 метров и остался жив.

Вполне возможно, что кто-то из экипажа И.И. Даценко, в том числе и он сам, остался в живых, воспользовался парашютом и удачно приземлился. Такой вариант имеет право на версию.

Предположим, что И.И. Даценко остался жив. Тысячи членов различных экипажей АДД в годы войны оказывались на его месте и все они без исключения стремились перейти линию фронта и вернуться в родной полк. Кому-то это удавалось сделать быстро, кто-то возвращался в родные пенаты через несколько месяцев. Кому-то посчастливилось избежать встречи с врагом, кому-то нет. В последнем случае было два исхода: либо смерть в неравном бою, либо пленение. И.И. Даценко в полк не вернулся ни во время войны, ни после её окончания. Это — исторический факт, подкре-

плённый архивными документами и воспоминаниями однополчан. И если И.И. Даценко — лётчик и И.И. Даценко — индеец одно и то же лицо, то можно, без особого риска ошибиться, предположить, что его встреча с врагом состоялась, в её итоге он был пленён.

Ну а дальше — как, когда, куда, зачем — это лишь догадки. Ответить на эти вопросы можно, но только как предположительный вариант из нескольких возможных. А вот газета «Труд» — «толстушка», стараясь быть впереди всей отечественной прессы, пером Ларисы Алимамедовой, немедленно откликнулась на передачу «Жди меня» и состряпала в биографии Ивана Даценко после 19 апреля 1944 года совершенно ничем не подкреплённые факты, фаничащие с не имеющей границ фантазией. Он, оказывается, успел выпрыгнуть из объятой пламенем машины, но попал в плен. Ему удалось бежать и даже добраться до своих, но «свои» встретили его как предателя и направили в концентрационный лагерь. По дороге ему вновь удалось бежать («Труд». — 28 февраля 2002 года).

Откуда эти сведения? Из архивных документов, из воспоминаний самого лётчика, из рассказа его жены-индианки, детей или внуков? Ничего подобного! Это умозаключение автора статьи, поданное как подлинный факт.

Если предположить, что лётчику удалось бежать из плена и «добраться до своих», то об этом командование полка было бы поставлено в известность незамедлительно. А если по дороге в «свой лагерь» ему удалось бежать, то об этом командование знало бы тем более.

Так откуда же это сочинительство? Откуда торчат уши? Да всё от того же антисоветизма, который вот уже второй десяток лет гуляет по просторам бывшего СССР, прорабы которого даже затмение солнца могут поставить в вину советской власти. Не преминула «лягнуть» её и Алимамедова: «Эсамбаев знал истинную причину, по которой украинский парень, бежав из своей страны, попал на другой континент, но молчал об этом и тогда, и в последующие годы, понимая, что КГБ достанет на краю света... Значит всё знал Эсамбаев, только опасался предавать огласке услышанное «из первых уст» — ведь Ивану Ивановичу Даценко было что скрывать от вездесущего КГБ».

Как хорошо, что подобные Алимамедовой люди не стояли у руля государства в годы войны, а то бы наша Победа в 1945 году или не состоялась, или была бы достигнута ещё большими жертвами. Послушаешь или

почитаешь подобных «правозащитников» и хочется спросить: а что органы НКГБ (так в то время называлось это ведомство) или «СМЕРШ» не должны были проверять тех, кто вернулся из плена? Улетел экипаж на задание и не вернулся. Нет месяц, нет два. А на третий кто-то из его состава прибыл в полк, доложил, что был в плену. «Ладно, — говорит ему командир, — это ерунда, главное, что сам жив. Сегодня летим на Берлин, после обеда предполётная подготовка, готовься!». А на ней, на предполётной подготовке, говорится, сколько экипажей идёт в бой, когда вылет, каков маршрут и т.п. совершенно секретные сведения. То есть вернувшийся из плена становится обладателем таких сведений, которые врагу знать ну никак не положено. А если он о них узнает, то будет большая беда для многих.

История АДД периода войны изобилует многими примерами, когда вернувшиеся члены экипажа после проверки в полку через несколько дней уходили на боевое задание. Если же он в плену находился слишком долго, то и проверка была более тщательной. Но и после неё возвращались в боевой строй. А некоторые и срок получали. Значит, было за что.

Как хорошо, что редакция телепередачи «Жди меня» занимается добрым делом и как плохо, что некоторые периодические издания типа «Труда» используют его лишь только для того, чтобы в очередной раз мазнуть советское прошлое чёрной краской. Совершенно бездоказательно! А когда эти доказательства газете предоставляются, то она, «сохраняя лицо», этот материал не публикует. Даже не считает своим долгом поблагодарить автора за стремление внести ясность в искажённый редакцией факт. Видимо в «демократической прессе» «демократической страны» так и должно быть. Это ли не цензура!?

Судьба двух генералов в кривом зеркале фальсификаторов Великой Отечественной войны

Любая война рождает не только своих героев, но и предателей. Герой и предатель... Это не абстрактные понятия. За ними стоят совершенно конкретные дела совершенно конкретных людей. В ленинской формулировке — «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» — заложен глубокий смысл. Жить в обществе — это, прежде всего, иметь перед ним обязанности. Одна из них, названная в советскую эпоху священной, обязывает каждого гражданина защищать от внешних врагов свой народ, свою страну. Защищая их, он защищает себя, свою семью, свой дом. И вот как это делает тот или иной гражданин той или иной страны и рождает понятия — герой и предатель.

Минувшая война, которую нарекли Великой и Отечественной, в этом плане не исключение. Более того, она, как никакая другая, дала на этих крайних полюсах, характеризующих отношение человека к своей Родине, удивительный пример — Д.М. Карбышев и А.А. Власов. Два генерала, два антипода, две судьбы.

У них много общего: одна страна, одна армия, одна партия, одна присяга. Оба стали генералами, участвовали в войне в её начальный период, стали пленниками, правда, в отличие от Карбышева, Власову эта участь выпала дважды. Да и финальные даты жизненного пути у них почти рядом — Карбышев геройски погиб в ночь с 17 на 18 февраля 1945 года, а Власов пленён менее чем через два месяца после его смерти. Но между ними много и разного. Главное — это отношение к священному понятию Родина.

Несколько послевоенных десятилетий в общественном сознании советского народа первый был Героем, второй — предателем. В восьмидесятых годах в связи с продуманной подготовкой контрреволюционного переворота в стране началась, а сегодня, когда эта чудовищная акция свершилась, продолжается целенаправленная кампания очернения героев минувшей войны и обеления предателей.

Надо отметить, что в грязном деле «отстрела» самых героических имён (Н. Гастелло, З. Космодемьянская, А. Матросов, Н. Кузнецов и др.) на имя Д.М. Карбышева рука антисоветчиков серьёзно ещё не замахнулась. Хотя об одном «замахе» упомянуть следует.

Речь идёт о статье в «Новой газете» за 22-24 марта 2004 года под броским названием «Две смерти генерала Карбышева». Статья заняла целую страницу и подана под рубрикой «Архив: единица хранения». Ни каких ссылок, ни на какую единицу хранения в ней нет. Автор А. Меленберг не подвергает особому сомнению суть подвига Д.М. Карбышева, он только «возмущается» тем, как некоторые советские писатели и журналисты в своих книгах и статьях «приукрасили» саму смерть генерала, превратили его в «ледяной столб». По крупному счёту он прав. Но посмотрите, как ядовито всё это подано.

Выделяя главную суть статьи, редакция газеты сопроводила её своими двумя оценкам. Их содержание и подача крупным шрифтом были явно рассчитаны на то чтобы, привлечь внимание читателя к самой статье. «Запущенная сталинскими идеологами страшная сказка о «ледяном герое» передавалась из поколения в поколение». «Гитлеровские надзиратели убили генерала, а сталинские мифотворцы его смерть «подправили». Свою позицию по отношению к Д.М. Карбышеву редакция оттенила и во врезке. Следует сразу сказать о её первой фразе: «За годы Второй мировой войны в немецкий плен попали 83 генерала Красной армии». Редакция столь известной газеты должна была бы знать, что, вопервых, советские генералы могли попасть в немецкий плен только в годы Великой Отечественной войны, а отнюдь не Вторая мировой, и, во-вторых, в сочетании слов «Красная армия» оба слова пишутся с заглавной буквы.

Из врезки, далее, мы узнаём, сколько из этих 83 пленных генералов погибло в застенках немецких концлагерей, сколько из них репрессировано и сколько оправдано. На основе этого анализа делается вывод: «Столь жесткая (по логике вещей надо бы было употребить слово «жестокая», но каких только ошибок не допустишь в спешке! — А.С.) расправа над коллегами не могла не произвести удручающего впечатления на офицерский корпус». Ну, не надо же врать, рассчитывая на неосведомлённость читателей! Что эти сведения тогда, в первые послевоенные годы, были известны офицерскому корпусу? Полно те! Занимаясь историей Великой Отечественной войны вот уже четыре десятка лет, я впервые знакомлюсь с

этими цифрами. И далее в той же врезке: «На этом нерадостном фоне Сталину был нужен сугубо положительный образ пленного советского генерала. Так начал создаваться один из самых устойчивых советских мифов. Для каждого в Советском Союзе образ генерала Карбышева прочно ассоциируется с вмороженным в глыбу льда, но не сдавшимся героем».

А что И.В. Сталин, удручённый «нерадостным фоном», запросил список погибших пленных генералов, ткнул пальцем в фамилию Д.М. Карбышева и приказал делать из него «сугубо положительный образ»? А где документик? Нет? Так на каком же основании вы приписываете И.В. Сталину то, чего не было? Ах, вам так хочется! Простите, тогда это уже не исторический факт, а миф для «разоблачения» «одного из самых устойчивых советских мифов». Когда ложь замещает историю — это уже фальсификация!

Подвергать критическому анализу содержание самой статьи, смысла нет, в ней не нашлось о советском генерале ни то, что одной доброй фразы, но даже ни одного тёплого слова. Однако процитировать её концовку следует: «Генерал Карбышев стал жертвой дважды: сначала — гитлеровских надзирателей, затем — сталинских мифотворцев». Да нет, теперь уж трижды: надзирателей, мифотворцев и меленбергов.

Нет спору, мифотворчество достойно осуждения. Но весь вопрос в том, как это сделать. Подвит человека, прошедшего через самые мрачные фашистские тюрьмы и лагеря смерти — Остров-Мазовецкий, Хаммельбург, Замостье, Дахау, Майданек, Флюссенбург, Освенцим, Заксенхаузен, Норнберг, Маугхаузен, — не поддавшегося на посулы, и не склонившего головы перед пытками, издевательствами и лишениями, при освещении проблемы «ледяного столба», достоин более уважительного отношения к его имени.

Есть хорошая и добрая книга о Д.М. Карбышеве, выдержавшая уже три издания. Принадлежит она перу профессора, доктора исторических наук В.С. Познанского и называется очень просто — «Д.М. Карбышев». При её написании автор, как он сам пишет в предисловии, **«руководствовался незыблемым для историка-биографа положением: величие выдающегося человека** — в данном случае Д.М. Карбышева — не нуждается в приукрашивании, ни в домыслах героики, ни в сокрытии чего бы то ни было негативного». Следуя именно этому правилу, В.С. Познанский так высказал свою точку зрения в отношении «ледяного столба»:

«Понятно, как воспринял наш народ сообщение о героическом подвиге советского генерала. Но, к сожалению, не историк рассказал о нём, а журналисты, которые привнесли нелепый домысел о «ледяном столбе». В качестве популяризатора «ледяного столба» выступал и я в газетных и журнальных статьях 50-х - начала 60-х годов... Мы часто заблуждались и до нашего сознания не доходило, что подменяем подлинного человека-патриота манекеном из красивой страшной легенды... Память о Д.М. Карбышеве должна быть чем-то большим, нежели потрясающий воображение факт мученической гибели стойкого генерала - героя... Согласитесь со мной, уважаемый читатель, что восстановление истинной картины казни Д.М. Карбышева фашистским зверьём ни на гран не понизило вашего преклонения перед мужеством героя. Как историк не имел автор права не сказать правду, хотя и пришлось занести руку на воспринятую миллионами советских людей легенду. Последнее даже противоречило логике: во второй половине февраля, накануне полного краха гитлеровцам важнее было уничтожить следы своих преступлений, нежели создавать ледяной монумент русского генерала для устрашения военнопленных. И где? В Маутхаузене — лагере «наивысшей категории», лагере уничтожения обречён**ных».** («Д.М.Карбышев». — Новосибирск, 1980. — С. 328).

Не мог Меленберг, а вместе с ним и редакция, затрагивая проблему «ледяного столба», найти слова, я уже не говорю подобной тональности, но хотя бы не оскорбляющие честь и достоинство пожилого генерала, не оскорбляющие чувства миллионов советских людей, чисто, умом и сердцем воспринявших его подвиг. Не мог, ибо, будучи не в силах занести руку на суть самого подвига, он целую статью посвятил «ледяному столбу», чтобы через эту проблему ещё раз мазануть кистью с чёрной краской по советскому прошлому. Вы посмотрите сколько раз в приведённых нескольких цитатах автор статьи и редакция «лягнули» И.В. Сталина!

Больше ничего негативного в отношении Д.М. Карбышева я не встречал. Возможно, что-то и есть, но эти материалы прошли мимо меня. В отношении генерала - патриота избрана иная тактика — замалчивание. В последние десять—пятнадцать лет в стане демократической прессы в основном — молчание. Словно такого героя минувшей войны и не было.

Совершенно иное отношение к А.А. Власову. Вокруг его имени антисоветчики развернули целую дискуссию. Её стержнем стал вопрос — кем

был Власов в годы Великой Отечественной войны? Изменником Родины, вставшим на предательский путь сотрудничества с фашистами, или патриотом, начавшим борьбу против «сталинского режима»? Дискуссия по этому вопросу выплеснулась на страницы многих газет и журналов. Нашлись журналисты, и даже учёные, которые стали возводить главного предателя страны на пьедестал патриота (воистину: какое же это грязное дело — политика!). Однако этому мракобесию был дан бой. Противоборство двух мнений воплотилось даже в названиях книг (например, А.Н. Колесник «Генерал Власов — предатель или герой?»).

За тщетными потугами авторов публикаций, стремящихся из предателя сделать героя, слежу давно. Это вызвано не только соответствующей гражданской позицией, но и профессиональным интересом военного историка. Занимаясь историей авиации дальнего действия периода Великой Отечественной войны, подготовил к изданию рукопись «Курс — аэродром «Три дуба». Она рассказывает о той помощи Советского Союза Чехословакии, которая была оказана на крыльях АДД в связи с начавшимся в конце августа 1944 года Словацким национальным восстанием. Оказание этой помощи продолжалось до окончания войны в Европе.

Как известно, созданная Власовым «Русская освободительная армия» (РОА) заканчивала своё непродолжительное существование на территории Чехословакии. Её агония происходила в районе Праги. Здесь 12 мая 1945 года и был пленён её командующий. За месяц до этого события НКГБ Украины была сформирована разведывательно-диверсионная группа под кодовым названием «Факел», целью которой стал захват генерала - предателя и его ближайших сподвижников. В район Праги она была доставлена экипажами АДД.

После пленения этой группой начальника штаба РОА генерала Ф.И. Трухина, и после ареста танкистами самого Власова, стал вопрос об их доставки в Москву. Во многих публикациях пленение Власова, с небольшими и несущественными расхождениями, описано достаточно подробно. А вот каким образом он через несколько дней оказался в Москве, никто не пишет. Пожалуй, только один Ю.А. Квицинский в своей книге «Генерал Власов: путь предателя» упоминает о том, что Власов был доставлен в Москву самолётом. Но только упоминает.

Я же располагаю воспоминаниями лётчиков, которые перебрасывали в район Праги разведывательную группу «Факел», доставляли в

Москву арестованных Трухина и Власова. Эти уникальные материалы помещены в рукописи. Однако её превращение в книгу по финансовым соображениям затягивается. Приближающееся 60-летие пленения Власова и его транспортировки в Москву побудили меня опубликовать эти, до настоящего времени никому неизвестные (исполнители этих рейсов уже ушли из жизни), воспоминания.

Работа над очерком заставила вновь поднять некоторые публикации о Власове, «пропустить через себя» его трагедию, осмыслить подлинную суть его измены. Возникло непреодолимое желание показать, откуда «растут ноги» не только того предательства, которое привело к печальному финалу в годы войны подобных Власову, но и «протянуть ниточку» этого гнусного явления до наших дней, когда предательство привело к трагедии целого народа. И все время работы над очерком в памяти вставал образ власовского антипода — Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта инженерных войск, профессора, доктора военных наук Д.М. Карбышева.

Так родился очерк «Судьба двух генералов в кривом зеркале фальсификаторов Великой Отечественной войны». Одного, как истинного героя, замалчивают, другого пытаются сделать героем.

Патриот

18 февраля 1945 года в застенках гитлеровского концентрационного лагеря уничтожения Маутхаузена завершился жизненный путь великого гражданина Советского Союза Дмитрия Михайловича Карбышева. Его мужество, стойкость, несгибаемая воля, верность долгу, присяге, народу в своё время нашли отражение в многочисленных журнальных и газетных статьях, поэмах и книгах. Учёные, писатели, журналисты оставили добрую память об истинном патриоте нашей Родины. Их произведения стали хорошим подспорьем в деле военно-патриотического воспитания нашей молодёжи. Вряд ли можно что-либо добавить к тем фактам, которые освещены в этих трудах. Вряд ли кто-либо располагает сегодня такими фактами. Не располагаю ими и я. Моя задача более скромная и двоякая: в связи с шестидесятилетием гибели Карбышева восстановить его доброе имя в памяти многих советских людей (благо отменить это гордое словосочетание голосованием в Думе, как это сделано в отношении праздника 7 ноября, невозможно!), а также дать информацию о нём молодым людям, для которых это замалчивание по сути дела и вершится.

Постараюсь сделать это через россыпь воспоминаний самого Д.М. Карбышева, его родных и близких, сослуживцев и узников концлагерей, которые в своё время были опубликованы в различных изданиях. Давайте с их помощью воссоздадим главные факты из жизненного пути истинного патриота нашего Отечества, которые характеризует его как человека, семьянина, военного, педагога, коммуниста, борца.

О назначении на должность после окончания Николаевской военно-инженерной академии:

«Первое назначение — штабс-капитан для поручений при начальнике инженеров 11-й армии генерал-лейтенанте К.И. Величко. Карбышеву эта должность представляется «вполне тыловой». И через несколько недель учитель отпускает ученика из штаба на самостоятельную работу в войска на боевых позициях».

Познанский В.С.

«Д.М. Карбышев». — Новосибирск, 1980. — С. 23.

Из воспоминаний жены Лидии Васильевны Карбышевой (медицинской сестры):

«Дмитрий Михайлович очень много работал на фронте. Целыми днями пропадал на позиции. Он был требователен к своим подчинённым и, в особенности к себе... Сапёры его очень любили, несмотря на то, что он был строг и взыскателен. Когда переезжали на новое место, он сам вовремя не поест, не ляжет спать, пока не посмотрит, как устроились и улеглись его солдаты, поели ли, всё ли у них в порядке. Только тогда он успокаивался и, придя домой, говорил: «Теперь, мать, давай есть. Мои дети (так он называл солдат) поели и спят. Теперь я могу сам спокойно отдыхать».

«Д.М. Карбышев». — С. 26.

В.С. Познанский, профессор, доктор исторических наук:

«Величайшая в истории человечества социалистическая революция не могла не сказаться на всей дальнейшей судьбе кадровых офицеров русской армии, 37-летнего Д.М. Карбышева. Ему предстояло сознательно, согласно своим внутренним убеждениям, имея определённые представления о чести, долге перед Россией, найти своё место в стремительно развивающихся и весьма ответственных событиях, решиться на участие в начавшейся гражданской войне, правильно выбрать в ней сторону баррикад... И если

Д.М. Карбышев оказался с первых дней социалистической революции в рядах её защитников, то это лишь подтверждает высокое гражданское мужество и способность умного и передового по взглядам офицера правильно разбираться в происходящем».

«Д.М. Карбышев». —С. 30-31.

Резолюция митинга 215 солдат-сапёров инженерной роты одной из сибирских стрелковых дивизий:

«1. Приветствуем Советскую власть и поддерживаем её всеми имеющимися у нас средствами... 3. Клеймим изменников Революции, особенно сейчас, когда в России идёт гражданская война и может быть сорвано дело мира, которое так долго ожидается нами. 4. Требуем от Фронтового Исполнительного Комитета немедленно отдать приказ об аресте генерала Щербачёва, командующего армией, как контрреволюционного элемента, отказавшегося подчиниться Советской власти... Да здравствует Советская власть! Да здравствует земля и воля! Да здравствует мир! Да здравствует социализм! Председатель ротного собрания —Карбышев, секретарь — Барухов».

«Д.М. Карбышев». — С. 32—33.

Е.Г. Решин, бывший комиссар военно-полевого строительства по укреплению Волжского рубежа:

«Карбышев получил от Фрунзе и Куйбышева телеграмму: немедленно произвести рекогносцировку и срочно приступить к устройству полевых позиций в районе верховья реки Ташолки — село Мусорка... Я полагал, что выполнение этого задания в условиях весенней распутицы и бездорожья займёт не менее недели... К моему большому удивлению, он вернулся в Самару с рекогносцировки через два дня».

«Комсомольская правда», 27 октября 1970 года.

Из приказа № 412 от 30 марта 1923 года по войскам Украины и Крыма:

«... Товарищ Карбышев Д.М. прибыл в войска Украины и Крыма в октябре 1920 года из 5-й армии и был назначен на должность заместителя начальника инженеров всех вооружённых сил Украины и Крыма. При организации инженерной обороны фронта, ударных кампаний по заготовке

топлива и приведению в достойный вид красной казармы, несмотря на скудные материальные средства и постоянный недостаток живой силы, тов. Карбышев сумел проявить особую энергию и упорство, связанные с любовью к делу. Военно-инженерный опыт гражданской войны получил должное завершение в трудах тов. Карбышева... Отмечая полезную деятельность тов. Карбышева в деле мирного строительства Красной Армии, от лица службы объявляю благодарность и выражаю надежду, что и на новом ответственном посту его работа будет такой же деятельной и плодотворной. Командующий Вооружёнными силами Украины и Крыма и уполномоченный Реввоенсовета Республики — М.Фрунзе».

«Д.М. Карбышев». — С. 197.

И.М. Цалькович, инженер-полковник:

«В январе 1924 года в Москве собрался второй съезд начальников инженеров фронтов, армий и округов... Съезд совпал по времени с последним периодом болезни В.И. Ленина. За день до трагического сообщения о великой утрате делегаты были информированы о том, что Владимиру Ильичу стало лучше. Тем тяжелее было на следующий день во время вечернего заседания съезда услышать скорбное сообщение о кончине В.И. Ленина. Все встали, чтобы почтить память вождя. Вглядываюсь в лица делегатов. В подавляющем числе это беспартийные, бывшие генералы и старшие офицеры старой армии, честно защищавшие свою родину от интервентов и белогвардейцев. На лицах искренняя скорбь. Коммунисты и стоявшие рядом со мною соратники по Восточному фронту — начальник инженеров Сибирского военного округа Вискунов и Карбышев — плакали, не стесняясь своих слёз».

«Солдат, герой, учёный». —М., 1961. —С. 57.

Е.Д. Карбышева, дочь Д.М. Карбышева:

«Многие недоумевали, почему он, в своей жизни и служебной деятельности постоянно руководствующийся идеями партии, находится вне её рядов. Этот вопрос часто приходил в голову и мне. Ведь из рассказов родителей я знала, как радостно встретил папа революцию, как легко, без всяких колебаний, снял погоны подполковника и сразу же включился в кипучую жизнь молодой страны. Когда почти все его сослуживцы заняли выжидательную позицию и не спешили определить своё место в жизни, папа

по заданию Военно-революционного комитета 8-й армии руководил инженерными работами по укреплению обороной рубежей для отпора ожидаемого наступления генерала Щербачёва.

Гражданская война. Где только не побывал папа в эти тяжёлые для нашей страны годы! Сибирь и Крым, Урал и Кавказ, Волга и Днепр — повсюду с присущей ему энергией он отдавал свои знания и опыт благородному делу защиты Родины... Как радовался папа, когда я вступила в комсомол. День получения комсомольского билета был отмечен у нас как большой семейный праздник. И вдруг он сам — вне партии. Почему?».

«Солдат, герой, учёный». — С. 111.

Е.Г. Решин:

«Во время одного из разговоров я, посоветовавшись с Фрунзе и Куйбышевым, предложил Карбышеву подать заявление о вступлении в РКП(б). Дмитрий Михайлович с большим волнением выслушал меня, пожал мне крепко руку, сказал:

— Спасибо, товарищ комиссар, за доверие. Но я ещё очень мало сделал для партии и Советской власти. Предлагая мне стать коммунистом, подумали ли вы, что я — бывший офицер, подполковник старой армии, и не найдутся ли люди, которые скажут, что я вступаю в партию ради карьеры, из корыстных соображений».

«Солдат, герой, учёный». — С. 18.

Выдержка из статьи Д.М. Карбышева «Фортификационная диктатура»:

«Вся болезнь фортификации заключается в её полной оторванности от войск. Техники её цепко забрали в свои руки. ...Диктаторски вторгаясь в чужую область, они отчуждают фортификацию от войск, лишая её здорового инстинкта мысли, переводя её на теоретический паёк, и в этой отчуждённости, в этой диктатуре фортификации — её гибель».

«Техника и снабжение». — 1924.

Из приказа Д.М. Карбышева по Военно-инженерному управлению (декабрь 1920 года):

«.. .Мы — голова организации и должны работать, как сердце, как часы. Такая работа возможна только при дружном усилии всех без исклю-

чения работников. ...Категорически в последний раз требую от всех сотрудников не чиновничьего формального отношения к делу, а вдумчивости и инициативы... Незнание приказов и приказаний я буду преследовать самым беспощадным образом и не остановлюсь перед преданием суду. ...Ещё раз напоминаю: приказ есть воля, задержка в передачи воли — есть паралич, а парализованный организм работать не может».

«Советская Россия». — 19 февраля 2001 г.

Д.С. Иванов, генерал-майор инженерных войск, доцент, кандидат военных наук:

«Когда в начале 1925 года нам объявили о первой лекции по военно-инженерному делу, которую будет читать знаменитый уже в то время военный инженер Д.М. Карбышев, у нас возник повышенный интерес к ней... Точно в положенное время на кафедру поднялся Карбышев. На лицах многих слушателей выразилось ли, не встречавшиеся с ним раньше, знали, что это боевой офицер старой армии, участник русско-японской и первой мировой войн. Известна была и его роль в гражданской войне. Все ожидали увидеть пожилого военного, а на кафедре стоял моложавый подтянутый командир с волевыми чертами открытого, чуть смуглого лица, широким чистым лбом и сверкающими человеческой теплотой и глубоким умом чёрными глазами».

«Солдат, герой, учёный». — С. 78.

И.Х. Баграмян, Маршал Советского Союза:

«Я познакомился с Д.М. Карбышевым на курсах усовершенствования высшего командного состава... Там особенно выделялись два человека: Владимир Кириакович Триандафилов и Дмитрий Михайлович Карбышев. Начальник оперативного отдела управления штаба РККА Триандафилов, руководивший нашими курсами, был большим авторитетом в области оперативно-тактической мысли. Карбышев являлся для нас богом полевой фортификации. Он обладал не только огромным опытом инженерной подготовки войск, но и поразительной эрудицией во всех вопросах военного дела».

«Солдат, герой, учёный». — С. 37.

И.П. Галицкий, генерал-лейтенант инженерных войск, Герой Советского Союза:

«С 1933 года я был начальником научно-исследовательского инженерно-технического полигона РККА... Карбышев часто посещал наш полигон, интересуясь инженерной техникой, особенно такой новинкой, какой были в то время сапёрно-танковые средства (тралы, мостоукладчики, миноукладчики и так далее). Карбышев неутомимо изобретал и сам. В частности, Дмитрий Михайлович разработал противопехотную мину в виде маленького пенала».

«Д.М. Карбышев 1880-1945». — М., 1980. —С. 47.

И.Г. Старинов, военный инженер, специалист по минноподрывному делу, профессор:

«Никогда не забуду такой случай. При отходе от минированного объекта, где были воспалены зажигательные трубки, один из красноармейцев споткнулся и упал. Прежде чем мы успели сообразить, Карбышев подбежал к бойцу. Отходили они уже вместе».

«Мины ждут своего часа». —М., 1964. — С. 29.

«Возможности минновзрывной техники, к слову сказать, высоко оценивал старейшина советских военных инженеров — генерал Д.М. Карбышев. На испытаниях весной 1940 года Дмитрий Михайлович назвал мины сильнейшим оружием в борьбе с врагом».

«Пройди незримым». — М., 1988. — С. 5.

И.Х. Баграмян:

«С 1931 по 1934 год я учился в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Мы не знали другого преподавателя, который был бы так же популярен, как Дмитрий Михайлович Карбышев. Лекции он читал с таким знанием дела, так просто и ясно, что самостоятельная работа по его предмету занимала у слушателей ничтожное время... А между тем в списке советских военных специалистов, составленном в гитлеровском генеральном штабе, фамилия Карбышева уже была подчёркнута дважды. «Светлая голова, опасный противник — сказал о нём фашистский генерал Гальдер».

«Комсомольская правда». — 27 октября 1970 года.

И.Х. Баграмян:

«Вот пример, характеризующий простоту и оригинальность преподавательской манеры Карбышева. Однажды, вместо того, чтобы принести на лекцию трафаретную таблицу, Дмитрий Михайлович на некоторое время превратил себя в живое наглядное пособие. Мелом у него на колене была выведена цифра 1, на поясе — цифра 2, на груди — 4, на шлеме (будёновке) — 8, а на поднятой руке, на перчатке — 16. Это иллюстрация к рассказу о нормативах времени на рытьё окопов запомнилось на всю жизнь. Для стрельбы лёжа окоп должен быть такой глубины, чтобы укрыться до колена, на рытье одного метра окопа бойцу требуется один час. Поэтому на колене написана единица. Для стрельбы с колена глубина окопа должна быть такой, чтобы укрыться по пояс, на рытьё такого окопа требуется два часа...».

«Знамя». — 1982, № 2.

В.С. Познанский:

«Карбышев взял экземпляр написанной лекции (Е.В. Леошеней. — А.С.), очень внимательно прочитал её и отредактировал так тщательно, что на тексте лекции не осталось живого места. В течение ночи я переписал лекцию, и он вторично взял её для проверки... Всё это пришлось мне повторить четыре раза. В ходе переписывания лекции у меня родились свои собственные мысли и соображения, и некоторые вопросы я поставил даже смелее. Это привело Дмитрия Михайловича в восторг. Далее последовали три домашние репетиции на время, но и они не помогли начинающему преподавателю: лекцию он закончил за полчаса до звонка. Карбышев, сидевший со слушателями в зале, вышел на кафедру и сказал: «Спасибо, капитан, что Вы оставили мне время, как об этом просил я Вас». И продолжил мою лекцию поучительными и убедительными выводами с интересным историческим примером».

«Д.М. Карбышев». —С. 227.

Е.Г. Решин:

«Интересной была у Карбышева манера работать. Обладая блестящей памятью, он никогда на неё не надеялся. Все вопросы, независимо от их важности и значения, аккуратно записывал в тетрадь, которая называлась памяткой. Листы тетради были разделены вертикальной чертой или

просто перегнуты пополам. В левой части Дмитрий Михаилович записывал то, что требовалось выполнить, а в правой отмечал выполнение. В памятке были такие, например, записи: «Выдать красноармейцу Рябову пару портянок», «В канцелярии пол грязный и не подметается».

«Солдат, герой, учёный». —С. 13.

Из аттестации 1937 года:

«Высокообразованный командир и специалист своего дела. Отличный работник. Богатая эрудиция по всем вопросам военного дела, большие знания в области оперативно-тактической делают тов. Карбышева не узким специалистом, а общевойсковым и генштабистом, и поэтому тов. Карбышеву должно быть присвоено не специальное, а командное звание «комдив».

«Д.М. Карбышев». — С. 228.

А.Д. Цирлин, генерал полковник инженерных войск, профессор, доктор военных наук:

«В 1938 году ... я встретился на Невском проспекте с комбригом Л.А. Говоровым... Леонид Александрович очень тепло отозвался о Д.М. Карбышеве, под руководством которого он изучал военно-инженерное дело в академии имени М.В.Фрунзе, а потом и в академии Генерального штаба. Говоров убеждённо сказал, что военным инженерам надо учиться у Карбышева, увязывать свою творческую деятельность с боевой подготовкой войск. Во время Великой Отечественной войны я был начальником инженерных войск разных фронтов. Мне приходилось беседовать с Р.Я. Малиновским, И.С. Коневым, М.В. Захаровым, М.М. Поповым. И все они с таким же уважением вспоминали о Д.М. Карбышеве, который учил их военно-инженерному делу в академиях».

«Солдат, герой, учёный». — С. 43.

С.М. Штеменко, генерал армии:

«Особенно популярным в нашей слушательской среде был Д.М. Карбышев, учёный инженер, умевший преподносить свой, казалось бы, сухой предмет очень остроумно, оригинальными и простыми методами, помогавшими нам запомнить сложные технические расчёты. На всю жизнь запала в памяти его практическая формула для расчёта сил и средств обо-

рудования позиции заграждениями из колючей проволоки: один батальон, один час, один километр, одна тонна, один ряд. Шутники-острословы переиначили её: один сапёр, один топор, один день, один пень. Шутка дошла до Карбышева и никак не обидела его. Он и сам при случае не упускал возможности пошутить. Пожалуй, ни одна из его лекций не обходилась без этого».

«Д.М. Карбышев». — С. 246.

Е.В. Леошеня, генерал-лейтенант инженерных войск, доцент, кандидат военных наук:

«Мы, слушатели академии (имени М.В. Фрунзе. — А.С.), любили Карбышева за изумительную ясность мысли, сильную логику, простоту и убедительность доказательств и выводов. После его лекций и занятий сложное становилось простым. Он умел излагать свои мысли и взгляды так, что не усвоить, не понять их просто нельзя было. Он наслаждался возможностью учить, объяснять, отдаваться своему делу целиком, с необыкновенной страстностью».

«Солдат, герой, учёный». — С. 66.

Из служебной характеристики, составленной 24 января 1939 года:

«Своей беспорочной службой в РККА с ноября 1917 года, своей до предела исправной работой показал преданность партии Ленина — Сталина и социалистической родине... Трудолюбивый, упорный в своих исканиях, тов. Карбышев требователен к себе, настойчив, обладает крепкой волей и, несмотря на большой возраст, энергичен, подвижен, не боится трудной полевой и походной жизни. Лично отлично дисциплинирован и показателен в своей дисциплине, скромен, выдержан, отличный товарищ, всегда идущий каждому навстречу, порой даже в ущерб себе. Высокообразованный командир и специалист своего дела. Желание и умение передать свои знания обучаемым известны по существу всей Армии, во всяком случае, той когорте тысяч академиков, которые прошли через руки тов. Карбышева».

И.Х. Баграмян. «Слово о генерале Карбышеве». — «Знамя». —1982, №2.

В.К. Мордвинов, генерал-лейтенант, доцент:

«Дмитрий Михайлович был старше начальников кафедр и большинства преподавателей лет на десять-пятнадцать. Так получилось, что он попал в подчинение к молодым своим воспитанникам, и только его исключительные душевные качества, его такт, поразительная скромность, выдержка и суровая самодисциплина делали естественным сочетание в нём твердого начальника и дисциплинированного подчинённого».

«Солдат, герой, учёный». — С. 52.

И.С. Глебов, секретарь кафедрального партийного бюро, слушатель:

«Все мы как-то не представляли Дмитрия Михайловича беспартийным. Мне, например, долгое время казалось, что он состоит на партучёте в Генеральном штабе, но, будучи человеком высокосознательным и отзывчивым, выполняет и наши партийные задания. Надо сказать, мы этим щедро пользовались. Его пропагандистскую работу нередко ставили в пример другим».

Давыдов Л.Д. «Верность». — М, 1984. — С. 118.

И.Х. Баграмян:

«Многие забывали, что он не являлся членом нашей партии. Весь его облик, его дела и взгляды на жизнь были, безусловно, коммунистическими. Кандидатом в члены ВКП(б) его принимали в 1939 году, но душой он был коммунистом давно. Предложение о приёме Дмитрия Михайловича в партию на общеакадемическом собрании было встречено бурными аплодисментами».

«Красная звезда». — 25 октября 1970 года.

В.С. Познанский:

«Вступление Дмитрия Михайловича Карбышева в партию связывают с именем комиссара академии Г.Я. Калинина, племянника «Всесоюзного старосты» М.И.Калинина, знавшего Дмитрия Михайловича по совместной службе еще во «Фрунзенке» ... Известен лишь факт, что у Г.Я. Калинина Д.М. Карбышев берёт бланк нужной ему анкеты»

«Д.М. Карбышев». — С. 243.

Е.Д. Карбышева:

«Папа почти всегда встаёт в моей памяти работающим. Дома его можно было постоянно видеть за письменным столом. Вставал он, как правило, в 8 часов, а ложился далеко за полночь... У него не было ни выходных дней, ни праздников, и он часто говорил, что нужно уметь отдыхать за работой. Папа хорошо знал французский и немецкий языки... Когда ему было около шестидесяти лет, он начал изучать английский язык и относился к этому необычайно серьёзно».

«Солдат, герой, учёный». — С. 100.

В.С. Познанский:

«На общем партийном собрании при общем недоумении большинства слушателей академии, не предполагавших, что их любимый профессор беспартийный, было прочитано заявление, прерываемое и заглушённое под конец общими аплодисментами: «...участвуя своей ответственной работой преподавателя по подготовке высококвалифицированных кадров нашей Рабоче - Крестьянской Красной Армии вместе со всей страной в построении коммунизма, я хочу быть ближе к великой Коммунистической партии (большевиков) и прошу партийную организацию Академии Генерального штаба принять меня кандидатом ВКП(б). 12 мая 1939 года».

«Д.М. Карбышев». —С. 244.

И.Х. Баграмян:

«10 сентября 1939 года на открытом партийном собрании меня, преподавателя Академии Генерального штаба, принимали кандидатом в члены нашей ленинской партии. Вот дружное голосование моих коллег и аплодисменты слушателей Академии возвестили, что я принят единогласно. Моё волнение несколько спало, и я услышал голос председательствующего:

— Следующее мы рассмотрим заявление комдива товарища Карбышева.

И вот уже зал снова замер в молчании. На собрании выступили рекомендовавшие комдива коммунисты А.В. Сухомлин, Э.Л. Рудаков и Е.В. Леошеня. Когда слово было предоставлено Дмитрию Михайловичу, он сказал:

— Время тяжёлое. Будет ещё тяжелей. И, шагая через высокий порог, я хочу пережить это грозное время вместе с партией, а если нужно будет, то и умереть за партию в её рядах».

«Знамя». —1982, №2.

А.Д. Давыдов, писатель:

«А через год другое общеакадемическое открытое партийное собрание обсуждало второе заявление Карбышева о приёме его из кандидатов в члены партии. Рекомендовали его, также как и в прошлый раз, генерал-майор Сухомлин и Леошеня, а третьим был вместо находящегося в длительной командировке Рудакова полковник Иван Никифоровым Рухле. Была и четвёртая рекомендация ещё одного полковника, Лембиша Пэрна, которая, собственно говоря, оказалась лишней. Но Лембиш настоял, чтобы её зачитали и присовокупили к партийному делу коммуниста Карбышева».

«Верность». — С. 118.

А.Ф. Хренов, Герой Советского Союза, генерал полковник инженерных войск:

«Во второй половине декабря того же года (1939 — А.С.) под руководством командующего 7-й армией К. А. Мерецкова мы трудились на Карельском перешейке над составлением инструкции по прорыву линии Маннергейма, готовили части и соединения различных родов войск к действиям по прорыву... Мне сообщили, что к исходу дня на командном пункте армии будет Д.М. Карбышев... Утром мы с Дмитрием Михайловичем зашли к командующему и члену Военного совета армии. Беседа с ними затянулась, и только после обеда Д.М. Карбышев смог выехать в корпус к товарищу Гориленко. А на другой день стало известно, что ночью он вместе с корпусным инженером майором Ляшенко и группой сапёров-разведчиков ходил в разведку для ознакомления с передним краем линии Маннергейма. К.А. Мерецков, вызвав меня к себе, потребовал, чтобы такого больше не повторялось, и предупредил, что за жизнь Дмитрия Михайловича я отвечаю головой. После такого внушения пришлось дать соответствующие указания и принять надлежащие меры по охране Карбышева».

«Солдат, герой, учёный». — С. 35.

А.Д. Давыдов:

«Дмитрий Михайлович был преданным, любящим мужем, прекрасным отцом, верным товарищем, искренним другом. В день рождения старшей дочери Елены Дмитрий Михайлович преподнёс сборник очерков о молодёжи, «Артиллеристы» с дарственной надписью: «Учись, дочка, трудись, дочка, будь готова защищать нашу Советскую родину, дело Ленина — Сталина. 12 февраля 1938 года».

А младшей дочери Тане, которая ленилась читать книги, прислал в Москву открытку из Москвы: «Бойся, Таня, лени, как дурной привычки. И читай с терпеньем в день хоть пол странички». Когда его приняли в партию, в тот же день, авиапочтой пришло письмо в Ленинград, в высшее инженерно-техническое училище Военно-Морского Флота курсанту Елене Дмитриевне Карбышевой: «Поздравь меня, Алёнушка, сегодня на собрании меня единогласно приняли в члены ВКП(б)».

«Верность». — С. 122.

В.С. Познанский:

«Месяца за три до окончания школы папа сказал мне: «Я очень советовал бы тебе пойти учиться в Военно-инженерную академию. Ты получишь прекрасное образование. Желание отца я выполнила»... Письменное заявление вызвало замешательство начальника Военно-инженерной академии как беспрецедентный случай, когда отлично представляющий тяготы военной учёбы и службы отец просил (с соблюдением существующей субординации) принять дочь на переводимое в Ленинград морское отделение. Только после обращения комдива к Наркому обороны и положительной резолюции К.Е. Ворошилова Елену Карбышеву, единственную девушку, зачислили в состав слушателей. Е.Д. Карбышева на казарменном положении, без каких-либо скидок на пол, прошла учёбу, участница Великой Отечественной войны, демобилизовалась из рядов Советской Армии в звании подполковника».

«Д.М. Карбышев». — С. 247.

Е.Д. Карбышева:

«Мысль о том, что я смогу учиться в академии, сначала меня увлекла. .. .Но когда узнала, что буду в академии единственной девушкой, мне стало страшно. Наконец, поборов свои сомнения, я согласилась, и пала подал рапорт с просьбой принять меня в академию... Время шло, а ответа на рапорт папа не получал. И я решила подать заявление в Московский авиа-

ционный институт, куда после короткой беседы в приёмной комиссии и была зачислена. Мы уехали отдыхать в санаторий. И вдруг в августе папе сообщают, что Нарком обороны товарищ Ворошилов разрешил принять меня в академию. Как ликовал папа и как расстроилась я!.. Папа не стал уговаривать, не настаивал, а просто сказал:

— Подумай ещё хорошенько, Алёнка, и через три дня скажи мне.

После трёх дней колебаний и споров с самой собой я окончательно решила идти учиться в академию. Это обрадовало папу, хотя он был твёрдо уверен, что я поступлю именно так».

«Солдат, герой, учёный». — С. 107.

В.С. Познанский:

«Елена Дмитриевна Карбышева на всю жизнь сохранила данное ей отцом напутствие: «Всякое начатое дело надо доводить до конца, не останавливаясь на полпути. Вот ты уступишь своей минутной слабости — и будешь потом долго раскаиваться. А если ты напряжёшь свои силы, сделаешь всё от тебя зависящее, то потом будешь вдвойне радоваться своему успеху. Всякая победа человека начинается победой над собой. ...Нет человека, который бы не оступился в жизни. Иногда в результате этого на лбу появится шишка. Это не страшно — поболит и пройдёт. Но иногда можно оступиться так, что появится горб — уже навсегда. Учти это!».

«Д.М. Карбышев». — С. 248.

Е.Д. Карбышева:

«А 5 июня 1940 года папе было присвоено звание генераллейтенанта инженерных войск. Он был счастлив. На хранящемся у меня справочнике Хютте, подаренном мне в день моего рождения, — 6 июня 1940 года, появилась надпись: «Дорогой дочке Алёнушке от генераллейтенанта инженерных войск — папы». А, надев впервые генеральскую форму, он, шутя, рассказывал: — Иду я по улице, все смотрят на меня и удивляются: такой молодой и уже генерал!».

«Солдат, герой, учёный». — С. 114.

Приказ Наркома обороны № 379:

«В день 60-летия тов. Карбышева отмечаю его выдающиеся заслуги в деле строительства и подготовки командных кадров Красной Армии. С первых дней создания Красной Армии, начав службу еще в рядах Красной гвардии, тов. Карбышев активно участвовал в борьбе против многих врагов

нашей Родины на фронтах гражданской войны, занимая ряд ответственных должностей. После окончания гражданской войны и до настоящего времени тов. Карбышев ведёт плодотворную работу по подготовке командных кадров Красной Армии, передавая им свои знания и богатый опыт. Наряду с этим тов. Карбышев ведёт большую творческую и научную работу. Его перу принадлежит ряд учебных пособий и научных трудов, широко известных всей Красной Армии. В день 60-летия за оказанные Красной Армии выдающиеся заслуги тов. Карбышев постановлением Президиума Верховного Совета СССР награждается орденом Красного Знамени. Нарком обороны СССР С.К. Тимошенко».

«Д.М. Карбышев». — С. 354.

Е.Д. Карбышева:

«27 октября было торжественно отмечено папино 60-летие... Я узнала об этом по радио и обрадовалась бесконечно. Делясь со мной впечатлениями об этих днях, он писал в шутливо-ворчливой форме: «И зачем это в Указе упомянули точно мой возраст? Теперь всему миру стало известно, что мне уже 60 лет... — И дальше: — Ты знаешь, у меня правая рука от поздравлений уже стала на десять сантиметров длиннее левой».

«Солдат, герой, учёный». — С. 114.

Из поздравительных адресов и телеграмм в связи с 60-летием:

«Поздравляю своего талантливейшего ученика. Желаю долгой жизни, дальнейшей плодотворной работы на благо Социалистической Родины. Е.А. Яковлев».

«Почти весь руководящий состав Красной Армии, её Генеральный штаб в то или иное время были вашими воспитанниками-слушателями. Начальник Академии имени М.В. Фрунзе генерал-лейтенант М.С. Хозин».

«Вашей неизменной весёлости, кипучей жизнерадостности, здравому оптимизму и высокой трудоспособности сегодня позавидуют многие из нас. Сослуживцы Академии Генерального штаба».

«Д.М. Карбышев». —С. 256.

Е.Д. Карбышева:

«Как-то раз мы ехали на выставку, которую уже давно хотели посмотреть. Вдруг в вагоне метро к нам подошёл незнакомый мужчина и обратился к папе: «Товарищ генерал! Извините, но у меня тяжело больна жена. Ей срочно нужно лекарство, которого я не нашёл в аптеках. Не могли бы вы помочь?». Папа на минуту задумался. «Ну что, попробуем, — ответил он и, повернувшись ко мне, продолжал: — Алёнка, поезжай одна, или перенеси нашу поездку на другой день. Надо помочь товарищу». И он отправился куда-то и нашёл нужное лекарство. Как благодарен был ему этот человек, который жил недалеко от нашего дома и знал чуткий и отзывчивый характер папы».

«Подвиг», выпуск 21. — 1980. — С. 37.

Е.Д. Карбышева:

«Сам подтянутый и аккуратный, он не переносил беспорядка в доме. Как-то раз после того, как я в течение трёх-четырёх дней не убирала у себя в комнате, папа решил меня проучить... Я сидела, забравшись с ногами в кресло, и читала. Вдруг вошёл папа, неся корзину для бумаг. Ничего не говоря, он высыпал её содержимое посередине моей комнаты и направился к двери. Я с удивлением взглянула на него, но он совершенно спокойно и невозмутимо вернулся в свой кабинет и сел за стол. Когда же, не выдержав, я побежала к нему и спросила, зачем он это сделал, папа ответил:

— А разве не всё равно, куда высыпать мусор — в помойное ведро или в твою комнату? До твоей комнаты ближе!

И хотя он при этом улыбнулся, мне стало бесконечно стыдно».

«Солдат, герой, учёный». — С. 104.

С.А. Маркушевич, кандидат военных наук, генерал-майор:

«В условиях тревожной предвоенной обстановки прибытие Карбышева на западную границу расценивалось как верный признак назревающих грозных событий... 22 июня в первый день войны Карбышеву было предложено воспользоваться возможностью и уехать на машине в Москву, но от него последовал категоричный отказ».

«Комсомольская правда». —27 октября 1970.

Я.Д. Чанышев, генерал-лейтенант:

«В первый день войны я оказался со слушателями первого курса Военной академии имени М.В. Фрунзе на рекогносцировке в районе Гродно - Осовец. Мне, начальнику курса, необходимо было срочно вернуться в ака-

демию. На нескольких машинах мы проехали по горящему мосту через Неман. Попали в штаб 10-й армии. Тут я встретил Д.М. Карбышева и предложил ехать с нами в Москву. Он наотрез отказался».

«Д.М. Карбышев». — С. 267.

П.М. Васильев, генерал майор инженерных войск:

«Вечером 22 июня мы в 18-19 часов переехали на командный пункт армии в местечко Мосты. На другой день я предложил Дмитрию Михаиловичу вернуться со мной в Минск, в штаб округа, а оттуда отправиться в Москву. Но Карбышев твёрдо сказал: «Я солдат, а солдату в такой момент уезжать нельзя, я не могу бросить фронт».

«Д.М. Карбышев». — С. 247.

П. Кирилов, лейтенант сапёрного батальона:

«Однажды мы прорывались через очередной немецкий заслон. Просачивались группами по несколько человек. Карбышев шёл с двумя красноармейцами — Дадашевым и Петровым. Когда они под огнём перебежали шоссе и углубились в лес, их накрыла мина. Дадашева тяжело ранило в живот. Петров пытался нести его, но сил у него не хватило. Тогда раненого понесли вдвоём — красноармеец и генерал. Немцы преследовали их... Пример солдатской солидарности, который показал Карбышев, глубоко запал мне в душу... В начале августа вышли к Днепру, севернее Могилёва. Стали вязать плоты, чтобы перебраться с оружием и раненым. Только начали переправляться, как посыпались мины, снаряды. Карбышев с Сухаревичем под огнём перебрались на тот берег, но Карбышева контузило, он потерял сознание. Сухаревич и ещё один красноармеец понесли его в рожь, колосившуюся недалеко от реки».

Арабей Л.Л. «Здравствуйте Вам...». —»Неман». —1985, N° 3.

П.М. Гаврилов, Герой Советского Союза:

«Позже я встретился с Д.М. Карбышевым в гитлеровском концлагере Хаммельбург в июне 1942 года. Дмитрий Михайлович рассказал мне, как он был захвачен в плен.

«Когда началась война, я отходил со штабом 10-й армии вместе с генералом Голубевым, несколько раз попадались в окружение противника, но пробивались на восток. А как только стало невозможно пробиваться в

колонне штаба армии, мы стали выходить мелкими группами. Я отходил с полковником Сухаревичем... Шли по лесам и болотам, так как по дорогам двигались немецкие части. Вышли мы к Днепру в районе Могилёва. Видим, идёт стихийная переправа мелких разрозненных подразделений и отдельных групп. Переправляется кто на чём. Каша невообразимая. Порядка никакого. Вот мы и взялись с Сухаревичем, как старшие начальники, наводить порядок. Конечно, немцы засекли скопление людей и начали нещадно бомбить. Во время одной из таких бомбардировок я был контужен и ранен. Как меня захватили в плен — не знаю. Если бы был в сознании, то живым не дался бы».

«Солдат, герой, учёный». — С. 137.

А. Самойлов, бывший узник концлагеря Хаммельбург:

«Полковник Сухаревич о Карбышеве был самого наилучшего мнения... Когда они выходили из окружения, Карбышев сильно заболел: ему Сухаревич сделал предложение зайти в деревню и устроить его там как больного, к крестьянам, причём в это время Карбышев по внешнему виду был подобен старику в 70-80 лет, его вид не мог вызвать подозрений, что он воин. Но на это Карбышев ответил Сухаревичу: «Пока я не потерял сознание, на это предложение не соглашусь».

«Комсомольская правда». — 27 октября 1970 года.

В.С. Познанский:

«Случилось это, по очень приблизительным расчётам краеведов, 8 августа 1941 года. В этот трагический для Дмитрия Михайловича день немцы (по другой версии, полицаи), прочёсывали местность, схватили его и Сухаревича. Не будь он в генеральской форме, добили бы. А тут выпадал шанс отличиться... — генерал, а вместе с ним полковник. Успех, ведущий к наградам».

«Д.М. Карбышев». —С. 271.

Из статьи «Плен — это тоже война»:

«Генерал Карбышев испил горькую чашу фашистской неволи сполна. Он был пленён на втором месяце войны, выходя из окружения и больше двух лет о его судьбе не было никаких сведений. Первую информацию о

нём разведотделу Западного фронта в октябре 1943 года дал ...предатель, захваченный партизанами генерал-майор власовской армии РОА Будыхо... Но даже на него, предателя, стойкость Карбышева произвела такое впечатление, что он на допросе показал правду: Дмитрий Михайлович находится в офицерском лагере в Хаммельбурге и не скрывает убеждённости в победе Красной Армии».

«Инженерная газета». —№ 50, май 1993 года.

В.С. Познанский:

«Здесь попытался в 1943 году вербовать в свою так называемую «Русскую освободительную армию» подобных себе предателей генерал А.А. Власов. В исторической литературе об этом факте сказано: «Власов прибыл в лагерь военнопленных офицеров 13-Д (офлаг 62), находившийся в нижнебаварском городе Хаммельбурге... После двухнедельной «напряжённой деятельности» в Хаммельбурге Власов вынужден был заявить, что настроения узников лагеря его «сильно разочаровали». Решительный отпор, который гитлеровцы встретили в Хаммельбурге, был подготовлен коммунистами, возглавлявшими патриотическое подполье в офлаге».

«Д.М. Карбышев». — С. 296.

Из письма начальника инженерных войск 38-й армии генералмайора Н.В. Кирсанова:

«Весь лагерь называл его «большевистским генералом», ему создали особые условия, положенные пленному генералу, он отказался от них, ел то, что давали всем пленным. За ним приезжали из Берлина, обещали генеральский чин германской империи. Но он от всех благ, которые ему предлагали, отказался. Пленные в лагере считали его своим руководителем, и вскоре комендант был вынужден перевести его в другой лагерь».

«Д.М. Карбышев». — С. 284.

В.С. Познанский:

«Деятельность генерала Карбышева в лагере Хаммельбург стала притягательной силой для всех борцов с гитлеровским нацизмом, всячески содействовала укреплению подпольной организации Сопротивления, его имя стало символом сражающихся в невыносимых условиях за честь и независимость советской Родины».

«Особое место в период Хаммельбургского плена Д.М. Карбышева занимает его вызов в Берлин в ноябре 1942 года... Выдающемуся советскому военному инженеру устроили, что отмечено биографами Д.М. Карбышева, «приём» у самого начальника штаба верховного главнокомандования генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Кейтеля. Очевидно, в какой-то из форм, не дословно, — но, по сути, из уст столько времени усердно опекаемого военнопленного, один из главных фашистских военных преступников мог услышать только одно стереотипное карбышевское: «Советские генералы совестью не торгуют. Придётся умереть — умру, как солдат. Я — коммунист».

«Д.М. Карбышев». — С.295, 298.

Из донесения эсесовцев вышестоящему командованию:

«Этот крупный советский фортификатор, кадровый офицер старой русской армии, человек, которому перевалило за шестьдесят лет, оказался насквозь заражённым большевистским духом, фанатично преданным идее верности воинскому долгу и патриотизму... Карбышева можно считать безнадёжным в смысле использования его у нас в качестве специалиста военно-инженерного дела». На это донесение была наложена резолюция: «Направить в концлагерь Флюссенбург на каторжные работы. Не делать никаких скидок на звание и возраст».

«Правда». — 26 октября 1970 года.

Из воспоминаний генерал-майора танковых войск, который руководил Сопротивлением в офлаге 13-Д после казни гитлеровцами генералов И. Никитина, Х. Алавердова и Г. Тхора:

«Примерно в ноябре 1942 года прошёл слух, что товарища Карбышева наша страна обменивает на пленного немецкого генерала, и его увезли в Берлин... где предложили работать на немцев, но он категорически отказался... Во Флоссенбургском лагере он работал со мной в каменоломне, по 14 часов в сутки таскали и перевозили на тачках камни... Находясь под страхом быть повешенным или сожжённым в крематории, Карбышев вёл воспитательную работу. Был сам уверен в победе нашей России и вселял эту веру русским заключённым».

«Инженерная газета». № 50.

Из воспоминаний узников фашистских концлагерей:

«Мы не должны сидеть, сложа руки. Сложить руки — значит, помогать гитлеровцам, а это нас недостойно. Но поднять всех пленных на восстание не так просто — это следует тщательно продумать, подготовить, организовать. Лишние жертвы никому не нужны. Их и без того много. Война только разгорается. Каждый из нас нужен Родине».

«Будем бороться! Умрём, но честь советского человека не уроним!». *«Д.М. Карбышев». — С. 279.*

Служебная записка штурмбанфюрера Вольфграмма коменданту Хаммельбургского лагеря полковнику Пельтцеру:

«Главное управление инженерной службы вермахта вновь обратилось ко мне по поводу находящегося в вашем лагере пленного Карбышева, профессора, генерал-лейтенанта инженерных войск. Я был вынужден задержать решение вопроса, так как рассчитывал на то, что вы выполните мой инструктаж в отношении названного пленного, сумеете найти с ним общий язык и убедите его в том, что, если он правильно оценит сложившуюся для него ситуацию и пойдёт навстречу нашим желаниям, его ждёт хорошее будущее... Майор Пельтцер доложил мне, что со времени пребывания этого пленного в лагере, он не перестроился в желательном для нас духе, по-прежнему непримирим и отношения с ним сложились так неудачно, что в настоящее время он заключён нами в одиночную камеру».

«Знамя». — 1982, № 2.

Д.М. Карбышев (записано заключённым М. в Нюрнбергском концлагере):

«И знаете, ведь он, этот фашист, так и не мог понять, почему я отказался от такого выгодного, с его точки зрения, предложения. Он вызывал меня к себе ещё два раза, потом ко мне приходили какие-то люди от его имени. Сначала все со мной были приторно вежливы и расписывали блага, которые меня ждут, если я соглашусь на них работать.

Ну, а потом уж стали воздействовать на меня привычными для них методами: не давали есть или давали солёную еду, но не давали пить; ввернули в мою одиночку такую сильную электрическую лампу, что даже закрыв веки, я не испытывал ощущение отдыха... Глаза стали гноиться. Я мечтал о тени, о полумраке, как о самом высшем блаженстве. За мной вели

наблюдение, с немецкой аккуратностью регистрировали моё настроение и психическое состояние, и когда им казалось, что я начинаю скисать, снова приходили с предложением сотрудничать».

«Д.М. Карбышев. 1880-1945». — С. 59.

А.И. Иволгин, бывший работник отдела штаба партизанского движения:

«Торопливо взяв листок, я прочёл: партизаны установили, что в ближайшем гитлеровском лагере военнопленных находится генерал Карбышев. Я бегом бросился к себе и по карте определил место расположения партизанских отрядов, которые могли бы выступить на разгром лагеря. Тотчас написал проект приказа нескольким командирам партизанских отрядов об организации одновременного удара с целью освобождения военнопленных фашистского лагеря... Затем было установлено, что по уточнённым данным и проверенным разведывательным данным, фашисты несколько дней назад тайно увезли генерала Карбышева из этого лагеря в неизвестном направлении».

«Комсомольская правда». — 27 октября 1970 года.

А.К. Ужинский, бывший узник концлагеря Хаммельбург:

«Однажды, когда я был у Дмитрия Михайловича, открылась дверь, и в комнату вошёл немецкий комендант лагеря, переводчик и несколько офицеров. Гитлеровцы снова заговорили о заслугах Карбышева, потом о победах немецкого оружия, о неминуемом разгроме Советского Союза, а закончили всё приглашением перейти на службу в германскую армию, где такой крупный специалист будет жить и работать в идеальных условиях.

— Господа, я слышал это от вас много раз. Надеюсь, что мои ответы на такие предложения вам тоже известны. Этого не будет никогда.

Он не раз говорил нам: «Помните, что в наших условиях нет маленьких ошибок. Старайтесь не ошибаться даже в малом. Если фашист доволен тобой, значит, ты в чём-то ошибся, что-то сделал не так. Подумайте, в чём, чтобы не повторить ошибку».

«Комсомольская правда». — 27 октября 1970 года.

П.И. Мишин, бывший узник Освенцима:

«Весть о прибытии в концлагерь Освенцим русского генерала Дмитрия Михайловича Карбышева быстро облетела всех его узников. Об этом долго говорили русские —полякам, чехи —югославам, немцы — евреям, венгры — бельгийцам. О генерале говорили на разных языках, но на понятном лагерном наречии, как о давно известном большом человеке».

«Комсомольская правда». — 27 октября 1970 года.

В.С. Познанский:

«Впервые стало широко известно о гибели Д.М. Карбышева через год... 13 февраля 1946 года по требованию умирающего майора канадской армии Седдона де Сент-Клера, в присутствии священника и приглашённых представителей репарационных служб, в том числе Советского комитета, зафиксировано завещание»:

«Мне осталось жить недолго, поэтому меня беспокоит мысль о том, чтобы вместе со мной не ушли в могилу известные мне факты героической жизни и трагической гибели советского генерала... Я говорю о генераллейтенанте Карбышеве.

В феврале 1945 года нас, около тысячи человек пленных, в том числе и генерала Карбышева, направили из Ораниенбурга в лагерь уничтожения Маутхаузен. Мы прибыли туда в ночь с 17 на 18 февраля. Мороз стоял около 12 градусов. Одеты все были плохо, в рваньё. Как только мы вступили на территорию лагеря, немцы загнали нас в душевую, велели раздеться и пустили на нас сверху струи ледяной воды. Это продолжалось долго. Все посинели. Многие падали на пол и тут же умирали: сердце не выдерживало.

Потом нам велели надеть только бельё и деревянные колодки на ноги и выгнали на двор. Генерал Карбышев стоял в группе русских товарищей недалеко от меня. Мы понимали, что доживаем последние часы. Старый генерал, как всегда, был спокоен, его бил, как и всех нас, сильный озноб. Он что-то горячо и убедительно говорил своим товарищам. Они внимательно слушали. Затем, посмотрев в нашу сторону, он сказал нам пофранцузски:

— Бодрее, товарищи! Думайте о своей родине, и мужество не покинет вас.

В это время гестаповцы, стоявшие за нашими спинами с пожарными брандспойтами в руках, стали поливать нас холодной водой. Кто пы-

тался уклониться от струи, тех били дубинками по голове. Сотни людей падали замёрзшие или с размозжёнными черепами. Я видел, как упал и генерал Карбышев. Я прошу вас записать мои показания и переслать их в Россию... Я выполню этим свой маленький долг перед памятью большого человека».

«Д.М.Карбышев». — С. 312.

М.А. Шамшев, полковник, бывший член лагерной подпольной организации концлагеря Маутхаузен:

«Во второй половине дня 17 февраля 1945 года в Маутхаузен прибыл транспорт заключённых. В тот же день их выстроили на плацу и объявили: «Кто не может работать по состоянию здоровья, выйти из строя». Вышло 450 человек. Затем комендант лагеря Цирайс и его заместитель Бахмайстер объявили, что им будет оказана медицинская помощь. В сильный мороз и метель их выстроили, раздели догола и в течение всей ночи уничтожали путём замораживания. Несколько раз их обливали холодной и горячей водой, а тех, кто не умирал, выгоняли во двор, избивали железными прутьями. Среди замученных был генерал Д.М. Карбышев»

«Ради жизни на земле». — Зап-Сиб кн. изд-во, 1972. —С. 190.

Н. Сорокин, подполковник, бывший военнопленный:

«17 февраля 1945 года в 17 часов дня из общей массы пленных была выделена группа в 400 человек, куда попал и Карбышев. Эти 400 человек были раздеты догола и оставлены стоять на улице; слабые здоровьем умирали, и их немедленно отправляли в топку лагерного крематория, а остальных дубинками гнали под ледяной душ. До 12 часов ночи эта экзекуция повторялась несколько раз. В 12 часов ночи во время очередной такой экзекуции товарищ Карбышев отклонился от напора холодной войны и ударом дубинки по голове был убит. Тело Карбышева сожгли в крематории лагеря».

«Солдат, герой, учёный». — С. 194.

Из сообщения Комитета по репатриации:

«Наш представитель по репатриации в Лондоне майор Сорокопуд 13 февраля 1946 года был приглашён больным майором канадской армии Седдон де Сент-Клером в госпиталь в Бремшот, Хемпшайр (Англия), где последний сообщил ему: «В январе 1945 года я в числе 1 000 человек

пленных с завода Хейнкель был отправлен в лагерь уничтожения Маутхаузен, в этой команде был генерал-лейтенант Карбышев и ещё несколько человек советских офицеров. По прибытии в Маутхаузен целый день пробыли на морозе. Вечером для всех 1000 человек был устроен холодный душ, а после этого в одних рубашках и колодках построили на плацу и продержали до шести часов утра. Из 1000 человек, прибывших в Маутхаузен, умерли 480. Умер и генерал Д. Карбышев».

«Солдат, герой, учёный». — С. 194.

В.С. Познанский:

«Но даже по тем уникальным документам гитлеровцев, где речь идёт о генерале Карбышеве, и воспоминаний очевидцев его мужественных поступков и стойкости вырисовывается образ героя, три с половиной года изо дня в день вершившего подвиг, равный разве что легендарному подвигу Прометея; и становится понятным, каким солидным противовесом всей фашистской лагерной системе был его коммунистический, советский патриотизм — образец для сотен тысяч заключённых, моральная поддержка для них в поединке человеческой гордости с голодом, плетью надсмотрщиков, угрозой смерти, наконец, — словом всего, что применял садистский гитлеровский режим, чтобы превратить людей в рабов».

«Абсолютно точно так было сказано Д.М. Карбышевым, или что-то отшлифовано народной мудростью — определить невозможно, но это объективная реальность, что в десятках фашистских концлагерей советские военнопленные передавали друг другу как приказ старшего среди них по возрасту и по воинскому званию: « Плен — страшная штука, но ведь это тоже война, и, пока война идёт на Родине, мы должны бороться здесь. Поступайте так, как нужно в интересах Родины, и говорите всем, что это я вам приказал».

«Д.М. Карбышев». — С. 275.

Выдержка из ходатайства уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова о присвоении Д.М. Карбышеву звания Героя Советского Союза:

«За проявленный героизм в стане врага, за мученическую смерть, которую он принял, сохранив лицо советского патриота».

«Инженерная газета». — 1993, № 50.

Л.Л. Арабей, кандидат философских наук, писательница:

«Такие люди, как мой папа, появляются редко — принципиальный, скромный, кристально чистый человек. Теперь много пишут о том, каким он был в плену, и в книгах про папу помещают фотографии — колючая проволока, колючая проволока, будто это было главное в его жизни. Но главным было то, что сделал Карбышев для Родины, для армии. Его называли отцом военно-инженерного дела. Во время войны осуществлялись его идеи, воевали его мысли, его ученики. Вся жизнь папы подготовила его последний подвиг».

«Я не могла не согласиться с дочерью Карбышева. Действительно, в то время, когда руки самого Карбышева были скованы цепями неволи, с фашизмом воевали его идеи, его мысли, его многочисленные ученики — слушатели военных академий. Подвиг Д.М. Карбышева — результат всей его жизни, в которой не было места компромиссам со своей совестью, а мерой человеческого достоинства считались принципиальность, самоотверженность, верность своему долгу. Его сердце застыло над глыбой льда, а фигура его превратилась в памятник, в ледяной памятник, который, однако, никогда не растает на солнце, а только ярко, сверкающе будет отражать его лучи».

«Неман». — 1985,№3.

А. Цирлин:

«Думаю, что в судьбе каждого из нас были такие минуты, когда совет старшего и более мудрого товарища был решающим. Таким человеком для меня, как, впрочем, и для многих других, был Дмитрий Михайлович Карбышев. Его острый аналитический ум, преданность делу, удивительная работоспособность и, самое главное, доброе отношение к окружающим стали для меня образцом, равняясь на который, я старался строить свою жизнь».

«Известия». — 25 октября 1970 года.

Из речи Председателя австрийского Национального совета, бывшего узника Маутхаузена Л. Фогля на митинге в мае 1960 года:

«Здесь австрийская земля была превращена в проклятое место, где истязали и убивали сынов многих народов. Я хотел бы упомянуть одно имя

— имя генерала Карбышева. Да будет в его лице оказана память всем гражданам Советской России».

«Правда». — 4 июля, 1960 года.

Высказывание иностранных узников, обращенное лично к Д.М. Карбышеву:

«Страна, которая имеет таких сынов, как Вы; армия, которая имеет таких генералов, как Вы; культура, которая воспитала таких учёных, как Вы; партия, в рядах которой есть такие люди, как Вы, генерал Карбышев, — непобедима».

«Памяти Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Д.М. Карбышева».— М., Изд-во Академии Генерального штаба Вооружённых Сил СССР, 1960.— С. 9.

Л. Гладышева, член редакционной коллегии газеты «Советская Россия»:

«Прощаясь с Родиной и родными, он не мог не шептать святые имена родителей, любимых дочек и сына, красавицы-жены. Он не мог не верить, что страна его непобедима на все времена и снова вернётся счастливая жизнь. Сегодня мы живём его верой, а вместе с нами продолжает жить несломленный и несдающийся генерал Карбышев... Ни одного, даже малого камушка не удалось вышибить из непобедимой его крепости — ни врагам, ни времени, ни даже окаянному нынешнему безвременью с его постыдным раболепием, позором предательства, переполненной чашей народных скорбей и надежд».

«Советская Россия». — 19 февраля 2001 года.

В.Ф. Соколов, полковник, начальник отдела Центрального штаба партизанского движения:

«Только теперь, когда все мы узнали о его героизме, отдаёшь себе отчёт: какая это была глыба мужества, какой это был исполин гражданской и воинской доблести... Нет Карбышева, но он живёт! Живёт в названии улиц. Живёт в памятниках и барельефах в его честь. Живёт в граните, мраморе и бронзе. Живёт в сердцах миллионов людей».

И будет жить! Ибо для нас (тех, кто на фронте или в тылу пережил военное лихолетье, кто знает войну по книгам советского периода) жизнь и гибель Дмитрия Михайловича Карбышева стали символом героизма и самопожертвования, неотъемлемой частицей подвига всего советского народа в Великой Отечественной войне. Ибо мы и сейчас не перестаём удивляться тем давним событиям, не перестаём удивляться несгибаемой воле тех, кто отдал свою жизнь за Родину. Ту советскую Родину, которая для нас всегда пишется с заглавной буквы.

Охота на «Ворона»

Сегодня, дождавшись своего часа, уже увидели свет некоторые совершенно секретные документы «охоты» на главного изменника Родины. В частности, альманах писательского и журналистского расследования «Шпион» № 1 за 1993 год на своих страницах поместил статью Л.Е. Решила «Охота на «Ворона». В ней приводится информация, направленная Народным комиссаром государственной безопасности В.Н. Меркуловым И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия. По своему содержанию документ настолько интересен, что его следует привести почти полностью, сделав лишь незначительные сокращения.

«Совершенно секретно, экземпляр № 1, 27 августа 1943 года. Товарищу Сталину И.В.

«...Ворон», проживая постоянно в районе г. Берлина, периодически посещает города Псков, Смоленск, Минск, Борисов, Витебск, Житомир и др., где немцами организованы отделы «Русского Комитета» и части «РОА». В целях ликвидации «Ворона» НКГБ СССР проводит следующие мероприятия.

- 1. По городу Пскову.
- а) Редактором газеты «Русский комитет» «Доброволец», издающейся в Пскове, является Жиленков Г.Н. Руководитель действующей в тылу противника оперативной группы НКГБ СССР тов. Рабцевич донёс, что Жиленков в Красной Армии являлся членом Военного совета 32-й армии...

Для изучения возможности установления связи с Жиленковым, в целях его последующей вербовки и возможного привлечения к делу ликвидации «Ворона», нами в район Псков - Порхов заброшена оперативная группа НКГБ СССР под руководством начальника отдела майора государственной безопасности тов. Корчагина, снабжённого письмом от жены Жиленкова...

- б) На случай, если Жиленков откажется от участия в деле ликвидации «Ворона», НКГБ СССР подготовлена группа исполнителей в пять человек из бывших командиров и бойцов испанской республиканской армии, проверенных нами в боевой работе. Группу возглавляет тов. Гульон Франциско. Двадцати двух лет, капитан Красной Армии, дважды направлялся в тыл со специальным заданием, награждён орденом Ленина. Группа Гульона будет придана тов. Корчагину и, в случае прибытия «Ворона» в район Пскова, использована для его ликвидации...
  - 2. По городу Смоленску.
- а) Для подготовки необходимых мероприятий и проведения операции в Смоленске, нами заброшен в тыл противника старший оперуполномоченный НКГБ СССР старший лейтенант государственной безопасности тов. Волков. Перед оперативной группой Волкова поставлена задача связаться с заброшенной нами в октябре-ноябре 1942 года в г. Смоленск группой резидентов, располагающих необходимыми связями. Два агента, знающих немецкий язык, нами снабжаются формой немецких офицеров и, в случае прибытия «Ворона» в город Смоленск, должны проникнуть к нему под видом германских офицеров.

Тов. Волкову также передана оперативная группа НКГБ в составе 22-х человек под командованием старшего лейтенанта тов. Погодина, которая нами направлена в район города Невеля, где по имеющимся данным дислоцируется штаб «Ворона», на случай его приезда в Невель.

б) Управлением НКГБ по Смоленской области для проведения подготовительной работы по ликвидации «Ворона» в районе Рославля заброшена оперативная группа в составе пяти человек. Руководитель группы Скобелев Александр Андреевич, 1916 года рождения, член ВЛКСМ, уроженец Тульской области.

- в) В Руднянский район Смоленской области заброшен агент «Максимов» с рацией и радисткой. «Максимову» дано задание установить связь и использовать для работы вокруг «Ворона», заброшенного в июне 1943 года в тыл противника УНКГБ по Смоленской области резидента «Дубровский».
  - 3. По районам Калининской области.

Управлением НКГБ по Калининской области оформлена оперативная группа в составе 20 человек, возглавляемая старшим лейтенантом государственной безопасности тов. Назаровым, которая переброшена на оккупированную территорию Калининской области с задачей ведения работы по «Ворону» в Невельском, Ново-Сокольническом, Идрицком и Пустошкинском районах с использованием имеющейся в этих районах нашей агентуры.

Задания о подготовке необходимых мероприятий по ликвидации «Ворона» нами даны также следующим оперативным группам НКГБ СССР, действующих в тылу противника:

- 1. Оперативной группе тов. Лопатина, находящейся в районе г. Борисова;
- 2. Оперативной группе тов. Милюгина, находящейся в районе Жлобин-Могилёв;
- 3. Оперативной группе Неклюдова, находящейся в районе Вильно-Молодечно;
- 4. Оперативной группе Рабцевича, находящейся в районе Бобруйск-Калинковичи;
- 5. Оперативной группе Карасёва, находящейся в районе Овруч-Киев;
- 6. Оперативной группе Медведева, находящейся в районе Ровно.

Руководителям перечисленных оперативных групп предложено изучить условия жизни и быта «Ворона», состав его охраны, своевременно выявлять и доносить в НКГБ СССР данные о местопребывании и маршрутах следования «Ворона».

Из документа видно, какую серьёзную работу проводил Комитет государственной безопасности СССР в различных районах оккупированной территории страны с целью ликвидации Власова. Именно: **ликвидации**. Тогда, в 1943 году, когда он развернул бурную деятельность по созданию

РОА, его надо было убрать и тем самым обезглавить это скопище изменников, состоявшее из предавших дело защиты Родины советских военнослужащих и недобитых в ходе гражданской войны и сбежавших из России белогвардейцев.

Попытки ликвидировать Власова предпринимались и в дальнейшем, но постепенно от них отказались, ибо с приближением окончательного поражения фашистской Германии, а, следовательно, и краха РОА, тайное уничтожение её главаря становилось делом весьма узким. Теперь Власов нужен был живым, с тем, чтобы через судебный процесс вскрыть политическую сторону власовского движения.

«Взять живыми главарей РОА» — такова была задача НКГБ СССР и Украины весной победного 1945 года. С этой целью и была создана оперативная группа под кодовым названием «Факел», руководимая Я.А. Козловым, известного под именем Богдана Петровича Богуна.

Для того чтобы забросить разведывательно-диверсионную группу в тыл врага, а также для того, чтобы вывезти оттуда пленённых главарей «РОА», нужны были крылья.

…11 апреля после завтрака в кабинете командира 53-й авиадивизии дальнего действия генерала В.И. Лабудева появилась группа офицеров Комитета государственной безопасности Украины. Беседа длилась минут тридцать. После того, как гости уехали, Василий Иванович вызвал начальника штаба соединения Н.Г. Шевчука, штурмана Г.К. Живчикова и инженера СВ. Лавриненко.

— Товарищи, предстоит серьёзная работа по заявке НКГБ Украины. Надо выбросить под Прагу группу людей и около двух тонн груза. Замысел, вполне понятно, мне не раскрыли, но, судя по всему, они там затеяли что-то серьёзное. Выполнение задания поручим Филину. Надо отправить шесть экипажей. Готовьте боевое распоряжение и окажите помощь, особенно вы, Григорий Карпович. Сами понимаете: штурман в таком полёте — первая скрипка.

Командир 1 -го гвардейского авиаполка В.П. Филин получил боевое распоряжение в 16.50: для доставки людей и грузов на точку в четырёх километрах северо-западнее Добржиш (30 км юго-западнее Праги) выделить шесть Ли-2, сигнал для сброса — «конверт» из пяти костров.

Василий Петрович немедленно собрал своих заместителей и вместе с ними определил шестёрку экипажей. Уже в 17.30 в его кабинете сидели их

штурманы, а также командиры и штурманы эскадрилий. В присутствии представителя НКГБ Украины Филин развернул карту и поставил задачу:

— Вот здесь Добржиш. В четырёх километрах на северо-запад находится балка. Партизаны будут обозначать себя «конвертом» и зелёной ракетой, подаваемой настильно. Все шесть самолётов должны сбросить людей и груз только сюда. Готовьтесь, времени в обрез.

В 20 часов 20 минут с аэродрома Ясенка начался взлёт. Все шесть Ли-2 взлетели друг за другом с интервалом в две минуты. В полёте к цели на самолёте В.В. Захарова возникла тряска правого мотора — вышел из строя один из цилиндров. Пришлось возвращаться. Экипажи командиров кораблей О.Е. Лунёва (штурман А.Н. Боднар), И.В. Звягильского (Штурман И.И. Дибров) и А.В. Цеквава (штурман Г.И. Дорожкин) не заметили поворотный пункт маршрута и в район цели не вышли.

Задание выполнил только один экипаж — командира корабля М.В. Левина. До пункта Любленец летели при ясной погоде. Над горным районом пошла облачность. После гор она стала редеть, и вскоре небо полностью очистилось от туч. В четырёх километрах на северо-запад от Пардубице заметили работающий ночной старт, по кругу с зажжёнными фарами ходили самолёты неустановленного типа. От греха подальше резко ушли в сторону

Столица Чехословакии встретила экипаж приличным городским освещением. В 23.30 при ясной погоде вышли наточку сброса. Пятикостёрный «конверт», выложенный на поляне лесного массива, земля зажгла, как только самолёт появился над целью. Световой сигнал партизаны смастерили из трёх пирофакелов и двух древесных костров. Кроме этого, в ночное небо периодически взлетала зелёная ракета.

Опознав цель, сделали пристрелочный круг, а уже потом пошли на сброс. На первом заходе борт самолёта покинули пять пассажиров, на втором правый лётчик П.Я. Колмогоров, борттехник А.В. Матвиевич и радист ЕЯ. Берестов опустили шесть мешков с боеприпасами по 140 килограммов каждый.

Представитель НКГБ был крайне недоволен результатом полёта: большинство десантников вернулось обратно, группа оказалась разорванной. Заброска в тыл врага разведывательно-диверсионной группы «Факел» в ночь на 12 апреля фактически оказалась сорванной. Единствен-

ным утешением было только одно: на месте оказался руководитель группы Б.П. Богун.

К сожалению, какими-либо архивными сведениями о поимённом составе группы я не располагаю. Её работа, насколько можно судить, не отражена и в литературе. Поэтому здесь будут уместны те крупицы воспоминаний о самом руководителе «Факела», которыми поделились со мной некоторые авиаторы 1-го гвардейского авиаполка.

Михаил Васильевич Левин: **«В целях захвата руководителей «русской освободительной армии» была спланирована операция, которую возглавил полковник Богун.** Штаб РОА находился в Праге. Богун досконально знал его работу, так как в своё время перешёл на сторону власовцев. Учитывай это обстоятельство, ему было предложено возглавить операцию и, следовательно, искупить вину перед Родиной. Богун в форме немецкого офицера летел с нами».

Алексей Васильевич Дулин: **«Возглавлял группу по поимке Власова полковник Богун, возможно, это был его псевдоним.** Как тогда говорили в полку, он якобы служил в штабе Власова. Сам Богун был одет в пальто-реглан чёрного цвета. Я запомнил его таким».

Выполнение ответственного задания было продолжено через четыре дня. В ночь на 15 апреля курсом на Прагу ушло три Ли-2. На борту 21 человек и 1610 кг груза. Над линией фронта экипажи наблюдали перестрелку, а у Пардубице, как и при первом полёте, работал ночной аэродром: горел зелёный факел, с земли подавались жёлтые ракеты, на старте стояло до двадцати самолётов с включёнными бортовыми огнями. Подошли к Праге. Как и в прошлый раз, она была залита электрическим светом. Западнее города качались три прожекторных луча.

В 22.55 два экипажа вывели свои машины на точку сброса — лес в тридцати километрах юго-западнее Праги. В течение пяти минут на сигнал три костра в линию, выложенных с востока на запад, самолёты покинули пятнадцать парашютистов и семь парашютно-десантных мешков (910 кг боеприпасов). Задание не выполнил экипаж командира корабля О.Е. Лунёва (штурман А.Н. Боднар) — не смогли найти район цели.

Остатки группы «Факел» были доставлены к месту назначения двумя самолетами в ночь на 17 апреля. На пути к цели экипажи наблюдали бомбардировку Брно и обнаружили западнее города Фрейденталь действующий аэродром, на котором просматривались выложенные направляю-

щие огни. На точку в тридцати километрах на юго-запад от Праги, на три костра, выложенные в лесу с запада на восток, при ясной погоде, было сброшено пять пассажиров и 1960 кг груза.

Таким образом, в ночь на 17 апреля 1945 года завершилась переброска группы Богуна в район Праги. Всего было доставлено 25 человек и 3710 кг различных грузов.

Следует заметить, что эта работа выполнялась в рамках оперативной группы, которая была создана из наиболее подготовленных экипажей 1-го гвардейского авиаполка специально для выполнения заявок НКГБ Украины. По итогам работы этой оперативной группы командир полка издал приказ, в котором отмечал: «С 11 марта по 17 апреля 1945 года часть экипажей полка выполняла специальные задания. В работе особо отличились командир корабля первой эскадрильи В.В.Захаров (штурман К.М. Осадчий) и заместитель командира второй эскадрильи М.В. Левин (штурман И.И. Воеводов). Эти два экипажа проявили мастерство и настойчивость при совершении полётов в тыл противника на полный радиус действия. За чёткое выполнение специальных заданий данным экипажам объявляю благодарность». И экипаж В.В.Захарова и экипаж М.В. Левина в переброске группы «Факел» в район Праги приняли самоё активное участие.

Собравшись вместе и установив связь с местными партизанами, группа Богуна приступила к выполнению задания — захвату главарей РОА...

После освобождения Праги войска 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов, стремясь отсечь пути отхода на Запад недобитой группе армий «Центр», продолжали боевые действия. Им оказывали помощь партизанские соединения и многочисленные советские разведывательнодиверсионные группы. 10 и 11 мая основные силы немецко-фашистских войск были разбиты и пленены.

В зоне последнего сопротивления остатков гитлеровских армий оказалась и РОА со всем своим руководством. А.Н. Колесник пишет: «К середине дня 7 мая гитлеровцы продвинулись к центру. В Праге началась расправа над восставшими. Власов направляет командующему 1-м Украинским фронтом Маршалу Советского Союза Коневу телеграмму: «Могу ударить в тыл немцам»... К вечеру власовцами (1-я дивизия РОА) действительно были взяты под контроль все транспортные коммуникации и мосты, ведущие на запад, железные дороги... Вечером у

власовцев не оставалось сомнений в том, что город будет занят советскими войсками. В 23 часа генерал Буняченко С.К. (командир дивизии) отдал приказ об уходе 1-й дивизии РОА из Праги. Восставший город оставался фашистам на растерзание». («Генерал Власов: предатель или герой?».—М, 1991.— С. 86).

Об участии армии Власова в «освобождении» столицы Чехословакии пишут в статье «Прагу освобождали дважды. Первыми были власовцы». Ф. Перченок и В. Сидельников: «Есть версия, что в те дни Власов дал советскому командованию телеграмму следующего содержания: «Могу ударить в тыл пражской группировки немцев. Условие — прощение мне и моим людям». Ответа не последовало». («Московские новости». — 5мая, 1991).

Относительно телеграммы И.С. Коневу я сильно сомневаюсь. И не без основания. Не думаю, что маршал мог забыть об этом весьма неординарном факте. В своих воспоминаниях «Записки командующего фронтом» Иван Степанович рассказал об аресте Власова, а вот о телеграмме — ни слова. А ведь мемуары неоднократно переиздавались, в них вносились дополнения из сохранившихся архивов автора. Большие сомнения и в отношении освобождении Праги власовцами. Вот мнение авторов статьи «Иуды» генерал-лейтенанта юстиции А.Ф. Катусева и капитана первого ранга В.Г. Оппокова: «Увод частей РОА на территорию Чехословакии, осуществлённый испуганным наступлением советских войск Буняченко, с тем, чтобы поискать убежища у американцев и англичан, породил легенду, которая муссируется и сейчас, об «освобождении» Праги от фашистов власовцами». («Военно-исторический журнал». —1990, № б). От намерения освободить столицу Чехословакии, до реального осуществления замысла — дистанция огромного размера. Но как тут, переводя стрелки от предателя Власова к герою Власову, не выдать желаемое за действительность!

В эти дни совместно с чешскими партизанами активизировала свою деятельность по захвату руководителей РОА группа Богуна. 7 мая разведчикам, наконец, удалось взять начальника штаба власовской армии Ф.И. Трухина. За два дня до этого он пытался «договориться с американцами о возможности использования РОА для дальнейшей борьбы союзников со Сталиным, и... получил ультиматум о безоговорочной сдаче и полном разоружении 2-й дивизии РОА в течение 36 часов. Попытался про-

рваться сам, но был остановлен чешскими коммунистами в местечке Пршибрам. Его пригласили на «дружеский приём». Войдя в здание, тут же был разоружён и передан агентам СМЕРШа» («Столица» — 1991, № 22).

Таким образом, первым из окружения Власова был пленён начальник штаба РОА генерал Трухин. «Важную птицу» надо было доставить в Москву. 9 мая, в день всеобщего ликования, вызванного окончанием войны, командир 1-го гвардейского авиаполка В.П. Филин вызвал к себе Михаила Левина и Ивана Воеводова.

— Война кончилась, но не для всех. Ставлю боевую задачу: завтра утром берёте на борт представителя НКГБ полковника Сергеева и с ним десять автоматчиков, вылетаете в район Праги, садитесь вот здесь, — командир полка ткнул пальцем в висевшую на стене карту, — на лесную поляну, забираете арестованного начальника штаба РОА Трухина и возвращаетесь на свой аэродром. Хотя война и кончилась, но недобитого зверья ещё много, поэтому используйте малые высоты, да и осмотрительностью в воздухе не пренебрегайте. В общем, возвращайтесь целыми и здоровыми.

10 мая утром экипаж и пассажиры прибыли на аэродром. Самолёт был уже «под парами». Провожали командир и начальник штаба полка Д.А. Козенко. Дмитрий Александрович по военному образованию — штурман, в полку — ветеран из ветеранов. Руководя одним из самых трудных участков полковой работы, имея по сравнению с другими заместителями командира в несколько раз больший объём обязанностей, он всегда находил время для душевного контакта с подчинёнными, особенно со штурманами. Вот и сейчас начальник штаба полка отозвал Воеводова в сторонку.

— Ты, Ильич, под Прагу летал несколько раз, дорога туда, как говорится, наезженная, поэтому в штурманском плане полёт туда больших трудностей не составит. Ты, это... посматривай побольше за воздухом. Это ваш последний полёт, в общем, вы в полку закрываете войну.

Зеленая ракета позвала в самолёт. Представитель НКГБ занял место правого лётчика, автоматчики разместились в салоне. В 9.00 Ли-2 покинул Ясенки. Признаков войны в голубом весеннем небе уже не было. До чехословацкой столицы добрались благополучно, снизились до восьмидесяти метров, прошли над шоссе Прага-Пльзень. Оно было забито отступающими немецкими частями. Помня наказы командира и начальника штаба полка, отошли в сторону. Через несколько минут Воеводов доложил:

- Площадка под нами!
- Да, но сигналов-то нет!
- Что-то партизанам мешает нас принять, надо идти в Прагу, она уже освобождена, резюмировал представитель НКГБ.

Сделав ещё круг и убедившись, что их никто не ждёт, взяли курс на чешскую столицу. Далее слово Михаилу Васильевичу Левину.

- «В Праге нас никто не ожидал, так как заход туда не был предусмотрен заданием. Пришли на центральный аэродром и произвели посадку по выложенным посадочным знакам. На аэродроме масса людей, бронетранспортеров, автомашин, развеваются флаги СССР и Чехословакии. Кто-то в форме офицера чехословацкой армии флажком показал на место, куда следовало рулить. Чекист говорит:
- Командир, мы мешаем своим появлением, давай отрулим на край аэродрома.

Мы так и поступили. Не успели винты моторов остановиться, как к самолёту подъехало несколько машин, из которых вышли военные и люди в штатском. В одном из генералов полковник Сергеев узнал Павла Семёновича Рыбалко. Мы вышли из самолёта, и он доложил ему кто мы, и какую задачу выполняем.

— Вы испортили мне всю обедню: мы встречаем Бенеша и ваш самолёт приняли за него. Значит одного подлеца поймали, это хорошо!

Рыбалко приказал стоящему рядом генералу оказать нам необходимую помощь по всем вопросам спецзадания. Нам выделили машину, на которой представитель НКГБ, я и штурман Воеводов убыли в штаб танкистов, где согласовали свои дальнейшие действия на завтрашний день, установили радиосвязь с группой Богуна, которая сообщила, что в связи с отступлением немцев из Праги, партизаны не смогли подготовить площадку. Договорились, что они привезут Трухина прямо на аэродром. Нас разместили в гостинице, остальные члены экипажа и автоматчики ночевали в самолёте.

Трухина привезли на аэродром утром. Группой охраны руководил Богун. Он и передал начальника штаба РОА представителю НКГБ. День был солнечный, поэтому прямо под крылом самолёта постелили коврик, на котором Трухин и ждал вылета. Коврик — это своеобразная территория, за которую выходить нельзя. Он был одет в форму генерал РОА — тёмно-серый френч с чёрным воротником, такого же цвета

брюки с красными лампасами, сапоги. На левом рукаве нашивка с немецкими буквами «РОА». Подстрижен под «ёжика», в волосах — седина. Выглядел подавленным, но на вопросы штурмана Воеводова отвечал чётко.

Получили разрешение на вылет. Трухина посадили на винную бочку, покрытую ковриком. Автоматчики находились на откидных сиденьях. Группа Богуна осталась в Праге.

Примерно в 12.30 произвели посадку на аэродроме Ясенка. Наш самолёт встречало начальство корпуса и дивизии, а также личный состав полка. Приблизительно в 16.00 прибыл из Москвы Си-47 2-й авиадивизии особого назначения, и, забрав Трухина, вылетел в столицу. Генерал Власов избежал встречи с разведчиками Богуна, он был захвачен танкистами».

Вспоминал об этом полёте экипажа с начальником штаба РОА и Козенко.

«Хорошо помню, что 9 мая, к исходу дня, мы получили задание подготовить опытный экипаж и с рассветом следующего дня направить на площадку юго-западнее Праги, чтобы вывезти оттуда группу наших разведчиков и доставить их в Киев.

Мы определили экипаж Михаила Левина. Задание он выполнил отлично. Взяв на борт разведчиков и начальника штаба РОА Трухина, вылетели курсом на Киев. Однако в районе Львова встретили неблагоприятные метеорологические условия и по команде с КП дивизии вернулись в Ясенки. Мне пришлось организовывать размещение прилетевших и охрану Трухина».

Некоторые детали пребывания Трухина на аэродроме в Ясенках оставил в своих воспоминаниях Алексей Дулин.

«Пока готовился дальнейший перелёт в Москву, Трухин лежал на траве у самолёта под охраной двух автоматчиков и много, как я заметил, курил. Из-за нелётной погоды самолёт в Москву в этот день не вылетел. Он остался ночевать на КП аэродрома в землянке».

В трёх приведённых воспоминаниях есть некоторые расхождения. Думаю, что предпочтение следует отдать фактам командира корабля, как самому непосредственному исполнителю этого специального задания.

Мне остаётся только добавить, что после окончания войны, где-то в двадцатых числах мая, группа Богуна возвращалась из Чехословакии на

Родину. Так случилось, что одна из остановок пришлась на Жешув, где располагался штаб авиадивизии. В честь разведчиков командование соединения организовало обед. Пригласили командира корабля Михаила Левина и штурмана Ивана Воеводова. Ценные подарки и тёплые слова благодарности стали оценкой авиаторам за их помощь в деле выполнения разведывательно- диверсионной группой «Факел» особо важного специального задания

Итак, начальник штаба РОА Трухин был пленен чехословацкими партизанами и разведчиками Богуна, вывезен из Праги экипажем 1-го гвардейского авиаполка под руководством командира корабля Михаила Васильевича Левина.

В Москву был доставлен бывшим советский генерал-майор, изменник Родины, Федор Иванович Трухин. Родился он в 1896 году в аристократической русской семье в Костроме. В Красной Армии с 1918 года. Окончил академию М.В Фрунзе и академию генерального штаба. Перед войной — начальник оперативного отдела Прибалтийского особого военного округа. Во время войны начальник штаба Северо-Западного фронта. Беспартийный.

Попав в плен, он стал на путь сотрудничества с фашистами. Усердия генерала не остались незамеченными, его признали «пригодным к использованию», а затем разрешили носить немецкие знаки различия. Подробно о своей деятельности Трухин рассказал, отвечая на вопрос председателя суда «В чём признаёте себя виновным?».

«Я признаю себя виновным перед Родиной, Советской властью и партией в том, что, сдавшись в плен, стал во главе борьбы с Советской властью, организовывал других, клеветал, вошёл в трудовую партию, вошёл в союз «Новое поколение», и всё это в поисках путей борьбы с Советской властью. Я был идейным вдохновителем курсов в Дабендорфе, через мои руки прошло до пяти тысяч человек курсантов, которые подготавливались в антисоветском духе, я подготовлял вербовщиков, чтобы вести работу среди русских военнопленных и втягивал их в РОА. Лично я, по поручению немцев, объезжал все части РОА, действующие на территории Италии, моими выступлениями вводил эти части в заблуждение о роли, которую они играют, сулил им победу и счастливую жизнь в России. Я был начальником штаба РОА, и под моим руководством шло формирование школ разведки, подготовка

офицеров, формирование воинских единиц. ...Сам я, боясь ответственности, хотел перейти на англо-американскую сторону, но это мне не удалось». (Колесник А. Н. «Генерал Власов — предатель или герой?». — С. 119).

А что «Ворон»? В дни агонии третьего рейха и РОА, её командующий метался между своими бывшими хозяевами, советским командованием (телеграмма Коневу) и союзниками СССР по Второй мировой войне. После неудавшейся попытке Трухина договориться с американцами, Власов 8 мая отправил на установление контакта с ними своего адъютанта капитана Антонова. Американцы подтвердили прежнее требование: безоговорочная капитуляция РОА.

10 мая Власов пошёл с американцами на личный контакт. Однако союзников не «растрогал» даже бесспорный антифашистский демарш РОА в чехословацкой столице. Руководитель Русской освободительной армии вернулся в Шлюссельбург ни с чем, и приказал генералу Буняченко передать своим подчинённым: спасаться поодиночке. Когда солдатам сообщили это решение Власова, они стали уничтожать свои документы, снимать с себя форму, а некоторые даже кончали с собой, считая, что это лучше, чем умереть от позорной расстрельной пули. Это была агония власовского движения. Руководитель РОА пережил тех, кто сам себе вынес приговор совсем ненадолго.

Деятельность штаба РОА находилась в поле зрения советской армейской разведки и НКГБ Украины. После того как было установлено пребывание Власова в Шлюссельбурге, командир 25-го танкового корпуса получил приказ идти на Прагу для блокирования действий РОА.

Утром 11 мая корпус подошёл к реке Услава, встретился с союзниками и, переправившись, сосредоточился в районе города Непомук. Здесь и был пленён Власов. О том, как это произошло, поведал 7 октября 1962 года в «Комсомольской правде» бывший командир 25-го танкового корпуса генерал-лейтенант запаса, Герой Советского Союза Е.И. Фоминых. Приведу выдержки из его рассказа.

«...многие офицеры-власовцы искали встреч с советскими воинами, чтобы перейти к нам. Наш комбат капитан Якушев познакомился таким образом с одним офицером из войск Власова, в прошлом тоже капитаном и тоже комбатом. Узнав о выступлении Власова, этот капитан прибыл к Якушеву. Недолго думая, Якушев вскочил в машину капитана Кучинского и помчался на перехват колонны Власова, успев предупредить об этом своего начальника штаба. Обогнав колонну легковых и специальных машин, Якушев поставил свою машину поперёк дороги.

Колонна стала. ...В это время капитан Кучинский сообщил Якушеву, что в колонне находится Власов. Оббежав все машины, и бегло осмотрев их, он Власова не обнаружил... И вдруг шофёр четвёртой машины кивком головы показывает Якушеву, что Власов здесь. Заглянув внутрь, Якушев увидел на заднем сиденье двух перепуганных женщин. Он оглянулся на шофёра, который только и ждал этого взгляда и вновь кивком головы подтвердил, что Власов здесь.

Дальнейшее происходило молниеносно. Якушев рванул дверку машины и увидел неестественно свёрнутый ковёр. Он сорвал ковёр и буквально вытащил Власова из-под него. Недолго думая, на глазах всех Якушев потащил Власова к своей машине.

Шофёр плохо ориентировался, и они стали плутать по лесу, забитому власовцами. Власов осмотрелся и, выбрав подходящий момент, выскочил из машины, и побежал, ловко перебирая длинными ногами. Якушев на миг остолбенел, а потом рванулся за ним, доставая пистолет из кобуры. Но, видя, что это соревнование не по плечу, быстро выдохнувшемуся генералу, стрелять не стал. Власова доставили в расположение корпуса...

Я и мой начальник политотдела П.М. Елисеев с любопытством разглядывали приближавшегося к нам в сопровождении комбата капитана Якушева высокого сутулого генерала в очках, без головного убора, в лёгком стального цвета плаще. Так вот каков этот выродок!».

Так был задержан главнокомандующий РОА генерал Власов. Примечательно, что в то время, когда Якушев вытаскивал его из ковра и машины, а затем тащил к своей, и когда генерал предпринимал попытку сбежать, ни один из присутствующих власовцев не шевельнул пальцем, чтобы оказать помощь своему главарю.

Некоторые детали ареста Власова мы находим в мемуарах И.С. Конева: «Когда танкисты стали разоружать её (дивизию Буняченко. — А.С.), то выяснилось, что в одной из легковых машин сидит закутанный в два одеяла Власов. Обнаружить предателя помог его собственный шо-

фёр. Танкисты с этим шофёром вытащили прятавшегося Власова изпод одеял, погрузили на танк и тут же отправили прямо в штаб 13-й армии. Жалкий конец, вполне закономерно венчающий всю карьеру этого отщепенца! Из штаба 13-й армии Власова доставили ко мне на командный пункт. Я распорядился, не теряя времени, отправить его сразу в Москву». (Конев И. С. «Записки командующего фронтам». — М.,2000. — С. 458.).

Приблизительно также пленение Власова описывает А.Н. Колесников. Но автор приводит дополнительные и весьма любопытные факты, касающиеся тех, кто принимал участие в задержании предателя.

«Изложенные факты пленения Власова взяты мной из интервью Е.И. Фоминых и никогда не публиковавшейся шифровки члена Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанта К.В. Крайнюкова, адресованной И.В. Сталину, в которой он просит наградить участников операции — командира мотострелкового батальона капитана Якушева Михаила Ивановича, оперуполномоченного старшего лейтенанта Игнашкина Илью Петровича, начальника отдела контрразведки СМЕРШа 162-й танковой бригады 25-го танкового корпуса майора Виноградова Пахома Тимофеевича, командира корпуса генерал-майора Фоминых Евгения Ивановича, а также власовцев капитана Кучинского Петра Николаевича и шофёра Власова Комзолова Илью Никитовича. Некоторые дополнительные детали можно почерпнуть из письма очевидца тех событий Н.А. Алексеева: «Целую ночь после ареста А.А. Власова содержали в штабе корпуса. А на следующий день в расположение корпуса прибыло минимум 10-15 автомобилей из штаба оккупационных войск, и Власова увезли» («Генерал Власов предатель или герой?». — С. 90).

Сцена ареста Власова описана и в книге известного советского дипломата Ю. А. Квицинского «Генерал Власов: путь предателя». Книга подготовлена на основе документов, в том числе хранящихся в архиве ФСБ. Вот один из них за подписью Наркома Абакумова, оказавшийся 13 мая на рабочем столе И.В. Сталина: «По сообщению управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта, 12 мая с.г. в районе города Прага задержан предатель Власов, который на автомобиле направлялся в сторону союзников. По предложению командира 25-го танкового корпуса генерал-майора Фоминых Власов отдал приказ своим солдатам о переходе на сторону

Красной Армии. Вчера же нашим войскам сдалась дивизия в количестве десяти тысяч человек. Мной дано указание начальнику управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанту Осетрову доставить Власова под усиленной охраной в Главное управление СМЕРШ». (Квицинский Ю.А. «Генерал Власов: путь предателя». — М., 1999.—С. 312).

Итак, 12 мая 1945 года Власов был арестован танкистами 25-го корпуса и увезён из штаба на машинах, как потом оказалось, в Дрезден. Оттуда требовалось перебросить его в Советский Союз. Для этого также понадобились крылья. Их нашли в 7-м авиаполку 54-й авиадивизии АДД.

13 мая утром в группу экипажей полка, базирующейся на аэродроме Бобервиц, поступил приказ — срочно направить один самолёт в Дрезден, задание будет дано на месте. Выбор пал на молодой экипаж под руководством командира корабля Б.Т. Серикова (штурман И.Н. Глошкин). На самолёте барахлил один стартёр, времени на его ремонт не оставалось. Надеясь на то, что на месте есть соответствующее обслуживание, ударили по газам и в назначенное время оказались над аэродромом. А на нём — пустые стоянки. Сели, подрулили к командно-диспетчерскому пункту (КДП). Командир и штурман пошли к диспетчеру.

- Вам вылет в Москву с важными людьми, но немного позже, отдыхайте! Как заправка?
- Заправка-то есть, только вот стартёр у нас не в порядке. Мы и моторы не вырубили.
- Но у меня ни спецмашин, ни обслуги. Город освобождён только пять дней назад.
- Можно, мы перелетим на аэродром, который в десяти километрах отсюда? Там стоят наши штурмовики, мы этот аэродром знаем, там есть автомобильный стартёр. По вашему звонку вылетим немедленно.

На том и порешили. Но произошло недоразумение. То ли диспетчер забыл, куда перелетел экипаж, то ли ещё что-то, только когда самолёт понадобился, он стал звонить в Бабервиц. Там поднялся переполох — днём при перелёте пропал экипаж. Срочно начали готовить второй. Однако это дело оказалось непростым.

В этот день, после отлёта Серикова в Дрезден, группа больше никаких заданий не имела. Техники ушли на аэродром, а лётному составу предоставили отдых. Кое-кто отпросился по личным делам, а большая часть авиаторов нежилась под теплом майского солнца на берегу небольшого рукотворного пруда.

Старший группы решил направить в Дрезден экипаж командира корабля Г.И. Губанова, но его самого и штурмана А.Ф. Нетюхайло на месте не оказалось. Тогда стали готовить третий экипаж — командира корабля В.М. Короткова (штурман И.Я. Мендюх). Именно они стали причастны к делу поистине историческому.

Борттехник Владимир Кутовенко только-только успел раскопотить моторы и «раскопотиться» сам, как поступила команда на немедленный вылет. Быстро привёл себя в порядок и стал дозаправлять машину горючим. Через тридцать минут взлетели и взяли курс на Дрезден. Лётчики знали об интенсивных бомбардировках одного из красивейших городов Германии союзной авиацией в феврале 1945 года. Результаты их «работы» хорошо просматривались с воздуха: город лежал в руинах, большинство уцелевших зданий стояло без крыш, стены зияли пустыми глазницами окон и дверей, улицы завалены битыми кирпичами, черепицей и брёвнами.

- Хорошо поработали союзнички, сказал правый лётчик Михаил Кузнецов, помогая командиру заводить самолёт на посадку.
- Они же старались разбить все мосты через Эльбу, чтобы задержать наше наступление, высказал своё предположение штурман.

Посадочная полоса Дрезденского аэродрома тоже носила следы интенсивных бомбардировок, но её уже успели подремонтировать. Сели, подрулили Ли-2 на край аэродрома поближе к КДП, выключили моторы. Командир и штурман пошли к диспетчеру, а Кузнецов, Кутовенко, стрелокрадист и стрелок остались у самолёта.

На ветках низкорослого кустарника, что кустился за чертой аэродрома, и на высоких стеблях прошлогодней травы под напором слабого ветерка колыхались еще не успевшие пожелтеть от весеннего солнца белые листы бумаги. Кутовенко снял один, всмотрелся в напечатанный на русском языке текст.

— Ребята, это же листовка его превосходительства генерала Власова! Призывает стать под его знамёна. Вот шкура! Сам-то, наверное, уже удрал!

Подошли командир и штурман. Им показали листовку.

— Ирония судьбы! — воскликнул Короткое. — Вы и не поверите, но именно этого предателя нам и предстоит везти. Приказано лететь днём и

ночью до самой Москвы. Так что сами скоро будете лицезреть главного изменника Родины.

- Ну и история! сопроводил своё восклицание чисто русским выражением борттехник, которое из его письма ко мне я не решаюсь перенести на страницы этого очерка.
- Верно, Владимир Иванович, история! —ответил ему, дочитавший листовку Мендюх. Что ни говори, а Власов, на есть самая скверная, но все же история. И мы будем к ней причастны.
- Ну и повезло! не унимался Кутовенко. Потом после него самолёт мыть. А где же Сериков?
- Ждёт команды на соседнем аэродроме, у них неисправен стартёр, диспетчер начал их разыскивать, чтобы отправить в Бобервиц. Мы тоже там сядем для оформления продаттестатов.

Кстати, о власовских листовках. Впервые они появились внушительным тиражом на территории нашей страны в январе 1943 года. Впоследствии тираж всё время наращивался. На каждого советского солдата за годы войны пришлось более сотни экземпляров. К сожалению, содержания большинства листовок нам неизвестны. Поэтому небезынтересным будет текст одной из них под названием «За Россию, против Сталина и против большевизма»:

«Русские люди, братья и сестры!

Защищая Сталина и его клику, Вы никогда не добьётесь освобождения России от колхозов и рабского труда. Вы никогда не добьётесь свободы слова, печати, свободы собраний, совести, религии, а вместе с этим не получите спокойной жизни и уверенности в завтрашнем дне.

Вожди большевизма заставляют вас четверть века работать в поте лица на вооружение и подготовку войны за мировую революцию. Нам без конца говорили, что стоит лишь нам перейти границу СССР, как трудящиеся всего мира восстанут против своих правительств и присоединяться к большевикам. Теперь же вы видите, что все народы Европы идут войной против большевизма. Почему же получилось не так, как говорили большевики?». («Родина». — 1998, № 8.).

Содержание листовки не нуждается в развёрнутых комментариях, читатель может сам сделать правильные выводы, но не могу удержаться от одного замечания. Для того чтобы получить спокойную жизнь и уверен-

ность в завтрашнем дне, советским людям надо не «защищать Сталина и его клику», а сотрудничать с теми, кто пришёл убивать, крушить, жечь. Тысячелетняя история страны, да и мировая история не знают ни одного примера, чтобы людям спокойнее и увереннее жилось под пятой поработителей. На кого был рассчитан этот бред!? Но вернёмся к тем дням.

Минут через тридцать на дрезденский аэродром ворвалась легковая машина и направилась к самолёту. За ней следом, стараясь не отстать, следовал грузовик. «Джип», круто развернувшись и взвизгнув тормозами, остановился напротив открытой двери самолёта. Вышли генерал и два офицера с личным оружием. Коротков доложил о готовности к полёту и представил экипаж. Подъехал грузовик, из него выгрузилась группа автоматчиков. Построились под крылом самолёта. После этого генерал пригласил Власова выйти из легковой машины.

Слово Владимиру Ивановичу Кутовенко. «Власов был выше среднего роста, в гражданской одежде, при шляпе. Из-под плаща горбились лопатки плеч, и он напоминал цаплю. Какого-то физического недомогания не чувствовалось, а вот маску душевного страдания на лице скрыть он не мог. Было видно, что тяжесть содеянного и близкая расплата терзали его душу».

По приказу генерала Власов поднялся в салон самолёта. Его посадили у кабины лётчиков по правому борту. Рядом разместилось несколько автоматчиков. Слева от них сел офицер охраны. После всех на борт поднялись члены экипажа.

— Запускай! — приказал Коротков борттехнику. — На связь с диспетчером не выходим, я с ним договорился о том, что будем взлетать самостоятельно.

После взлёта в пилотскую кабину вошёл генерал и попросил разрешения занять место правого лётчика. Командир корабля дал добро. Так и летели до Бобервица. Пока заправлялись горючим, к самолёту привезли необходимые для экипажа документы и бортпаёк. После взлёта сопровождающий генерал вновь сел на место правого лётчика. Стало понятно, что это своеобразный контроль за действиями экипажа. Однако когда через два часа полета самолёт вошёл в сплошную облачность, и началась болтанка, генерал уступил место Кузнецову и пошёл в салон. Один из офицеров охраны намекнул ему, что кабина пилотов остаётся без присмотра, но он махнул рукой и, воспользовавшись шинелью Кутовенко, улёгся спать. Ве-

роятно, к этому времени он убедился, что экипажу в таком ответственном деле вполне можно доверять.

И вновь рассказ Кутовенко.

«Полёт был продолжительным, и нам предстояли посадки на дозаправку. Наше движение по всему маршруту находилось под особым контролем. Сразу же после приземления и заруливания на стоянку к самолёту подъезжали спецпредставители, справлялись о нуждах, спрашивали, нужна ли дополнительная охрана, обеспечивали экипаж и группу сопровождения всем необходимым, и мы без особой задержки вновь поднимались в воздух.

К исходу дня сели где-то на полевом аэродроме после захода солнца. Естественно, экипаж устал, да и прогноз погоды говорил о её ухудшении на дальнейшем маршруте полёта. Поступило распоряжение на ночёвку. Командир корабля и часть экипажа ушли на отдых, а я остался для подготовки машины к дальнейшему полёту.

Подопечный находился в самолёте под контролем внутренней охраны. Кроме этого, самолёт оцепила и внешняя охрана. Наши спутники достали бортпаёк и распределили его между всеми, никому не делая предпочтение. За совместной трапезой в салоне самолёта сидели рядом два генерала. Оба по-своему прошли длительный военный путь, только финал у каждого оказался разным: один переживал радость победы, второй — неминуемую расплату за содеянное. Разговор был немногословный.

К темноте все необходимые работы на самолёте я завершил, надо было идти на ужин, а заодно и пообедать. Ко мне обратился один из офицеров по вопросу отсутствия в самолёте необходимого освещения. Я ещё раньше выяснил, что на аэродроме автостарта нет, что для запуска моторов надо будет надеяться только на аккумуляторы. Я объяснил офицеру, что оставить самолёт под током не могу, а вот приспособить переносную лампочку напрямую от аккумулятора — это можно. Когда я её подвесил над лежащим на сиденьях Власовым, офицер сказал, что этого освещения вполне достаточно. При уходе я предупредил ответственного о недопустимости курения ни в самолёте, ни возле него.

Полёт до Москвы был спокойным, в нормальных условиях. На кругу над Центральным аэродромом радист Комендантов принял ко-

манду: после посадки следовать за впереди идущей машиной. Мы так и сделали. Рулили за ней до тех пор, пока не получили сигнала остановиться.

Выключив моторы, я вышел в общую кабину, открыл дверь и хотел выставить стремянку, но кто-то снаружи сказал, что она не нужна. Смотрю, а к борту самолёта пятится «чёрный ворон» с открытой задней дверью. В сопровождении генерала Власов шагнул прямо с самолёта в спецмашину, так и не коснувшись ногами московской земли».

Итак, Власов прилетел на Центральный аэродром Москвы 15 мая 1945 года. «Ворону» подали «чёрного ворона», ему не дали возможности ступить на советскую землю, ту землю, которую он как солдат должен был защищать, ту землю, которую он предал. Символично! С аэродрома командующий РОА был доставлен на Лубянку и стал узником № 31. Дорога предательства, начатая 12 июля 1942 года, оборвалась. 1 августа 1946 года в 2 часа 2 минуты по уголовному делу № 1713 был оглашён приговор Военной коллегии Верховного суда СССР. Он был приведён в исполнение в этот же день. Казнь через повешенье была совершена в Таганской тюрьме. Жизненный путь обер-предателя Андрея Андреевича Власова завершился.

Рассказывая о некоторых фрагментах из истории власовского движения, я касался фактуры только двух его лидеров — Власова и Трухина. Однако не могу в данной статье, затрагивающей авиационный аспект проблемы, не рассказать ещё об одном «деятеле» из когорты предателей.

27 мая 1945 года на стол И.В. Сталина легло очередное совершенно секретное сообщение начальника СМЕРШ В.С. Абакумова: «В соответствии с Вашим указанием, вчера, 26 мая сего года работниками Главного управления СМЕРШ, действовавшими под видом сотрудников уполномоченного СНК СССР по репатриации, на двух самолётах из Парижа в Москву были доставлены 29 генералов Красной Армии, 3 комбрига, и один бригвоенврач, находившиеся в плену у немцев. Все прибывшие содержатся в специально подготовленном здании под Москвой, им созданы соответствующие условия, и за ними обеспечено наблюдение». (Колесник А.Н. «Генерал Власов — предатель или герой?». — С. 123).

Среди доставленных был и В.И. Мальцев. Это бывший начальник Главного управления гражданского воздушного флота Средней Азии и Закавказья, арестованный в 1939 году по делу Тухачевского. Его освободили через полтора года и назначили директором санатория «Аэрофлот» в Ялте.

Во время войны перешёл на сторону немцев, сблизился с Власовым, возглавил ВВС РОА.

Леонид Млечин в статье «Власов и власовцы» пишет: «РОА обладала и собственной авиацией, о чём совсем мало кто знает. На немецкую сторону, утверждает Хоффман, перелетело не менее 80 советских лётчиков на своих самолётах. Из них сформировали группу лётчиков, которой командовал бывший полковник Красной Армии Виктор Мальцев. Группа участвовала в боевых действиях вместе с тремя эстонскими и двумя латышскими эскадрильями. 19 декабря 1944 года Г. Геринг подписал приказ о создании ВВС РОА. В середине апреля 1945 года была сформирована истребительная эскадрилья (16 «мессершмиттов») под командованием бывшего капитана Красной Армии Героя Советского Союза Бычкова и эскадрилья ночных бомбардировщиков (12 «юнкёрсов») под командованием старшего лейтенанта Красной Армии Героя Советского Союза Антилевского». («Новое время». — 1990, № 43).

Мальцев попал в плен к американцам, его перевезли во Францию, где передали сотрудникам СМЕРШа в Париже. Здесь он вскрыл себе вены, но был спасён. На Лубянке он вновь пытался покончить с собой — перерезал себе горло ржавой бритвой. И вновь был спасён в Бутырской тюремной больнице.

По некоторым сведениям в ВВС РОА насчитывалось более 5000 советских лётчиков. Цифра явно завышенная, но она говорит о том, что доля подлецов, и не малая, была и среди личного состава ВВС Красной Армии. Многие из них получили по заслугам. Сколько бы не вилась верёвочка, но конец всегда будет. Пришёл конец и власовскому движению, его лидерам.

На завершающем этапе жизненного пути Власова и Трухина оказались два экипажа АДД командиров кораблей М.В. Левина и В.М. Короткова. Им, среди немногих, «посчастливилось» последними лицезреть главных изменников Родины. Пусть крупицы их воспоминаний останутся в истории минувшей войны, которая, как и любая другая, имела не только своих Героев, но и предателей. Кесарю — кесарево. Кому-то награда за содеянное, а кому-то и кара. Все члены экипажей за добросовестное выполнение своего долга по защите Отечества получили соответствующие награды. На груди у каждого из них были приличные «иконостасы», а Михаилу Васильевичу

Левину указом Президиума Верховного Совета СССР 29 июня 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Иуда

В последние два десятилетия на страницах отечественных книг, газет и журналов, «демократического» толка, а также на телевидении стало часто мелькать имя главного изменника Родины периода Великой Отечественной войны А.А. Власова. Общая цель публикаций — возвести предателя на пьедестал героя. Решая данную стратегическую задачу, авторы этих творений стараются сделать из Власова политического борца, что якобы он был и против Сталина и против Гитлера. А созданной им Русской освободительной армии приписывают не соответствующие ей цели, задачи и функции. Будто создавая РОА, Власов стремился спасти от гибели в гитлеровских застенках сотни тысяч советских людей, что она, эта армия, упустила шанс вместе с Германией освободить народы СССР от сталинской тирании и т.п.

Самой одиозной из всего написанного на эту тему, пожалуй, стала статья Н.Л. Коренюка «Трудно жить с мифами», помещённая в не менее одиозном журнале «Огонёк». И хотя со дня её публикации прошло уже почти 15 лет, право, о ней следует поговорить более или менее подробно. Ибо более циничной статьи о Власове я не встречал. Вернее не о Власове, а об отношении к нему, оценке им содеянного.

Политическое кредо автора проясняется буквально с первых фраз. Судите сами: **«Бытует мнение, что пошли, мол, за булку белого хлеба, махорку, да тёплую постель, спасая свою шкуру. Что ж, возможно. Но только ли за это?».** («Огонёк». — 1990, № 46). Вот в этом «но только ли это?» весь смысл статьи: Власов не спасал свою шкуру, а пошёл на сотрудничество с врагом по политическим соображениям, чтобы с помощью чужеземцев свергнуть советскую власть. А то, что собранные им головорезы повернули оружие против своих же соотечественников, которые эту власть защищают не жалея своего живота и жизни, так это ерунда.

И уж окончательно всё становится на место, когда начинаешь читать следующие полные злорадства строки: «Приходится лишь удивляться, как ещё ей (советской власти. — А.С.), несмотря на все кровавые преступления, удалось устоять, укрепиться и остаться в памяти народа

спасителем Отечества и мира всего». «Ничего удивительного. Мы верили в советскую власть, в социализм, в Сталина. Предатели? Так в семье не без урода, — предвижу возмущение людей старшего поколения, которых ни в коей мере не хочу обидеть. И всё-таки осмелюсь возразить: заставили поверить. А насчёт уродов — не много ли?».

Вот вам продолжатель дела Власова, который и через сорок пять лет после нашей победы над фашизмом продолжает удивляться, как советскому народу это удалось сделать, как удалось спасти не только своё Отечество, но и весь мир. Это написано в 1990 году человеком, который уже тогда имел к своему имени приставку кандидата исторических наук. Это его, кандидата наук, заставляли верить в советскую власть, в социализм, в Сталина? А насчёт уродов... Конечно, многовато их было, но могло быть на одного и больше, если бы автор статьи в то время мог носить оружие.

Продолжая ёрничать над советским прошлым, Н. Коренюк писал: «Сталин уж на что был хитёр, но верил Власову и не случайно, когда возникла критическая ситуация на Волховском фронте, поручил ему командовать 2-й ударной армией».

Ай да моська!.. Не хитрым был И.В. Сталин, а проницательным и умным, хотя и не имел учёной степени, в отличие от некоторых. А потом, вера в человека ну никак не увязывается с хитростью, это несколько иное качество. Не поручал И.В. Сталин Власову командовать армией. Дело было так. 20 марта 1942 года командующий Волховским фронтом генерал армии К.А. Мерецков направил во 2-ю ударную армию своего заместителя генерала Власова в качестве представителя фронта. А когда 16 апреля тяжело больного командарма генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова отправили самолётом в тыл для лечения, К.А. Мерецков предложил Власову принять командование 2-й ударной армией. Последний согласился. (Более подробно по этому вопросу см.: Пальчиков Л.А. «История генерала Власова». — «Нова и новейшая история». — 1993, № 2).

И вновь та же пластинка о пресловутом страхе: «Или пусти себе пулю в лоб, или пробивайся к своим, чтобы получить пулю от них (незадолго до сдачи в плен Власов получил письмо от жены из Москвы и по одной с виду невинной строчке — «гости были» — догадался о грозящей беде). Ни то ни другое не устраивало молодого генерала, он хотел жить. Но не за колючей проволокой немецкого лагеря. Если ему дадут возможность создать армию из русских военнопленных, пере-

бежчиков, перемещённых, и признают русское правительство в изгнании, во главе с ним, — конечно, — он готов сотрудничать с вермахтом».

Если бы генерал Власов пробился к своим, как это сделали многие его подчинённые, трудно предположить что бы было. С полной уверенностью можно сказать лишь об одном — было бы разбирательство по вопросу, почему армия попала в окружение, почему погибло столько людей, кто в этом виноват. Или этого не надо было делать? А как же тогда другая пластинка, которую часто ставят хулители нашей победы о, к примеру, бездарном командовании (В. Астафьев: «Мы просто не умели воевать... Мы и закончили войну, не умея воевать... Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами»). Может быть, Власов как раз один из тех, кто не умел воевать? Разобрались бы с ним, если бы он пробился, в этом нет сомнения. А вот говорить о результатах этого разбирательства— или наказание, или пуля в лоб, или назначение на новую должность — это уже из области фантазии. Это уже сослагательное наклонение.

Оправдывая переход Власова на сторону врага, автор статьи за уши притягивает фактик — «гости были». Были ли? И узнал об этом Власов ещё до своего грехопадения. И какая беда могла грозить до сего времени незапятнанному генералу? Все эти чёрные домысли автора, шиты белыми нитками.

А вот в том, что пуля в лоб, не из своего, не из карающего пистолета, Власова не устраивала, — в этом автор прав. Как прав и в выводе, почему не устраивала: он хотел жить. Но не за колючей проволокой немецкого лагеря. А на свободе. Путь в немецком мундире, пусть в личине предателя, но жить (!), и на свободе!

Небезынтересно в статье обыгран известный факт: вопреки Гитлеру, некоторые кураторы Власова и даже главари рейха изначально поддерживал его идею создания русской армии, а Гитлер сопротивлялся, но они продолжали эту идею проталкивать. Якобы по этому поводу сам Власов сокрушался: «Как же так? Выходит, какие-то капитаны сами, без согласования с высоким начальством принимают такие серьёзные решения? И никто их не допрашивает, не объявляет «врагами народа», несмотря на то, что они прогневили вождя? Генералу, вышедшему из сталинской шинели, из «Краткого курса», не просто было всё это понять».

Полноте, гражданин учёный! Делая это нелепое сопоставление, вы рубите сук, на который сами пытаетесь затащить генерала. Не может человек стать на осознанный путь политической борьбы с тоталитарным режимом, если ему трудно понять сталинскую тиранию, воплотившуюся в борьбе с «врагами народа». Это вам трудно понять, и вы приписываете это свое непонимание своему подопечному.

Вершиной кощунства над страной, воевавшим народом, его жертвами и лишениями, стало прямо-таки умилительно-трогательное описание восприятий со стороны генерала-предателя германской столицы: «Берлин многим удивил его. Тихая, размеренная жизнь, уютные, симпатичные домики, всюду чистота и порядок, полные продуктов магазины. Даже не верилось, что это столица фронтового государства. Однажды Власова привезли на загородную красивую двухэтажную виллу с большим садом. «А кто здесь живёт?», — поинтересовался генерал у сопровождавших его немцев. «Лесничий», — ответили ему. Позднее он признался Штрикфельду (куратор Власова. —А.С.): «Вы победили меня дважды — под Волховом и на той вилле».

Видя всё это, не думал ли генерал, а вместе с ним и кандидат исторических наук, приписавший ему свои сумасбродные мыслишки, о том, что в то время, когда предатель умилялся берлинской размеренной жизнью, не территории его страны рвались бомбы и снаряды, её землю утюжили гусеницы танков, произведенные в Берлине; в городах развороченные многоэтажные дома с зияющими дырами от окон и дверей, в деревнях вместо хат торчащие печные трубы; в магазинах полупустые полки, бесконечные очереди за хлебом, а на улицах осаждённого Ленинграда падали голодные люди; миллионы раненых на больничных койках, миллионы наспех сколоченных крестов над свежими могилами. И всё это пришло отсюда, из этого чистого и уютного бюргерского Берлина, в котором даже лесничие имеют виллы. Как же надо ненавидеть свою страну, свой народ, чтобы написать подобное!!

Читал ли хоть что-либо о блокадном Ленинграде этот власовский защитник? Н. Тихонова, А. Чаковского, В. Вишневского, О. Бергольц, А. Ахматову? Вчитывался ли в слова А. Фадеева: «Вид пешехода — мужчины, женщины или подростка, везущего детские санки с прикрученным к ним телом покойника, обёрнутым в одеяло или кусок полотна, — стал обычной принадлежностью зимнего ленинградского пейзажа. Вид че-

ловека, умирающего от голода на заснеженной улице, стал не редкостью в Ленинграде». («В блокадном кольце». — Венок славы. — Т. 3). Вчитывался ли в строки письма двенадцатилетнего сына отцу старшине Степану Лебедеву: «Я пишу тебе всю чистую правду, что мамочка умерла 14 февраля. Она очень ослабла, последние дни не могла даже подняться. Папа, я её похоронил. Я достал салазки и отвёз, а один боец мне помог, мы до ночи вырыли могилу, и я пометил...Ты, папа, счастливый, что можешь их бить, ты отомсти за мамочку...» (И.Эренбург. «Гордость России». — Венок славы. — Т. 3).

А сколько в статье вранья, рассчитанного на некомпетентность читателя в вопросах истории Великой Отечественной войны. Вот один такой фрагмент: «Противоречивые чувства вызывали у него сообщения о предстоящих событиях на Курской дуге. Кому желать поражения? Кому победу? Победит Гитлер — РОА крышка. Победит Сталин — и тогда Красную Армию уже не остановишь, попробуй воевать с ней, если она пойдёт победным маршем по Европе». Эти размышления историк Коренюк приписывает Власову, и относятся они к марту 1943 года. Кандидату исторических наук следовало бы знать, что к сражению под Курском обе стороны готовились в строжайшей тайне, что в связи с подготовкой операции «Цитадель» Гитлер подписал приказ 15 апреля 1943 года. Из каких сообщений мог черпать Власов сведения о предстоящем сражении под Курском в марте? Зачем же так беспардонно врать! Вообще так размышлять весной 1943 года по логике вещей Власов не мог. Так может размышлять человек, который уже знает, как завершилась не только Курская битва, но в целом и вся война, который знает, что Красная Армия прошла по Европе победным маршем. Историк только тогда историк, когда он от фактов идёт к выводам, а через них к концепции, а не наоборот.

Постепенно в рейхе стали понимать, что Власова надо использовать более активно. Это видно из записки бывшего советника германского посольства в СССР Г. Хильгера от 29 июня 1943 года: «Опыт показал, что в обозримом будущем Советский Союз не удастся разгромить одними лишь военными средствами. Поэтому должны быть использованы другие средства, способные подорвать силу сопротивления Советского Союза, а заодно сэкономить драгоценную германскую кровь... Германские мероприятия должны быть направлены на то, чтобы, используя существующее недовольство, развязать гражданскую войну. С помо-

щью одной лишь пропаганды и листовок достичь этой цели невозможно. Нужны ощутимые доказательства того, что мы несём русскому народу мир, избавление от ненавистных колхозов и освобождение от большевистского ига. Этим доказательством может стать введение в игру такого человека, как генерал Власов». («Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб». — «Новая и новейшая история». — 1996, N 4).

Для решения своих военных и политических целей Власов встречался практически со всеми главарями рейха — Герингом, Риббентропом, Геббельсом, а для того, чтобы упрочить свою связь с СС, он даже женился на вдове одного эсесовского офицера. На должность командующего РОА в середине января 1945 года он был назначен приказом Гитлера.

Кстати, Гитлер Власова не принял ни разу. Зато в полной мере ему покровительствовал Гиммлер. Н. Коренюк приводит сцену встречи между ними 16 сентября 1944 года: «Господин министр, если бы сейчас я получил в своё распоряжение армию, состоящую из моих соотечественников, я пошёл бы с ней на Москву и помог успешно завершить войну. Да я бы мог завершить её просто по телефону, потому что говорил бы со своими друзьями, сражающимися на другой стороне».

Не могу не прервать цитирования, чтобы не сказать о том, что Власов не только предатель, но ещё и достаточно зарвавшийся авантюрист. В середине сентября 1944 года враг уже был изгнан с большей части оккупированной территории Советского Союза, 14 сентября Красная Армия приступила к освобождению прибалтийских советских республик. Советские Вооружённые Силы, восстановив государственные границы на юге и западе страны, развернули широкие наступательные операции за рубежом. К этому времени уже была освобождена большая часть Румынии, 6 сентября Красная Армия вышла на границу с Югославией, 15 сентября вступила в столицу Болгарии, вела упорные бои на территории Чехословакии, Польши и Венгрии. И в этой обстановке генерал мечтает о походе на Москву! Фантазирует о завершении войны по телефону! Ни дать, ни взять — Остап Бендер!

Но продолжим цитирование: «Итог подвёл Гиммлер: вот вам две дивизии, чин генерал-полковника, право на формирование комитета плюс ряд условий: борьба с большевиками — раз, Россия в границах до осени 1939 года —два, отказ от Крыма —три, казакам — собственное правительство — четыре, нерусским народам — широкую автономию

— пять. Всё! Негусто. Но «Власов был горд и очень доволен. Теперь у него такое же соглашение, как у Черчилля и Сталина», — вспоминал Штрикфельд».

Именно он, Гиммлер, одобрил идею Власова о создании «Комитета освобождённых народов России», — политическую организацию власовского движения. Организационное собрание КНОРа Власов провёл в Праге 14 ноября 1944 года. Его приветствовал почётный караул войск вермахта. Генерал-предатель промаршировал по Дворцовой площади Пражского града и в Испанском зале дворца зачитал присутствующим манифест КНОРа. На встрече выступили глава марионеточного правительства Словакии Тисо, имперский министр Германии Франк и заместитель Риббентропа Лоренц. Почему для этого политического спектакля Власов избрал Прагу? Ему нужен был славянский город. Все остальные столицы славянских стран к этому времени уже утратили фашистский контроль.

И вновь об авантюризме генерала.

Во вступительной речи он изрёк: **«Несмотря на продвижение Красной Армии, сейчас обстановка для свержения большевизма более благоприятная, чем два года назад»**. Это сказано в Праге 14 ноября 1944 года. Два года назад немецкие войска стояли у стен Сталинграда, а в ноябре 1944 года советские войска подошли к границам Германии. Тут генералпредатель превзошёл самого Бендера.

Следует привести выдержку из Манифеста КНОРа: «Два года назад Сталин ещё мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная Армия перешла границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель её — ещё больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всём мире».

Ну, на кого рассчитан этот политический трюк? Очистив свою страну от иноземной нечисти, Красной Армии следовало остановиться на границах европейских государств, ей не следовало добивать гидру в её логове. А, перейдя границы перечисленных государств, Красная Армия, оказывается, не освобождала их от оккупантов, а заливала кровью чужие земли с целью установления мирового господства. С головы на ноги! И пошли гулять

эти ноги в послевоенном мире, раскручивая тезис о «экспорте революции» в европейские страны!

А как сожалеет автор статьи о том, что власовцы решили сдаться американцам, а те выдали их советским властям: «И ведь знали, как те встречают русских в фашистской форме, но всё равно упрямо шли навстречу гибели, как загнанные волки на красные флажки... Некоторая часть власовцев спаслась, укрывшись в США, Англии и других странах Европы; «холодная война», начавшаяся почти одновременно с казнью 2 августа, уберегла их от выдачи советским властям».

Ну а у тех, кто предстал перед судом, конечно же, признания выбили: «Мы не знаем, а возможно, и никогда не узнаем, как в действительности обстояло дело с признанием Власова и его 11 сподвижников во время допросов на Лубянке и судебного процесса. Недавняя публикация в «Военно-историческом журнале» (1990, № 6), в которой приводятся некоторые «признания» и выносится суровый приговор авторов «иудам», только и мечтавшим о том, как бы выгодней продать Родину, вряд ли поможет выявить истину. Уж слишком хорошо теперь известен сценарий судебно-следственных спектаклей, игравшихся в театре сталинской инквизиции. И потому не гоже современному историку принимать за чистую монету один из спектаклей и слова его участников, произнесённые, надо полагать, под диктовку бериевских суфлеров. С мифами расставаться трудно, но жить с ними ещё трудней».

Что, правда, то правда: негоже историку из чёрного делать белое, а, выражаясь научным языком, не следует фальсифицировать историю, из предателя делать героя. Тогда не будут рождаться мифы. Можно осудить или оправдать кого угодно и что угодно. Всё зависит от внутреннего мира того, кто взялся судить или оправдывать. Но ведь есть и истина, против которой, как говорится, не попрёшь. Такой истины у Коренюка, судя по всему, нет. Когда историк пытается доказать нечто противоположное бьющим в глаза фактам, то это уже не историк. Он обволакивает этот факт всевозможного рода подтасовками, а иногда и откровенной ложью, с тем чтобы «подтянуть» его поближе к своему политическому нутру.

Кроме всего этого историк должен быть и гражданином своей страны, по крайней мере, когда он затрагивает общегосударственные проблемы. В этом отношении весьма характерно суждение одного немца, при-

ведённое Ф.И. Чуевым в его книге «Молотов»: **«Странные вы, русские! Обливаете грязью Сталина, который победил самого Гитлера, и поднимаете предателей».** (Чуев Ф.И. «Молотов». — М, 1999. — С. 9). Этот камушек в ваш огород, историк Коренюк!

Давая отповедь доморощенным защитникам Власова, а в его лице защитникам всех предателей и предательству как таковому, А.Ф. Катусев и В.Г. Оппоков писали: «Вот и на небезызвестных «героев» Второй мировой войны — власовцев стремится надеть терновый венок мучениковстрадальцев, представить их стойким народными борцами против сталинизма. Листаешь уголовное дело «власовского ядра» — двенадцати бывших советских генералов и старших офицеров, вчитываешься в страницы двадцати девяти томов и диву даёшься спекулятивной предприимчивости, наглости и безнравственности торговцев честью, моралью, долгом, Родиной». («Военно-исторический журнал». — 1990, № 6.).

Статья А.Ф. Катусева и В.Г. Оппокова появилась чуть раньше опуса в «Огоньке», но её авторы зрели в корень. Они это адресовали вам, гражданин Коренюк! Ибо, проявляя спекулятивную предприимчивость, наглость и безнравственность вы продолжаете, как и Власов, торговать честью, моралью, долгом, Родиной. Но знайте: в стране патриота-Карбышева сумасбродная идея возведения иуды-Власова на пьедестал героя не пройдёт!

Откуда торчат уши доморощенных заступников Власова? Да всё оттуда же! С антисоветского Запада! Вот и прокомментированная статья Коренюка оттуда — он добросовестно обработал книгу власовского «шефа» В.К. Штрик-Штрикфельда «Против Сталина и Гитлера». Скорее всего, её следовало назвать иначе, а именно: «С Гитлером против Сталина». Кто такой сей муж? Он — враг советской власти ещё из той, первой волны. Будучи прибалтийским немцем, служил в русской армии в годы Первой мировой войны. То есть воевал против своих соотечественников. Вполне понятно, революцию не принял, сражался у Юденича против советской власти. Выброшенный за пределы России, оказался в Германии. Во время Второй мировой войны работал в отделе вермахта, который занимался идеологическими диверсиями против СССР. Вербовал для борьбы с Красной Армией русских военнопленных и эмигрантов. Он то и был приставлен к Власову. Вот с его голоса и пропел в «Огоньке» свою оду о Власове кандидат фальсификационных наук Коренюк.

А на том Западе, который вот уже почти 90 лет ведет против нашей страны самую, что ни на есть «горячую» идеологическую войну, книг в защиту Власова — пруд пруди. Вот что, к примеру, писал А.Н. Колеснику автор книги «Власов — предатель или патриот» Свен Стеенберг: **«Власов в** основном лишь выразил чаяния миллионов советских граждан в начале войны. Они пережили ужасы раскулачивания, коллективизации, ежовщины, унёсшие миллионы жертв. Почти каждая семья потеряла родных. Жизнь под Сталиным лишалась смысла. «Хуже не будет, потому что хуже быть не может», — говорили люди. От немцев ожидали освобождения от сталинского террора... И как только началась война, миллионы готовы были вместе с противником выступить против своего правительства: нечто, чего в истории войн ещё никогда не было и что доказывает, насколько ненавистен Сталин. Иначе чем объяснить прямо-таки астрономическое количество пленных и перебежчиков. За первое полугодие войны их было 4,2 миллиона!» («Генерал Власов предатель или герой?» —С. 127).

Насчёт миллионов, «готовых ещё в начале войны выступить вместе с противником против своего правительства». Как тут не вспомнить М. Твена — «слухи о моей смерти слишком преувеличены».

По поводу миллионов, готовых сотрудничать с врагом, хорошо подметил Б. Двинов в книге «Власовское движение в свете документов»: «Надо раз и навсегда отказаться от этих, кой для кого весьма удобных, но совершенно неверных настроений о том, будто Красная Армия и русский народ только и мечтали, что о приходе немцев. Это представление ни в малейшей степени не отвечает действительности. Признавая наличие элементов пораженчества в армии и народе, необходимо в оценке его строго соблюдать пропорции. К тому же, это пораженчество было довольно скоро изжито даже в этих своих скромных размерах». (Двинов Б. Власовское движение в свете документов. — Н.Йорк, 1950. — c.59).

Что касается «астрономического количества». Пленных было много, однако далеко не столько, сколько приводит в своей книге Стеенберг. За всю Великую Отечественную войну через фашистский плен прошло 4559 тысяч военнослужащих. Врать можно, но надо же знать и меру! А потом, что это за перебежчики? Это не те ли насильственно угнанные с оккупированной территории СССР советские люди? Это вообще о пленных.

Что же касается власовской армии, состоящей из пленных, то её, как таковой не было. Единственной и до конца сформированной боевой единицей стала созданная лишь в начале 1945 года первая дивизия под командованием С. Буняченко. Даже сам Коренюк отмечал: «Итак, после стольких обещаний, просьб и переговоров было собрано не более 30 тысяч не особо надёжных людей, которые чувствовали приближение конца Германии и не желали воевать на её стороне, да ещё и с Советской Армией». Так что до конца 1944 года в подчинении у Власова не было даже роты. Он являлся генералом без армии.

Западногерманский антисоветчик и по совместительству военный историк И. Гофман в 1984 году издал в Фрайбурге книгу «История армии Власова», переизданную в 1996 году. В ней приводится почти полный список всех основных сподвижников Власова от безусых лейтенантов до седовласых генералов, показан состав штаба власовской армии, насчитывавший около трёхсот старших офицеров, бывших командиров Красной Армии. Автор пытается преподнести власовцев, как составную часть русского освободительного движения, возникшего на оккупированной врагом советской территории, и ставившего перед собой цель спасти русский народ от террористического режима Сталина.

Насколько сей труд зарубежного «исследователя» оказался созвучным чаяниям и мыслям представителей первой волны предателей — белогвардейцев — говорит его оценка со стороны русской эмигрантской прессы: «Немецкий учёный-историк своим трудом воздвиг величественный монумент русскому освободительному движению, он озарил ярким светом образ Андрея Андреевича Власова, возглавившего это движение, отдал честь памяти его ближайшим соратникам, поклонился праху бесчисленных русских героев-мучеников, павших в отчаянной и бескорыстной борьбе за свободу своей родины. Большое ему русское спасибо!» (Колесник Н.А. «Генерал Власов — предатель или герой?». —С. 145).

К. Кирхер из Германии в статье «Власов против Сталина, Зейдлиц против Гитлера» (речь идёт о немецком генерале артиллерии Вольфе фон Зейдлице, возглавившем с февраля 1943 года в Советском Союзе Национальный комитет «Освобождения Германии». Автор сделал его «двойником» Власова. Но он скорее не двойник, а прототип Власова в Советском Союзе. — А.С.), напечатанной в журнале «Родина» № 8 за 1997 год, пишет:

«...не берусь спорить с теми, кто утверждает: эти люди предатели. Да, они нарушили присягу и с точки зрения юридической бесспорно виновны перед законом. Однако есть иное измерение их поступков. Не ради же сытой похлёбки генералы заключили сделку с дьяволом. Власов боялся, что режим Сталина доведёт до гибели страну, Зейдлиц понимал, что Германия будет, в конце концов, разгромлена антигитлеровской коалицией. Перед близкой, по их мнению, трагедией генералы присвоили себе «право на сопротивление».

Какой примитив! Разве можно ставить знак равенства между Власовым и Зейдлицем? «Власов боялся, что режим Сталина доведёт до гибели страну...». Чушь это! Порядочный генерал должен был бояться не какой-то мифической гибели страны, а её реального уничтожения, которое к моменту пленения Власова уже год жесточайшим образом осуществлялось пришельцами извне. Не гибели страны боялся Власов, а своей личной, именно ради «сытой похлёбки» он и «заключил сделку с дьяволом». Оказавшись в плену, генерал струсил и, боясь физического уничтожения, пошёл на измену. А чтобы она стала более весомой, придал ей политическую окраску. Этим приёмом пользовались многие предатели до Власова. Его использовали почти все, кто перешёл на сторону врага в годы Великой Отечественной войны. Ибо они понимали, что фашистам просто трус не нужен, ему доверить винтовку нельзя, фашистам нужен политический противник, способный, так же как и они, уничтожать тех советских людей, которые защищают свою Родину, свою советскую власть. Вот и перекрашивались в политических противников.

Другое дело Зейдлиц. Его, пришедшего к нам с оружием в руках, натворившего на нашей земле немало преступлений, не могла не мучить совесть. Власов предал народ, защищавший страну от внешнего врага, Зейдлиц предал народ, ставший агрессором. В этом существенная разница между ними.

Идея о том, что советским людям был ненавистен политический строй в СССР, что многие из них, став на сторону Германии, пытались внести свой вклад в дело освобождения родины от большевистского ига, красной нитью проходит и через всю книгу С.Фрелиха (Западная Германия) «Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным». Власовцы, по мнению Фрелиха, боролись до конца, потерпели поражение, а потому являются подлинными героями. Оценивая книгу, А.Н.Колесник отмеча-

ет: «Автор утверждает, что идеи и планы Власова не погибли вместе с ним, а живы и поныне среди его последователей за рубежом, что дело, начатое им, должно быть продолжено и доведено до конца». («Генерал Власов — предатель или герой?». — С. 139.).

Вот откуда торчат уши доморощенных защитников Власова. Их книги, статьи и всякого рода опусы на власовскую тему — это всего лишь перепев западных ненавистников Советского Союза как родины социализма.

Прямое сотрудничество Власова с главарями третьего рейха, организация массового братоубийства — вот главные преступления предателя. Как и всех его сподвижников.

Но не только это. На судебном процессе, длившемся три дня — 30, 31 июля и 1 августа 1946 года — М.А. Миандров признался, что был одним из соавторов антисоветской брошюры «СССР и мировая революция», содержание которой сводилось к тому, что бы показать, как советское правительство готовило агрессию против европейских стран. Вполне понятно возмущение, в связи с этим, авторов статьи «Иуды»:

«Так вот когда и где родилась клевета на СССР, кощунственное обвинение против нашей страны в чужих захватнических грехах! Так вот чьи лживые басни повторяют в захлёб нынешние зарубежные и доморощенные псевдоисторики и псевдодемократы, с упоением и озлобленностью муссируя геббельсовскую и власовскую сплетню о вине Советского Союза в развязывании Второй мировой войны». («Военно-исторический журнал». —1990, N^2 6).

Тысячелетняя история России не знала более гнусного предательства: перейти на сторону тех, кто пришёл уничтожать твою страну (!), сменить форму советского генерала на фашистский мундир (!), организовать специальную армию поддонков для открытой вооружённой борьбы против собственного народа (!), — что может быть подлее и отвратительнее этих деяний!

Ну ладно, Трухин по происхождению аристократ, идеи партии не разделял. Но ведь Власов родился (1901 год) в крестьянской семье (село Ломакино Нижегородской губернии). Октябрьскую революцию приветствовал, добровольно вступил в Красную гвардию. Чем обидела крестьянского парня советская власть, что отобрала у него революция? Революция у него ничего не отбирала, а советская власть дала всё. В 1930 году вступил в

партию. Ему доверяли: в 1938-1939 годах являлся советским советником при правительстве Чан Кайши, последовательно командовал дивизией, корпусом и армиями (37-й, 20-й и 2-й Ударной). Неплохо воевал в начальный период войны: до последнего держал оборону Киева, доблестно сражался под Москвой, награждён орденами Ленина и Красного Знамени, в сорок лет стал генерал-лейтенантом.

Предательство предательству рознь. В плен попадали при разных обстоятельствах. Само пленение — это еще не предательство. Власов же, будучи командующим 2-й ударной армией, оказался в окружении, вместе со своим поваром Марией Вороновой (тьфу ты, сплошное вороньё!) добровольно сдался в плен.

А ведь был иной выход. Защитники Власова, стремясь оправдать его сдачу в плен, пытаются приобщить к этому акту предательства весь личный состав 2-й ударной армии, что якобы она позже и стала называться РОА. Бабьи бредни! Все её части и соединения, оказавшись в трудном положении, продолжали героически сражаться с врагом, стремясь прорвать кольцо окружения. Сегодня доподлинно известно, какие меры принимались извне для оказания помощи окружённым, в частности авиацией дальнего действия. Многим частям и соединениям армии удалось выйти из окружения, они сохранили свои боевые номера и знамёна. Вот что пишет П.А. Пальчиков, автор статьи «История генерала Власова», тщательно изучивший трагический период боевого пути 2-й ударной армии:

«В пищу шли хвоя, листва, березовая кора, кожаные части амуниции... И в этих трудных условиях подразделения и соединения всё же смогли прорвать линию фашистского окружения и под непрерывным огнём, бомбардировками стали упорно пробиваться через Долину Смерти в направлении Волхова, неся ощутимые потери. Многим не удалось выйти. Однако бойцы и командиры не теряли надежды на спасение, предпочитали смерть в неравном бою плену. В безвыходном положении застрелился дивизионный комиссар И.В. Зуев, покончил с собой тяжелораненый начальник особого отдела армии А.Г. Шашков. Геройски погибли командиры дивизий полковники С.И.Буланов и Ф.Е. Чёрный... Власов же поступил иначе. Он бросил войска на произвол судьбы и скрылся... в неизвестном направлении. Видимо инстинкт самосохранения оказался выше таких святых для каждого человека понятий, как верность Родине, народу, как честь и достоинство солдата. Генерал хотел жить, во что бы то ни стало. 11 июля 1942 года в деревне Туховежи Орендежского района Ленинградской области он был пленён». («Новая и новейшая история». — 1993, N^2 2)

Добровольная сдача в плен, по крупному счёту, также, сама по себе ещё не предательство. В беседе с командующим 18-й немецкой армии генерал-полковником Линденманом он рассказал обо всех секретах военного характера, которые знал. А знал он немало. Это уже измена. На этом можно было бы и остановиться.

Но нет! Уже через три недели после пленения Власов обратился к германским военным властям с письмом, в котором предложил свои услуги в борьбе со своим народом на стороне фашистской Германии. Это, по сути дела, первый крупный шаг на пути предательства. По его инициативе был образован «русский комитет», который начал создавать «русскую освободительную армию». Вот выдержка из текста присяги вступающего в него «добровольца»: «Перед лицом своих товарищей я торжественно клянусь, что буду честно, до последней капли крови по приказу генерала Власова бороться за счастье своего народа с Германией при верховном командовании Адольфа Гитлера».

Вся трусливая натура Власова, лишённая чести и личного достоинства, была соткана из целой цепочки предательств, порождённых трусостью и желанием во что бы то ни стало, спасти свою жизнь. Он легко отрёкся от воинской присяги, партийного долга и своих политических убеждений, которых, по сути дела, у него никогда и не было. Он предал окружение своего штаба, бойцов и командиров 2-й ударной армии, предал свою семью. Поняв, что конец третьего рейха неминуем, он без зазрения совести стал менять своих новых хозяев на более новых — американцев. Вот как мрачно ответил Власов на предложение генерала Буняченко поддержать готовящееся восстание в Праге и тем самым разорвать сотрудничество с гитлеровцами: «Что ж, теперь предать немцев? Репутацию предателей это только укрепит. Однако иного пути нет. Поддержать пражское восстание — это хотя бы шанс понравиться американцам». («Комсомольская правда». — 1993, 9 мая).

Ю.А. Квицинский приводит весьма характерный диалог Власова с офицером американской армии, состоявшийся накануне пленения предателя: «К вечеру 10 мая появилось несколько американских машин, которые забрали Власова со всей его свитой и отвезли в один из замков

на окраине Шлюссербурга. В замке Власова ждал капитан американской контрразведки Донаджу. — Ну что? — приветствовал он Власова. — Игра подходит к концу? Зря хозяев меняли. Не на ту лошадь поставили.

- Не менял я хозяев, устало ответил Власов. Я всегда служил одному хозяину русскому народу.
- —Да ну? рассмеялся Донаджу. —Странно вы ему, однако, служили» («Генерал Власов: путь предателя». С. 307).

А на суде, стараясь выгородить себя, Власов стал оговаривать своих недавних сподвижников по предательству. Вот фрагмент из его последнего слова: «Содеянные мной преступления велики, и ожидаю за них суровую кару. Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полон раскаяния, правда, поздно, но на суде и следствии старался, как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару». (Колесник А. Н. «Генерал Власов — предатель или герой?». — С. 123).

Не было у Власова карбышевского стержня — физической воли и политической убеждённости. А посему он не мог быть идейным борцом. Таким его лишь пытаются сделать. Прав А.Н. Колесник, когда пишет: «Реанимируется версия, будто, не помешай Гитлер, Власов собрал бы в помощь фашистской Германии многочисленную армию, что он был идейным борцом, а потому, дескать, можно ставить власовцев вровень с узниками предвоенных и послевоенных советских лагерей. Именно так, к примеру, трактует эту страницу истории А.И. Солженицин в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ», и теперь за рубежом при любом упоминании о власовцах ссылка на эту книгу следует обязательно». (Колесник А. Н. «Генерал Власов — предатель или герой?». — С. 128).

Правы и авторы статьи «Иуды»: «Власов и его ближайшее окружение отнюдь не идейные борцы. В них было столько же идейности, сколько её имеет флюгер, послушно поворачивающийся за ветром. А если они и боролись, то только за своё существование. В любой ситуации ставили во главу угла личное благополучие, стремились отыскать наиболее безопасное и защищенное место обитания. О каком идейном борении может идти речь, если все помыслы «борцов» уходили на то, чтобы перестроить всего себя под требования и уклад жизни приютившей их среды, на обдумывание ходов возможного возвращения в преданное ими общество... Они — иуды-хамелеоны. Причём не только

в переносном смысле. Стремление выжить в любой ситуации и при любом строе вынуждало их изменять «окраску кожи» — наряжаться то в советскую, то в фашистскую военную форму» («Военно-исторический журнал». — 1990, № 6).

Эту же мысль высказал и П.А. Пальчиков: «Никакой «идеи Власова», якобы дорогой и близкой советскому народу, никогда не существовало. И не стоит усматривать во Власове политическую фигуру, да ещё достойную «переосмысления» с позиций сегодняшнего дня» («Новая и новейшая история». — 1993, N 2).

Эти рассуждения можно дополнить высказыванием Б. Двинова: «На самом деле никакой хоть сколько-нибудь ясной и цельной идеологии у этого «движения» не было, да и не могло быть... Сотрудничая так тесно с Гитлером и целиком от него завися, РОД могло иметь разве только одну идеологию — нацистскую, ибо другая разрешена не была».

И далее: «Мы знаем теперь совершенно точно, что гнало эти массы в немецкую армию, и для этого никакой учёный «экскурс» не нужен. В тех нечеловеческих условиях, в которых они находились в лагерях, это был единственный путь спасения живота своего. Этих людей трудно судить, но здесь никакой «идеологии» искать не приходится». (Двинов Б. Власовское движение в свете документов. — С. 69).

Продажный характер человека под именем Власов характеризует такая деталь. При обыске у него обнаружили «Открытое письмо солдатам и офицерам 1-й дивизии РОА к правительствам США и Великобритании с просьбой о предоставлении убежища «политическим эмигрантам», хранящиеся на всякий случай всю войну партийный билет № 2123998, удостоверение личности № 431 от 13 февраля 1941 года, расчётную книжку начсостава Красной Армии, удостоверение командующего РОА, расчётную книжку военнослужащего СС германской армии. В этих хранящихся совместно документах — вся власов-ская предательская суть. Ну, зачем изменнику документы, подтверждающие его принадлежность к преданной им армии, к преданной им партии!? На всякий случай. Возможно, пригодятся. Какая уж тут идейность! Флюгер, он и есть флюгер.

Подстать Власову и его сподвижники. Вот что показал на суде В.Д. Малышкин: «Мой план (увод частей РОА в Южную Баварию. — А.С.) был принят, а сам я 29 апреля отправился к американцам с просьбой не выдавать нас советским властям. Я, Власов, Жиленков и Закутный до-

говорились о том, чтобы добиться у американцев их согласия на продолжение нами антисоветской борьбы. Находясь в плену у американцев, я занимался гнусной деятельностью. Я имел связь с американской разведкой и выдал интересующие её сведения». («Военно-исторический журнал». —1990, № 6). Ну, чем не апостол Иуда Искариот, предавший Христа за 30 Серебреников! Какая разница, с какого стола подбирать крохи и объедки, лишь бы жить!

На суде у всех власовцев политическая подоплёка предательства улетучилась «яко дым от лица земли». Ю.А. Квицинский пишет: «На вопрос суда о том, что побудило обвиняемых встать на путь измены, ответ был, по существу, один: Власов сказал, что смалодушничал, Трухин ответил, что по трусости. «По трусости» — повторили все остальные». («Генерал Власов: путь предателя». — С. 314).

Мотивы предательства во власовском движении неоднозначны. Среди них были те, кто пошёл на сотрудничество с врагом действительно по политическим соображениям. Были те, кто попал в плен и работал на немцев по трусости, однако, чтобы добиться расположения, стал рядиться в тогу политического противника советской власти. Были и заблуждающиеся, которые примкнули к власовскому движению только для того, чтобы выжить. Всем им не может быть прощения, они не заслуживают оправдания, так как все они примкнули к предательскому движению, принявшему организационные формы.

Приёмом политического окраса пользовались и те, кто начал «перестройку», упустил контроль над её процессами, довёл страну до глубочайшего политического кризиса, облегчил врагам социализма провести контрреволюционный переворот. Ну, кто, скажите, может поверить в горбачёвскую сказку о том, что его главной целью было уничтожение КПСС?! Врёт меченный! После Фороса у него было два пути: либо поддержать требования основных руководителей страны и поставить решительный заслон на пути разрушения партии и государства, либо окончательно переметнуться в стан «демократов». Выбрав второе, он теперь и старается стать «отцом» «демократических преобразований».

Нынешние противники советской власти тесно «упаковали» проблему власовского движения в более обширную — проблему массовых репрессий. Она стала основной в деле очернения всего советского периода в истории нашей страны. Однако антисоветчики напрочь отбросили тот

факт, что инициатива осуждения массовых репрессий принадлежала партии и государству. Начатая по их инициативе, она преследовала одну и единственную цель: рассказать правду и сделать всё, чтобы это явление больше никогда не повторилось. Почему партия и государство пошли на этот беспрецедентный шаг? Опять же только по одной и единственной причине: среди законных и справедливых акций возмездия в отношении всякого рода предателей были и невинно пострадавшие. Не будем касаться того, что в докладе Н.С. Хрущёва на 20-м съезде КПСС о культе личности И.В. Сталина далеко не всё соответствовало правде. Но пойти на этот трудный шаг партии надо было. Давайте представим на минуту, что этого не было бы сделано, что тему массовых репрессий постепенно раскручивая, «продавили» противники советской власти. Как бы сегодня они трубили об этом!

Однако благородное дело самоочищения, те передержки, натяжки, а местами и откровенная ложь в адрес И.В. Сталина, которыми богат доклад Н.С. Хрущёва, изначально стали использоваться врагами социализма в политических целях: в массовых репрессиях стали обвинять всю государственно-политическую систему — партию и советскую власть. В этом, мол, суть социализма. Нет, господа антисоветчики, как раз, наоборот: в этом суть капитализма! Нельзя ставить телегу впереди лошади, нельзя брать только голый факт, не анализируя причин, породивших его. Давайте разберёмся, разберёмся в том, как в стране зарождалось предательство, так называемая «пятая колонна».

Великая Октябрьская социалистическая революция не заговор, не переворот. Событие, совершённое в интересах большинства против меньшинства не может называться переворотом. Это — революция! Строй, при котором кучка богачей жиреет, а подавляющая часть общества влачит жалкое существование — это несправедливый строй. Революция эту вопиющую несправедливость устранила. В пользу того, что она была истинно народной, говорит неопровержимый факт — революция победила практически бескровно, в ней погибло всего шесть человек!

Но итог любой революции — довольные её результатом и недовольные. Октябрьская революция породила своих недовольных. В основном это те, у кого народная власть отобрала не честным трудом добытое богатство, это высокопоставленные чиновники, большая часть генералитета и офицерства, часть интеллигенции и религиозных деятелей. Именно

они пошли на вооружённое сопротивление народной власти, именно они развязали гражданскую войну, привлекая к ней даже иностранные армии. Вот корни предательства интересов страны. Можно ли винить большевиков в развязывании этого братоубийства? Нужно ли оно им было, если власть у них в руках? Гражданскую войну развязали те, кто хотел её, эту власть, вернуть любой ценой, даже ценой предательства.

В ходе бело-красной бойни народное государство, потеряв тысячи своих лучших сынов, устояло. Большие потери понесли и те, кто хотел его уничтожить. После завершения гражданской войны часть врагов народной власти удрала за рубеж. Это ещё одна ступенька предательства интересов страны.

Однако в результате потерь в гражданской войне и бегства части белогвардейцев за кордон, Отечество не полностью очистилось от тех, кто стал противником нового строя. Они остались на Родине. Часть из них не смирилась с потерями и поражением, она, подкармливаемая международным капиталом, стала на путь террора, заговоров и убийств. Сколько безвинных людей и материальных средств потеряла страна от их кровавых злодеяний! Это был еще один этап предательства. Должно ли было государство вести с ними борьбу, защищая простых и невинных людей? Должно! И оно это делало.

Была и другая часть врагов. После гражданской войны она спрятала винтовку, затаилась, перелицевалась. Прохладная работа, мелкий саботаж, порча оборудования, убийства, поджоги, взрывы, доносы и клевета — вот далеко не полный арсенал приёмов их борьбы с советской властью. А сколько из них стремилось проникнуть в правоохранительные органы, что бы используя прокурорские и следственные должности расправляться с представителями властных структур. Рассуждая на эту тему, В.М. Молотов говорил: «В острой такой борьбе, в такой сложной, которая проводилась руками не всегда проверенных лиц, иногда, может быть, злостно помогавших уничтожению хороших людей, и такие были, безусловно». (Чуев Ф.И. «Молотов». — С.465). Должно ли было государство принимать по отношению к ним меры, защищая простых и невинных людей? Должно! И оно это делало.

Была ещё одна часть противников народной власти. Она действовала открыто, под флагом «улучшения» социализма, «нивелировки» его теории и практики. В 20-30-х года как грибы росли всевозможные «пра-

вые» и «левые» уклоны, антиленинские группировки. Навязываемые дискуссии отвлекали силы партии и государства от конкретных дел социалистического строительства. Но вся беда в том, что от методов идейной борьбы до террора — всего один шаг. И эти шаги делались. Подобных фактов не счесть. Надо иметь в виду, что, признавая себя, на основе неопровержимых фактов, виновными, руководители этих антипартийных группировок оговаривали невиновных. А с ними не всегда объективно разбирались. Но ведь слёзы тех, кто постоянно раскручивает маховик репрессий не по этим невинным, а по тем, кто был тайным врагом советской власти, организатором открытой, как Троцкий, или тайной, как Тухачевский, борьбы с ней. Более того, они были готовы пойти на прямое предательство, призывая западные страны, в том числе и Германию, к войне против Советского Союза. Взять хотя бы ближайшее окружение Власова. Командир 41-й стрелковой дивизии Боярский в свое время был личным адъютантом Тухачевского, корпусной комиссар Жуков — один из доверенных Бухарина. Должно ли было государство вести борьбу с этими антинародными проявлениями? Должно. И оно это делало.

Оценивая эти трудные и сложные предвоенные годы, В.М. Молотов говорил Ф.И. Чуеву: «1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо - налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны»... Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в тридцать седьмом, была правильной... Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было... Но мы могли бы иметь горазда больше жертв во время войны и даже дойти до поражения, если бы задрожало руководство, если бы в нём, как трещины и щели, появились разногласия. Если бы сломили верхушку в тридцатых годах, мы были б в труднейшем положении, во много раз более трудном, чем оказались». («Молотов». — С. 464, 466).

Тридцать седьмой год — продолжение революции, продолжение гражданской войны. Тридцать седьмой год — это защита революционных завоеваний от врагов советской власти. Тридцать седьмой год — это защитная и вынужденная мера. Репрессии были неизбежны, хотя масштабы

их могли быть и меньшими. Мошной «пятой колонны» в стране противникам социализма создать не удалось. И это стало одной из предпосылок нашей победы над внешним врагом.

Однако недовольные советской властью были. Вся эта разношёрстная масса почти четверть века ехала со всеми в одном поезде в социализм и ждала, ждала своего часа. И он пришёл. День 22 июня 1941 года у скрытых врагов социализма породил надежду. Они безмерно верили в победу Германии, и делали всё, для достижения этой победы. Спрятанные винтовки из тайников достали, нарукавную повязку со свастикой нацепили и стали сотрудничать с теми чужеземцами, которые пришли уничтожать советскую власть, так им ненавистную. А те ненавистники, кому эта власть доверила оружие для защиты страны, искали повода и случая, чтобы сдаться в плен. Предатели Великой Отечественной войны в своей основе — это недобитый классовый враг. Сколько советских людей погибло от их предательских рук!

Легко шли на предательство, сотрудничая с врагами, обиженные советской властью - раскулаченные, незаконно репрессированные, осуждённые за незначительные злодеяния. Среди предателей были уголовники, шкурники, для которых подлость уже давно стала нормой жизни. Были и те, для кого понятие Родина не являлось священным. Многие из них сотрудничали с захватчиками из-за животного страха, стремления любым путём выжить, из-за стремления добыть кусок хлеба. Должно ли было государство вести с ними борьбу в ходе войны? Безусловно! И оно это делало. Должно ли было государство разбираться с ними после её окончания? Обязательно! И оно это делало. Надо ли было вылавливать Власова, Трухина и им подобных, доставлять в Москву, судить, определять меру их вины и ответственности? Непременно! И это было сделано.

Все послевоенные десятилетия, вначале чаще, затем реже, мы узнавали имена выловленных в стране или за рубежом изменников. Нас знакомили с фактами их злодеяний и мерой возмездия. И ни у кого из советских людей чувства жалости к ним не возникало.

Беда довоенных и послевоенных репрессий в том, что среди осуждённых оказались и безвинные люди. Но и к этому нельзя подходить односторонне и категорично. Немалую роль в этом сыграли те же враги, которые, проникнув в структуры всех правоохранительных органов, используя клевету и наветы, вели тайную и продуманную борьбу с советской властью.

Такова истинная суть так называемых «массовых репрессий», повторяю, осуждённых самой партией, взявшей долю вины за это на себя, на свою ответственность. Но не всю вину! Ибо большая часть этих репрессий была правомерна. Что Власова и иже с ним надо было помиловать? Грош цена тому государству, которое не ограждает свой народ от предателей и их антинародной деятельности,

В ходе горбачёвской «перестройки» и ельцинских «реформ» тема массовых репрессий стала основной в деле очернения советского периода в жизни страны. Эта пропагандистская кампания целенаправленно стремилась и стремится оправдать не только руководителей антиленинских группировок в партии, но и многих зачинщиков белого террора, организаторов многочисленных антисоветских заговоров, предателей минувшей войны. И Власов предстаёт перед нами уже не как предатель и иуда, а как герой и борец против И.В. Сталина, против «тоталитарного» режима. Появились ужасающие цифры, в одну кучу свалили политических репрессированных и уголовников. Антисоветские трубадуры довели число репрессированных до 100 и более миллионов. И это при населении СССР в 170 миллионов!

Сколько тут лжи! Сколько тут изворотливости в стремлении скрыть правду! А она заключается в том, что белый террор, в сравнении с ответным красным, только по судебным приговорам 1918—1921 годов, унёс человеческих жизней в 17 раз больше. Эта правда заключается и в том, что от широкой общественности скрываются давно установленные факты: число осуждённых за период 1921 по 1954 годы составило 3,8 миллиона человек, а число приговорённых к смертной казни около 643 тысяч. И это в стране крутой социальной ломки, пережившей три революции, гражданскую войну, несколько локальных конфликтов и две мировые войны.

Два поколения советских людей запугивали сагой о ГУЛАГе. Для чего это делалось? Чтобы вбивать в головы людей мысль: «Смотрите, вот она, советская власть! Ату её! Смотрите, вот партия, уничтожавшая свой народ! Долой её!». В конечном итоге всё это не что иное, как продолжение того дела, которое начала в союзе с интервентами внутренняя контрреволюция в 1918 году, а затем, потерпев поражение в вооружённой борьбе, продолжила иными методами в межвоенный период. Суть этого дела — отобрать власть у народа. Не получилось. Это дело попытались продолжить, вновь опираясь на пришельцев извне, изменники Родины типа Власова в годы Великой Отечественной войны. Не получилось.

Эстафету власовской борьбы против советской власти подхватили диссиденты и откровенные предатели, бежавшие за рубеж, начиная от Гузенко до Резуна. Их дело продолжили партийные перерожденцы типа М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина, а также многотысячные «прорабы» перестройки. Во всей этой цепочке антисоветчиков прослеживается одна-единственная цель — добиться политической власти, начать реставрацию капитализма.

Тема массовых репрессий не покидает антисоветское пропагандистское поле и сейчас, когда цель реставрации достигнута. Её плотоядно смакуют, на ней многие наживают свой политический капитал. Во имя чего продолжается запугивание уже нового, третьего, поколения людей ГУЛА-Гом? Чтобы власть, добытую ложью и обманом, удержать.

Ещё в 1990 году читатель «Военно-исторического журнала» Ф.А. Кулуев писал в редакцию: «Власовцы и сам Власов действительно были изменниками своей Родины, и воевали против своего народа злее немцев, это знает каждый фронтовик. Но возникает вопрос, когда читаешь сегодняшнюю прессу, о том, что, может, власовцы ещё в те времена знали правду о Сталине и хотели нас в этом убедить, а мы тогда не понимали? Сейчас мы как будто становимся порой, читая нашу прессу, идеализирующую Власова, единомышленниками власовцев. У меня в голове никак не укладывается такая мысль» («Военно-исторический журнал». — 1990, № 6.).

Такая мысль не укладывается в голове у подавляющей части наших людей, ибо чёрное есть чёрное, а белое есть белое. Вот если бы наши люди могли ещё также чётко различать чёрное и белое в словоблудии нынешних власовцев от политики!

Страшное это слово — предательство. Нам казалось, что после окончания Великой Отечественной войны, этого своеобразного чистилища морали и нравов, утверждения духа чести, гражданского достоинства и обновлённого чувств патриотизма, в стране больше нет социальной базы для массового предательства. Как мы ошиблись! В ходе перестройки в Советском Союзе пробудились силы, которые пошли дальше её главной сути — совершенствования социализма. Убаюканные расхожими выводами партийных съездов о полной и окончательной победе социализма в СССР, о советском народе, как новой социальной и интернациональной общности людей, о развитом социализме и т.п., мы потеряли бдительность. За туманом словоблудия типа «перестройки», «социализма с человеческим лицом»,

«нового политического мышления», мы не разглядели коварства. А тот, кто разглядел и пытался кричать, что это ни какое-то там усовершенствование социалистических отношений, а прямая реставрация капитализма, — эти люди не были услышаны. И теперь мы имеем то, что имеем.

Возникает закономерный вопрос: пересекались ли в период войны дороги Карбышева и Власова? Судя по публикации Н.А. Пальчикова, да. Причём, дважды. «Через некоторое время Власова отправили в Винницкий особый лагерь «Проминент», принадлежавший разведке вермахта. В нём содержались интересующие её военнопленные, в частности Д.М. Карбышев, Н.К. Кириллов, М.Ф. Лукин, П.Г. Понеделин, М.И. Потапов». Автор не пишет, что в этом лагере два генерала встречались. В другом месте этой же статьи П.А. Пальчиков более конкретен: «Власова стали возить по лагерям и различным городам. Он выступал с лекциями перед населением Смоленска, Риги и других городов, а также перед военнопленными в лагерях. Говорил о высокой идее, о борьбе против тирании, свободах и правах человека, занимался вербовочной работой, встречался с М.Ф. Лукиным, Д.М. Карбышевым, Н.К. Кириловым и другими пленными советскими генералами, пытаясь склонить их к предательству. Как правило, получал категорический отказ, а бывший командующий 12-й армией генерал П.Г. Понеделин, по свидетельству очевидцев, даже плюнул Власову в лицо. И стойких людей было боль**шинство».** («Новая и новейшая история». — 1993, № 2).

Давайте, в заключении сравним замыслы, которые ставили перед собой германский империализм и всякого рода власовцы в годы минувшей войны, и результаты содеянного ельцинским режимом. Первые планировали: свергнуть советскую власть, уничтожить КПСС, расчленить СССР, сделав его осколки сырьевыми придатками германского капитала. Не немецкого народа, а германского капитала!

Вот выдержка из той же записки Г. Хильгера: «В связи с предложением ввести в игру Власова высказывается ещё одно опасение: он-де преследует великорусские цели и поэтому может оказаться для нас неудобным. Но и эти опасения следует отбросить как необоснованные. Их опровергают заявления, как самого Власова, так и его людей. Власов с самого начала высказывал мысль, что Россия ради освобождения от большевизма должна будет принести Германии большие политические, экономические и территориальные жертвы. При этом

Власов не только называл само собой разумеющееся отделение от России прибалтийских государств, кавказских и среднеазиатских республик, но и ясно заявил, что не будет препятствовать обретению самостоятельности украинским народом». («Новая и новейшая история». — 1996, N = 4).

Выступая в Гатчине в 1943 году, Власов обещал: «Кончится война, мы освободим себя от большевизма и затем примем немцев как дорогих гостей в Ленинграде, которому впоследствии возвратим его исконное название». («Огонёк». — 1990, N° 46).

Не удалось тогда ни фашистам, ни их всякого рода пособникам осуществить свои планы и обещания. Зато это, один к одному, сделали доморощенные противники социализма — политические власовцы послевоенного периода.

Страшное это слово — предательство. Само по себе оно многолико. Самое коварное из всех его оттенков — предательство идейное. Оно тянет за собой все остальные его виды. Иногда, соприкасаясь с повседневной действительностью, с тревогой думаешь о том, что рядом с тобой живёт, работает, ходит по улицам, припеваючи живёт немалое число приспособленцев, которым ничего не стоит сменить политические одежды, поторговать идеалами. Кем они станут, если придётся с оружием в руках защищать Родину? Карбышевыми уж точно не станут.

Может быть вы, читатель, посчитаете, что я в этих рассуждениях сгустил краски? Тогда отсылаю вас к газете «Советская Россия» и прошу внимательнейшим образом вчитаться в следующие вопли: «Бейте, бейте меня! Я же один. Ненавижу вас всех — большевиков! Расстреляли моего деда в 17-м году! Коммуняки проклятые! Всех к стенке! Вы, большевики, у власти были, вы моего прадеда к стенке поставили, как буржуя! И глазом никто не моргнул! Ненавижу я вашу власть большевистскую! Поняли? Ненавижу! Коммунисты проклятые! А что вы со страной сделали?! А когда вы беременным женщинам саблями пузы рубили?! Вам было жалко?! Вы борцы за классовую идею? Да?! Стреляйте в меня! Повесьте! Ненавижу вас, коммуняки проклятые! Поняли?! Всегда буду вас ногами топтать!» («Советская Россия». — 2004, 23 декабря.)

Полагаю, что ни у кого не возникают сомнения в том, что эти слова принадлежат человеку. Но спрашиваю тех, кто впервые читает эти восклицания: как вы думаете, когда эта истерическая ненависть выплеснулась из

уст этого человека? После гражданской войны? После войны Великой Отечественной? Из застенков ГУЛАГа? Во время ГКЧП? Не поверите! Эта тирада была произнесена в декабре 2004 года. Кто её проорал? Пьяный на улице? Больной в зарешеченной палате психиатрической больницы? Митингующий политик? Не поверите! Эти слова принадлежат прокурору под фамилией Циркун. А предназначались они матерям осуждённых пятерых парней за «захват» 2 августа минувшего года зурабовского министерства. Произнёс их государственный человек, который в определении меры наказания должен быть беспристрастным. Но не это главное. Главное то, что патологическая ненависть к советскому прошлому у некоторых особей настолько велика, что перекочевала уже в третье поколение. Это страшно.

Можно понять, даже в каком-то смысле зауважать бывших диссидентов — они открыто заявляли свой политический протест. Можно понять и откровенных врагов советской власти, боровшихся с оружием в руках против неё. В этом отношении весьма характерен эпизод из книги Ф.И. Чуева «Молотов»: «Мне вспомнился эпизод Второй мировой войны, когда эсесовский начальник в своём кабинете свёл двух русских генералов — А.А. Власова и А.И. Деникина.

- Не знаю такого генерала, сказал Деникин, когда ему представили Власова.
- Разумеется, сказал эсесовец, вы в разное время боролись с большевиками.
  - Но я им не служил! ответил Деникин» (С. 9).

Да, Деникин от начала и до конца был врагом советской власти, боролся с ней, не служил ей. Но как понимать члена Политбюро или секретаря ЦК, десятки лет проводившего политику партии, формировавшего её социалистическое кредо, как он в одночасье мог поменять свою политическую шкуру? Но даже это можно понять, хотя и с трудом. Но ведь в таком случае надо просто уйти с политической арены и уже больше никогда не высовываться. Ан, нет! Он снова у руля, он снова на виду, поменяв свои политические убеждения, как Власов, форму советского генерала на немецкий мундир. И не стыдно. Потому что это политические хамелеоны. Какими заслугами ни обладал бы человек, если он изменил своим политическим взглядам, он погиб как политик, как личность. А что думают все те, кто старается обелить Власова, а с ним и такое гнусное явление, как предательство? Кого они воспитывают в молодёжной среде? Новых Карбышевых? Они

воспитывают новых Власовых, трухиных, жиленковых, малышкиных.. Прекратите это подлое антигосударственное дело, господа коренюки!

А теперь риторический вопрос. Если бы в восьмидесятых годах нам пришлось бы пережить не перестройку, а новое внешнее нашествие, не оказались бы Ельцин, Яковлев, Горбачёв, Шеварнадзе и иже с ними новыми Власовыми? Уверен: да! И не только они. Ибо основой физического предательства является предательство идейное. Или маскировка под него.

Умрём, но напакостим

Чем ближе, после Сталинграда и Курска, третий рейх подходил к своей агонии, тем больше генералов и офицеров из числа руководящего состава вермахта склонялось к мнению о том, что выходом из катастрофически ухудшавшейся ситуации может быть только одно — прекращение борьбы. Среди них, например, были такие хорошо известные в самой Германии и за её пределами военачальники, как фельдмаршал Эрвин фон Роммель — поклонник Гитлера и его любимец. «Созрел» в таком выводе и один из исполнителей операции «Цитадель» генерал-фельдмаршал фон Клюге.

Вершиной практических действий оппозиционно настроенных генералов и офицеров стал заговор против руководства рейха 20 июля 1944 года. О его подготовке Клюге знал, однако колебался и открыто к заговорщикам не примкнул. В день же покушения на Гитлера, уловив первые признаки того, что в результате взорванной в ставке «Волчье логово» бомбы фюрер не погиб, он решительно отмежевался от заговора. Не прошло и месяца, как 18 августа Клюге получил приказ о снятии с должности главнокомандующего войсками на Западе и замены его фельдмаршалом Моделем. Опасаясь, что будет привлечён по делу заговора, он в этот же день решил написать Гитлеру прощальное письмо и покончить с собой. Вот оно.

«Мой фюрер!

Ваше решение, переданное мне вчера фельдмаршалом Моделем, отстраняет меня от командования войсками на Западе и командования группой армий «Б». Причиной этого является, очевидно, неудача танкового удара на Авранш, что сделало невозможным прикрытие бреши, тянущейся до моря. Моя «вина», как командующего является установленной.

Разрешите мне, мой фюрер, с полным уважением к Вам изложить свою точку зрения. Когда Вы получите эти строки, переданные мной через обергруппенфюрера Зеппа Дитриха, которого я в тяжёлое

время узнал и оценил как смелого, неподкупного человека, меня уже не будет в живых. Я не смогу вынести упрёка в том, что судьба фронта на Западе решена из-за ошибочной стратегии, а защищать себя, у меня нет сил. Из этого я делаю вывод, и я ухожу туда, где находятся уже тысячи моих товарищей. Я никогда не боялся смерти. Жизнь больше не имеет для меня смысла; кроме того, я нахожусь в списке военных преступников, выдачи которых требует враг...

И, наконец, наши войска на Западе, с точки зрения личного состава и техники, были почти изолированы. Это было закономерным результатом отчаянного положения на Востоке. Тем более что быстрое уменьшение числа танков и противотанкового оружия и недостаточное снабжение так называемых стационарных дивизий миномётами привели к положению (которое стало ещё отчаяннее из-за потерь, понесённых в так называемых котлах), в котором мы теперь оказались.

Мои натянутые отношения с новым начальником генерального штаба (генерал-полковником Гудерианом), который видит во мне своего врага, были причиной того, что я не смог попасть к нему, и у меня не было возможности получить поддержку для Запада бронетанковой техники, которая была необходима. Всё это оказало решающее влияние на развитие общего положения.

Мой фюрер, я считаю, что имею право сказать, что я сделал всё, чтобы справиться с положением. В моём сопроводительном письме к меморандуму генерал-фельдмаршала Роммеля, которое я переслал Вам, я уже заявил о том, как будут развиваться события. Как Роммель, так и я, возможно, все командующие здесь, на Западе, которые имеют опыт боевых действий с англо-американцами, с их превосходством в боевой технике, заранее предвидели настоящее положение. Нас не послушали. Наши потери были продиктованы не пессимизмом, а просто знанием фактического положения дел. Я не знаю, сможет ли генералфельдмаршал Модель, который во всех отношениях является испытанным командиром, справиться с положением. Я желаю ему это от всего сердца. Но если это не произойдёт и Ваше новое в такой степени желаемое оружие и в первую очередь авиационное, не принесёт успеха, тогда, мой фюрер, решитесь на то, чтобы закончить войну. Немецкий народ вынес такие несказанные страдания, что пришло время положить этому ужасу конец.

Должны быть способы и пути, которые могли бы положить конец войне и, прежде всего, избавить рейх от большевистского ада. Поведение некоторых офицеров, попавших в плен на Востоке, представляло для меня всегда загадку (имеется в виду «Национальный комитет «Освободная Германия»). Мой фюрер, я всегда восторгался вашим величием и вашей стойкостью в этой гигантской борьбе и вашей железной волей утверждать самого себя в национал-социализме. Если судьба оказалась сильнее вашей воли и вашего гения, то это воля проведения. Вы вели честную и великую борьбу. Покажите же и теперь своё величие, положив конец, если это необходимо, безнадёжной борьбе.

Я прощаюсь с Вами, мой фюрер, как один из тех, кто в своём стремлении исполнить свой долг перед Вами до самого конца, стоял к Вам ближе, чем Вы, может быть, думали. Хайль, мой фюрер!» (ИВИ, ф. 191, оп. 233, д. 63. л.л. 83-85). Прощаясь с фюрером, Клюге призвал его «решиться на то, чтобы закончить войну», «положить конец безнадёжной борьбе», ибо «немецкий народ вынес такие несказанные страдания, что пришло время положить этому ужасу конец». Концовка этого письма, восхваляющая фюрера, показывает, почему Клюге так и не решился пойти против Гитлера — даже в преддверии смерти фюрер оставался для генерал-фельдмаршала кумиром.

На следующий день после снятия с должности, проезжая на автомобиле по полям былых сражений 1870-1871 годов, Гюнтер фон Клюге принял яд. Так завершился жизненный путь одного из тех, кто всего лишь год назад, руководя группой армий «Центр», пытался со стороны Орла прорваться к Курску, а затем, без всякого сомнения, и к Москве. Не получилось.

Многие участники заговора считали, что добиться прекращения войны можно только одним способом — физическим устранением Гитлера. В отличие от них Клюге верил, что покончить с войной способен сам Гитлер. И он ошибался, ибо фанатизм фюрера не знал предела. Это подтверждается ещё некоторыми документами.

Среди них весьма характерным является письмо рейхминистра вооружений и военной продукции А. Шпеера от 29 марта 1945 года. Данное письмо — это реакция министра на приказ Гитлера о «выжженной земле» от 19 марта 1945 года. Вот этот приказ.

«Борьба за существование нашего народа заставляет также и на территории Германии использовать все средства, которые могут

ослабить боеспособность противника и задержать его продвижение. Необходимо использовать все возможности, чтобы непосредственно или косвенно нанести максимальный урон боевой мощи противника. Ошибочно было бы полагать, что после возвращения потерянных территорий можно будет снова использовать не разрушенные перед отступлением или выведенные из строя на незначительный срок пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства.

Противник оставит нам при своём отступлении лишь выжженную землю и не посчитается с нуждами местного населения. Поэтому я приказываю:

- 1. Все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению.
- 2. Ответственность за уничтожение возлагается: на военные командные инстанции в отношении всех военных объектов (включая дорожные сооружения и средства связи), на гаулейтеров и государственных комиссаров обороны в отношении всех промышленных предприятий, предприятий коммунального хозяйства, а также всякою рода материальных запасов. Войска должны оказывать гаулейтерам и государственным комиссарам обороны необходимую помощь в выполнении стоящих перед ними задач.
- 3. Настоящий приказ немедленно довести до сведения всех командиров. Все распоряжения, противоречащие данному приказу, утрачивают свою силу» (Там же. —л. 93).

Узнав о том, что этот приказ подписан, Шпеер попытался отговорить Гитлера от его реализации. Из этой беседы он усвоил главную мысль фюрера — «если война проиграна, то погибает и народ». «Потрясённый до глубины души этими словами», Шпеер решил продолжить борьбу за отмену приказа путём письменного обращения к Гитлеру. Он писал:

«Мой фюрер!

Если я обращаюсь к Вам ещё раз с письмом, то только потому, что я не в состоянии из-за внутреннего возбуждения высказать Вам свои мысли в устной форме...

Вчера Ваше мнение раздвоилось между реальными познаниями, от которых можно перейти к убеждению, что война проиграна, и между той, всё ещё имеющейся верой, что всё может повернуться к лучшему. Вы задали мне вопрос, надеюсь ли я на успешное продолжение войны или же моя вера разбивается о мои трезвые доводы, присущие моей специальности.

Моя вера в благоприятный поворот судьбы оставалась непоколебимой до 18 марта... Я много сделал для Германии. Без моего труда война, возможно, была бы проиграна в 1942-1943 годах (Tам же. —л. 94).

Из-за лености и любви к удобствам мы потеряли год драгоценного времени для вооружения и развития, и в результате пришли к тому, что в решающие 1944/1945 годы многое приходит слишком поздно. Появись любое нововведение годом раньше, и наша судьба была бы другой. Как будто провидение хотело нас предупредить, ибо с тех пор все военные события были отмечены печатью несчастья. Ибо ни в одной войне раньше внешние условия, хотя бы погода, не играли такой решающей и несчастной роли, как в этой самой технической из всех войн: мороз под Москвой, туман под Сталинградом и голубое небо зимнего наступления 1944 года на Западе.

Несмотря на это я убеждён, что судьба не доведёт нас до конца, и что однажды появятся возможности обеспечить нашему народу существование. Ибо у этого народа, героически сражавшегося на фронтах и в тылу, не может быть плохого конца. Это — моя внутренняя вера, позволявшая мне, несмотря на все внешние влияния и познания, оставаться сильным и вселять веру в других, была непоколебима до последних дней.

Когда 18 марта я Вам передал свою записку, я был твёрдо убеждён, что выводы, которые я сделал из современного положения для сохранения основ жизни народа, обязательно найдут Ваше одобрение. Так как Вы сами однажды заявили, что задача государственного руководства заключается в том, чтобы при проигранной войне избавить народ от героического конца.

Вечером Вы, однако, высказали мне свои мысли, из которых, если я Вас правильно понял, вытекает ясно и однозначно: если война проиграна, погибает и народ. Эта судьба неотвратима. Нет необходи-

мости и считаться с основами, в которых нуждается народ для его самого примитивного существования. Напротив, будет лучше, если эти вещи будут разрушены. Ибо немецкий народ показал себя слабейшим и более сильному восточному народу принадлежит всецело будущее. Всё, что останется после войны, это мелочи, потому что всё лучшее погибло.

Я был до глубины души потрясён этими словами. И когда я днём позже читал приказ о разрушении всего, а вскоре после этого строгий приказ об эвакуации, я увидел в них первые шаги к выполнению этих намерений...

Но я не могу больше верить в успех нашего общего дела, когда мы в эти решающие месяцы планомерно разрушаем основу жизни народа. Это такая большая несправедливость по отношении к нашему народу, что судьба больше не повернётся к нам лицом. Мы не должны разрушать то, что создавалось поколениями. Если это делает враг, и при этом истребляет народ, вина за это целиком ложится на него. Я убеждён, что провидение накажет их за то, что они подняли руку на этот храбрый и порядочный народ.

Я могу работать с внутренней порядочностью, убеждённостью и верой в будущее только в том случае, если Вы, мой фюрер, как и раньше, выскажетесь за сохранение основ жизни нашего народа. Я не вхожу при этом в подробности относительно того, что в результате выполнения опрометчивых мер согласно Вашему приказу на разрушение от 19 марта 1945 года мы потеряем последние индустриальные мощности, и что известие о нём вызовет большое замешательство в народе. (Там же. —л. 95).

Поэтому я Вас прошу не осуществлять этого шага по разрушению, обрекая тем самым народ на гибель. Если Вы могли бы в какой-то форме решиться на этот счёт, тогда я обрёл бы снова веру и мужество, чтобы продолжить работать с ещё большей энергией. Вы поймёте, что происходит во мне. Я не могу работать с полной отдачей и внушать столь необходимое доверие, если одновременно с моим призывом к рабочим к полной отдаче сил мы готовим разрушение их жизненных основ.

Наша задача — приложить все силы, чтобы максимально усилить сопротивление. Я хотел бы участвовать в этом. Военные пораже-

ния, понесённые в последние недели Германии, ужасны. От нас больше не зависит, куда повернётся судьба. Только лучшая судьба может изменить наше будущее. Мы можем содействовать этому лишь нашей выдержкой и непоколебимой верой в вечное будущее нашего народа. Господи, защити Германию!» (Там же. л. 96).

И Шпеер своего добился. На следующий день после отправки письма вышла инструкция ОКБ, которая практически отменила приказ от 19 марта 1945 года. И только. Не лучше ли было попытаться уговорить Гитлера отказаться от дальнейшей, к этому времени явно безнадёжной, борьбы? Сделать этого Шпеер не решился.

В его письме поражает не столько стремление склонить Гитлера к продолжению бессмысленной войны, — «наша задача — приложить все силы, чтобы максимально усилить сопротивление», — сколько его цинизм, выраженный в следующей фразе. «Мы не должны разрушать то, что создавалось поколениями. Если это делает враг, и при этом истребляет народ, вина за это целиком и полностью ложится на него. Я убеждён, что проведение накажет их за то, что они подняли руку на этот храбрый и порядочный народ».

Ничего себе «порядочный народ»! Народ, давший себя оболванить и безропотно выполнявший волю не вполне нормального человека, поставившего перед собой цель достижения мирового господства ценой завоевания других стран и уничтожения миллионов ни в чём не повинных людей, назвать порядочным нельзя. По Шпееру получается, что это не фашистская Германия напала на Советский Союз, а он поднял руку на храбрый и порядочный немецкий народ, что разрушать созданное поколениями немецкой нации нельзя, а советского и других народов — можно. Это не цинизм, это — верх цинизма!

Не думаю, что у Шпеера не было понимания неотвратимости поражения Германии. Было. Но он, и ему подобные, предпринимали всё новые и новые усилия, чтобы ценой истощения последних материальных ресурсов, ценой почти поголовного уничтожения нации затянуть войну и отсрочить собственную гибель.

Войну в Европе, удайся покушение на Гитлера в июле 1944 года, можно было завершить за десять месяцев её фактического окончания. Сколько бы людских жизней можно было бы сохранить, в том числе и из числа бездарно погибших немцев! Руководители заговора правильно счи-

тали, что покончить с войной и бессмысленными жертвами можно только при одном условии — физическом уничтожении Гитлера. Вероятно, они осознавали, что фанатизму фюрера нет предела. И не ошибались. Об этом говорят ещё два документа.

15 апреля 1945 года, перед штурмом Берлина Красной Армией, Гитлер обратился к солдатам Восточного фронта с призывом защитить столицу рейха, исполнить свой долг. Он призывал: «Солдаты на Восточном фронте! В последний раз смертельный враг в лице большевиков и евреев переходит в наступление. Он пытается разгромить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты на Восточном фронте, знаете (Там же. — С. 105) большей частью уже сами, какая судьба уготовлена, прежде всего, немецким женщинам, девушкам и детям. В то время как старики и дети будут убиты, женщины и девушки будут низведены до казарменных проституток. Остальные попадут в Сибирь.

Мы предвидели это наступление и уже с января этого года делали всё, чтобы построить прочный фронт. Врага встретит мощная артиллерия. Потери нашей пехоты компенсированы многочисленными новыми подразделениями. Штурмовые подразделения, новые формирования и отряды фольксштурма усиливают наш фронт. Большевиков в этот раз постигнет судьба азиатов, то есть им будет нанесено кровавое поражение у стен Берлина.

Кто в этот момент не выполнит своего долга, действует как предатель своего народа. Полк или дивизия, покинувшие свои позиции, ведёт себя так подло, что он должен будет стыдиться женщин и детей, выстоявших перед воздушным террором врага. Прежде всего, следите за немногими офицерами и солдатами — предателями, которые, чтобы сохранить себе сносную жизнь в русском рабстве, возможно, будут воевать против нас в немецкой форме. Тот, кто даёт вам приказ на отступление, а вы его точно знаете, должен быть тотчас схвачен и если необходимо тотчас расстрелян, безразлично в каком он чине. Если в эти грядущие дни и недели каждый солдат на Восточном фронте выполнит свой долг, последний натиск азиатов разобьётся о нашу оборону, равно как и вторжение наших врагов на Западе, в конце концов, потерпит провал.

Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не будет русской. Образуйте монолитную общность для

защиты не пустого понятия «отечество», а для защиты вашей родины, ваших жён, ваших детей, а с ними и вашего будущего.

В эти часы весь немецкий народ смотрит на вас, мои восточные бойцы, и надеется только на то, что ваша стойкость, ваш фанатизм и ваше оружие потопят большевистский натиск в море крови. В момент, когда судьба убрала с лица земли самого большого военного преступника всех времён (имеется в виду умерший тремя днями раньше президент США Ф. Рузвельт), решается исход этой войны» (Там же. —л. 107).

В последний раз из пасти смертельно раненого зверя прозвучали проклятья и угрозы в адрес советского народа: «большевиков в этот раз постигнет судьба азиатов, то есть им будет нанесено кровавое поражение у стен Берлина», «ваш фанатизм и ваше оружие потопят большевистский натиск в море крови».

Почти два года тому назад, накануне операции «Цитадель» Гитлер тоже обращался к солдатам. В том обращении были такие слова: «Сегодня мы начинаем великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом». Как в воду глядел! Выигранная советской стороной Курская битва действительно оказала решающее влияние на исход войны в целом. Тогда этим словам немецкий солдат ещё мог верить. Но в середине апреля 1945 года, когда агония была очевидна всем, когда, без всякого сомнения, разыгрывался последний акт драмы всей германской нации, на что и на кого было рассчитано это обращение?!

Но даже это, рассудку вопреки, можно понять. Ведь Берлин ещё оставался немецким, и ещё теплилась надежда. Но в ночь на 29 апреля...(!)

В довершение состоявшегося официального бракосочетания с Евой Браун и принятого решения покончить с жизнью, Гитлер продиктовал секретарше фрау Юнге политическое завещание. В нём он исключил Г.Геринга и Г. Гиммлера из рядов партии, снял их со всех занимаемых постов и назначил гросс-адмирала Денница своим преемником в качестве главы государства и верховного главнокомандующего. Кроме этого, он назначил поимённо новое правительство, члены которого «выполнят обязательства дальше продолжить войну всеми средствами», что «задача в построении национал-социалистического государства представляет собой труд будущих поколений». А от всех немцев он потребовал «чтобы они до самой смерти были верны и послушны новому правительству и своему президен-

ту»«, призвал «к беспощадному сопротивлению международному отравителю всех народов — международному еврейству».

Книга «Агония и смерть Адольфа Гитлера» (Москва. — 2000.) проливает свет на тот факт, когда именно политическое завещание фюрера стало достоянием союзников. «Большой удачей стал перехват всех трёх экземпляров «политического завещания» Гитлера и инструкций гроссадмиралу Денницу о формировании нового правительства Германии... Эти исторические документы были обнаружены у курьеров, покинувших бомбоубежище утром 30 апреля 1945 года. Им удалось проникнуть через кольцо частых советских войск и пробраться к родственникам и знакомым. Первым был задержан, предъявивший фальшивый документ Гейниц Лоренц, офицер связи из аппарата Геббельса, который во время допроса рассказал о своей миссии и назвал фамилии других двух курьеров. В результате поисков союзникам удалось арестовать майора из штаба Гитлера — Вили Иоганна Мейера и консультанта Бормана — Вильгельма Цандера» (С. 13).

На Западе политическое завещание Гитлера публиковалось неоднократно. В России оно впервые опубликовано в 1991 году издательским центром «Российское возрождение» под названием «Завещание Гитлера. К черному юбилею». Возможно, я ошибаюсь, но главное не в этом, а в том, что широкой общественности суть завещания до сих пор неизвестна.

Авторы публикации оперируют документом, который свидетельствует, что содержание политического завещания советскому руководству стало известно сразу же после окончания войны. «В личном архиве фонда Сталина есть такое донесение: «Совершенно секретно», Тов. Сталину И.В., тов. Молотову В.М, тов. Маленкову Г.М. Представляю фотокопии и перевод с немецкого следующих документов, полученных советской военной администрацией города Берлина от американской и английской разведок.

- 1. Личное завещание Гитлера от 29 апреля 1945 года.
- 2. Политическое завещание Гитлера от 29 апреля 1945 года.
- 3. Дополнение к политическому завещанию Гитлера, составленное Геббельсом, от 29 апреля 1945 года.
  - 4. Письмо Бормана Денницу от 29 апреля 1945 года.
- 5. Свидетельство о браке между Гитлером и Евой Браун от 29 апреля 1945 года.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР С.Круглов».

Лично я познакомился с содержанием политического завещания Гитлера несколько лет тому назад, изучая в Институте военной истории «Дневник боевых действий вермахта». Сличая позже этот документ с текстом, изданным «Российским возрождением», я нашёл между ними некоторые расхождения чисто стилистического переводного характера. Вот текст политического завещания Гитлера из «Дневника...».

«С тех пор, как в 1914 году в качестве добровольца я вложил свои скромные силы в первую, навязанную рейху Мировую войну, прошло уже более тридцати лет. В течение этих трёх десятилетий при всех моих мыслях, действиях и жизни мной руководили только любовь и верность к моему народу. Они дали мне силу принять сложнейшие решения, какие ещё никогда не (ИВИ, ϕ . 91, on. 233, δ . 63, Λ . 228) стояли ни перед одним из смертных. Я истратил моё время, мою рабочую силу и моё здоровье за эти три десятилетия.

Это неправда, что я или кто-то другой в Германии хотели войны в 1939 году. Её хотели и её устроили исключительно те международные государственные деятели, которые были еврейского происхождения или работали в интересах евреев. Я сделал слишком много предложений по сокращению и ограничению вооружений, которые потомство никогда не посмеет отрицать, чтобы ответственность за эту войну можно было возложить на меня.

Кроме того, я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной Мировой войны возникла вторая против Англии и даже Америки. Пройдут столетия, но из руин наших городов и исторических памятников будет возрождаться ненависть против того, в конечном счёте, ответственного народа, которому мы все этим обязаны: международному еврейству и его пособникам.

Ещё за три дня перед началом немецко-польской войны я предложил британскому послу в Берлине решение немецко-польских проблем — подобие решению Саарского вопроса под международным контролем. И это предложение не могут отрицать. Но оно было отвергнуто, так как круги, задающие тон английской политике, желали войны, частью из-за выгодных сделок, частью, подгоняемые организованной международным еврейством пропаганды. Но у меня не оставалось никакого сомнения в том, что если народы Европы будут опять

рассматриваться как пакеты акций этих денежных и финансовых заговорщиков, то тогда к ответу будет привлечён также и тот народ, который является истинным виновником этой убийственной войны: еврейство!

Далее, я никого не оставил в неведении на тот счёт, что миллионы взрослых мужчин могут умирать и сотни тысяч женщин и детей сгорать в городах и погибать под бомбами без того, чтобы истинный виновник искупил свою вину, хотя бы даже (л. 229) и гуманными средствами.

После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдёт однажды в историю, как самое славное и смелое выражение жизненной воли народа, я не могу расстаться с городом, который является столицей рейха. Так как силы очень малы, чтобы как раз на этом месте выдерживать и далее натиск врага, а наше сопротивление, ослеплённое этим, как бывает у бесхарактерных и в такой же степени людей, постепенно обесценится, я бы хотел, оставшись в этом городе, разделить мою судьбу с тем, что миллионы других уже приняли на себя.

Кроме этого я не хочу попасть в руки врагов, которые для увеселения своих подстрекаемых масс нуждаются в инсценированном евреями зрелище. Поэтому я решил остаться в Берлине и здесь добровольно избрать себе смерть в тот момент, когда я буду уверен, что местопребывание фюрера и канцлера уже не может быть больше удержано. Я умру с радостным сердцем перед лицом осознанных мною неизмеримых подвигов и достижений наших солдат на фронте, наших женщин дома, достижений наших крестьян и рабочих и единственных в нашей истории деяний нашей молодёжи, которая носит моё имя.

То, что я выражаю им всем исходящую из самой глубины сердца благодарность, также понятно, как и моё желание, что они ни при каких обстоятельствах не прекратят борьбы, и безразлично где и когда, будут продолжать её против врагов отечества, оставаясь верными призывам великого Клаузевица. Из жертв наших солдат и моего собственного единения с ними до самой смерти, в немецкой истории, так или иначе, когда-нибудь опять взойдёт имя сияющего воззрения национал-социалистического движения и тем самым осуществления настоящей общности народа (Там же. —л. 230).

Многие храбрые мужчины и женщины решили связать свою жизнь с моей до самого конца. Я их просил, и, наконец, приказал им, не делать этого, а принять участие в дальнейшей борьбе нации. Командиров армий, военно-морского флота и военно-воздушных сил я прошу с помощью крайних средств усилить дух сопротивления наших солдат в национал-социалистическом смысле с особой ссылкой на то, что также и я сам, основатель и творец этого движения, предпочёл смерть трусливой сдаче или даже капитуляции. Пусть это со временем станет понятием чести для офицеров — как это уже имеет место в нашем военно-морском флоте, — что сдача местности или города невозможна и что здесь, прежде всего командиры своим ярким примером должны идти впереди, преданнейше выполняя обязанности вплоть до самой смерти.

Перед моей смертью я изгоняю бывшего рейхсмаршала Германа Геринга из партии и лишаю его всех прав, которые следуют из указа от 29 июня 1941 года, а также из моего заявления в рейхстаге от 1 сентября 1939 года. Вместо него я назначаю гросс-адмирала Денница рейхспрезидентом и Верховным командующим вермахта.

Перед моей смертью я изгоняю бывшего рейхсфюрера СС и рейхсминистра внутренних дел Генриха Гиммлера из партии, а также со всех государственных постов. Вместо него я назначаю гаулейтера Карла Ганке рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции, а гаулейтера Пауля Гизлера рейхминистром внутренних дел. Геринг и Гиммлер своими тайными переговорами с врагом, которые они вели без моего ведома и против моей воли, а также своей попыткой, вопреки закону, захватить власть в государстве в свои руки, причинили стране и всему народу неизмеримый ущерб, не говоря уже об измене по отношению ко мне лично (Там же. —л. 231).

Чтобы дать немецкому народу правительство, состоящее из честных людей, которые выполнят обязательства дальше продолжать войну всеми средствами, я назначаю в качестве руководителей нации следующих членов нового кабинета...

Хотя некоторое число этих людей, таких, как Мартин Борман, др Геббельс и т.д., включая их жён, примкнули ко мне по доброй воле, и ни при каких обстоятельствах не хотят покинуть столицы рейха, а готовы погибнуть вместе со мной, я должен их всё же просить подчиниться моим требованиям, и в данном случае поставить интересы нации над своими собственными чувствами.

Как товарищи они после смерти будут стоять ко мне так же близко, как и мой дух будет пребывать среди них и постоянно их сопровождать. Пусть они будут твёрдыми, но никогда несправедливыми; пусть они никогда не берут страх в советчики их дел и честь нации ставят превыше всего на земле. Пусть они, наконец, осознают, что наша задача в построении национал-социалистического государства представляет собой труд будущих поколений, который обязывает каждого отдельного человека, всегда служить общему делу и в соответствии с ним отодвигает назад свои собственные выгоды.

От всех немцев, всех национал-социалистов, мужчин и женщин и всех солдат вермахта я требую, чтобы они до самой смерти были верны и послушны новому правительству и своему президенту. Я обязываю руководство нации и подчинённых, прежде всего к неукоснительному соблюдению расовых законов и к беспощадному сопротивлению международному отравителю всех народов — международному еврейству» (Tам же. — π . 233).

Менее чем через сутки, в 15.30 30 апреля Гитлер покончил с собой. Ушёл из жизни человек, который по масштабам злодеяний затмил всех своих предшественников деспотического толка, человек, который, говоря словами крупнейшего немецкого писателя прошлого века Томаса Манна «родился на своё собственное и всего мира несчастье». Ибо, уходя из жизни сам, он завещал нации продолжать борьбу. И это в то время, когда бункер и рейхстаг сотрясались от взрывов артиллерийских снарядов советской артиллерии. Как тут не вспомнить жителей города Глупово из произведения Салтыкова-Щедрина, которые жили по принципу: «умрём, но напакостим!». Гитлер и мёртвый продолжал убивать.

Что это? Фанатизм? Но любой фанатизм имеет предел. Когда человек в своём фанатизме выходит за рамки разумного, то это уже что-то иное. Это с умственных рельсов сошедший.

Шпеер завершил упомянутое письмо Гитлеру призывом: «Господи, защити Германию!». Не защитил. Ибо Германия в лице Гитлера, Шпеера и иже с ними, ни 1 сентября 1939 года, ни 22 июня 1941 года не получала от Господа благословения. Верующим в Бога свойственно обращаться к нему

тогда, когда они согрешили. Вот если бы вспоминали о нём, когда принимали греховные решения на убийство миллионов!

Обстрел

Неумолимо подходит время главных политических баталий 2003-2004 годов — выборов депутатов в ГД и президента РФ. Хотелось бы, чтобы каждый избиратель понял, что он будет голосовать не за личность, не за лидера, а за тот политический курс, к которому призовёт предвыборная платформа кандидата в депутаты или президенты. Если кто-то проголосует за коммуниста — это значит он за социализм, если за представителя любой иной (без исключения!) партии или избирательного объединения — значит за капитализм. Середины тут нет.

Многочисленные предвыборные кампании прошлого подсказывают: никто этого так хорошо не осознаёт, как нынешние властные структуры. Это и понятно. Возможная победа народно-патриотического блока их очень пугает: поражение на выборах в Думу лишит возможности принимать антинародные законы, а поражение на президентских выборах вообще лишит власти. В связи с этим надо всё делать для того, чтобы коммунисты и их сторонки не получили большинства в Думе, а президентом стал ставленник крупного капитала. Нет сомнения в том, что ставка будет сделана на В. Путина, показавшего, что он верный пёс олигархов, что дело Б. Ельцина в надёжных руках.

Если политика грязное дело вообще, то предвыборные кампании, как часть политики, причём, самая существенная, в нынешней так называемой «демократической» России, — вдвойне грязное. Тут хороши все способы и методы. Как здесь не вспомнить мысль К. Маркса о том, что во имя своих интересов капитал пойдёт на любые преступления. А тут интерес самый высокий — власть!

Главным в арсенале борьбы за свержение Советской власти, а теперь за удержание власти своей, у противников социализма стал антикоммунизм. Когда-то лаявший только из-за бугра, теперь он расцвёл на родине первой в мире поистине марксистской партии, столетие которой так усердно замалчивалось в эти дни, на родине первой в мире социали-

стической революции, давшей власть трудовому народу, махровым букетом, возведён в ранг государственной политики и идеологии.

Свои предвыборные платформы партии и блоки ещё не обнародовали, ещё весьма далеко до того дня, когда кандидаты в президенты изложат общественности свои цели, а антикоммунистическую лошадку уже запрягли. Вообще-то её из повозки очернения советского прошлого и не выпрягали, просто в межвыборный период она идёт менее ретиво. Настаёт время, когда эту лошадку, дабы она быстрее везла, начнут стегать кнутом. Первостепенная роль в деле очернения советского прошлого принадлежит мощной ельцинско-путинской империи СМИ. Этот вывод тоже из опыта прежних предвыборных кампаний.

С экранов телевизоров, по радио, со страниц газет и журналов стреляют крупнокалиберными снарядами: приход коммунистов к власти — это возврат к прошлому, к репрессиям, очередям и карточной системе, к хаосу в экономике, к откату от демократических свобод, и, наконец, это — гражданская война.

Хотелось бы помочь активу областной партийной организации в его пропагандистской работе, всем, кто ещё до конца не одурманен дымом от взрывов этих снарядов, помочь своими весьма общими (ограниченными не слишком просторным газетным полем) рассуждениями по тем основным направлениям антисоветской лжи, которая, без всякого сомнения, будет усиливаться по мере приближения предвыборных кампаний. Давайте порассуждаем по поводу этих пропагандистских залпов.

1. О возврате к прошлому. Беда наших политиков, а через них и всего народа, заключается в том, что при смене руководства мы сразу стараемся зачеркнуть, очернить то, что было до него. К чему греха таить — советское прошлое изобилует этими примерами: так было после смерти И.В. Сталина, после снятия Н.С. Хрущёва и после смерти Л.И. Брежнева.

Во всяком прошлом всегда есть много хорошего. Вот это хорошее и полезное коммунисты и хотят взять из прошлого, соединить его с лучшим и полезным настоящим, и, на этой основе, идти вперёд под лозунгом: «Не назад к социализму, а вперёд к социализму». В прошлом есть и плохое. Вот оно-то «демократами» по крупному счёту и не отсечено, а наоборот приумножено. По этому опросу ещё в предвыборной платформе 1999 года Г.А. Зюганова сказано: «Нынешние власти утверждают, что коммунисты и их союзники хотят вернуть страну в прошлое. Но возврат туда невозможен по

той простой причине, что мы из него и не выходили. Наоборот, мы всё глубже увязаем в самом плохом из того, что в нём было».

И уж если говорить о возврате назад с временных позиций, то коммунисты хотят вернуть страну к совсем недавнему прошлому, которое отстоит от настоящего на расстоянии не более пятнадцати лет, а демократы возвращают нас за черту 1917 года, то есть почти на 90 лет назад.

2. Нас пугают тем, что если коммунисты через президентские выборы придут к власти, то в стране начнутся репрессии, при этом почти ежедневно вспоминается сталинский период. Да, тогда это имело место. Но применялись репрессивные меры, против тех, кто после революции и гражданской войны не смирился с потерей своих богатств, сел в попутный поезд, в нём ехал в социализм и скрытно, тайно вредил советской власти, стал на путь предательства, саботажа, убийств, поджогов, провокаций, диверсий. Вот против кого, прежде всего, были направлены эти репрессии.

Врагов Советской власти чётко выявила Великая Отечественная война. Это они открыто, с оружием в руках выступили против своего народа на стороне иноземных захватчиков. Предатели и изменники периода Великой Отечественной войны — это недобитый в гражданской войне классовый враг, это изменники Родины, на их руках кровь тысяч, если не миллионов. Должна ли была Советская власть защищать простых людей от тех, кто стал на сторону врагов? Должна! Она это и делала, делала в ходе войны и после неё.

Да, в этой борьбе с врагами народа были перегибы, пострадали многие невинные люди. Но, во-первых, в этом повинны, прежде всего, те же враги, которые через доносы и клевету подставляли честных людей, которые проникли в правоохранительные органы и делали своё чёрное дело. И, во-вторых, сама партия осудила эти незаконные репрессии, осудила более полувека тому назад. Со времён Н.С. Хрущёва этому беззаконию был положен конец. Однако тему репрессий эксплуатируют до сих пор, ею пугают избирателей.

А что освободилось наше общество при «демократах» от насилия? Арест всего руководства страны в августе 1991 года — это не насилие? Все они на свои должности были назначены и избраны, их действия были правомерны, но их арестовали, бросили в тюрьму, предъявили обвинение в измене Родины, в перевороте. Перевороты осуществляются с целью захвата власти. Можно ли захватывать власть, если ты сам — власть?

А запрет деятельности парламента — это не насилие над законно избранными депутатами? А запрет деятельности двадцатимиллионной партии? Причём, запрет одним указом, волей одного человека!

А физическое насилие над тысячами москвичей, которые пришли защитить парламентариев? А расстрел танковыми пушками этого парламента — это не насилие? А чеченская бойня, которая длится уже десять лет, и унесла десятки тысяч жизней — это что? А запрет 7 ноября 1993 года отмечать революционный праздник страны?

Я приехал на Октябрьскую площадь в 11 часов, когда митинг уже насильственно был разогнан. Вышел из 62 троллейбуса на станции метро «Октябрьская-радиальная» и был схвачен молодчиками. Мне скрутили руки, бросили в машину, из неё перетащили в автобус, обыскали, затем перевели во второй автобус, учинили допрос, отвезли в 47-е отделение милиции, где учинили ещё один протокольный допрос и продержали целый день.

Советская власть мне руки не выкручивала. Что такое насилие властей я впервые испытал при нынешнем режиме. Это — кровавый режим, насилие — его повивальная бабка.

Каким же надо обладать бесстыдством, чтобы в атмосфере сплошного насилия, запретов, физического уничтожения людей, пугать народ репрессиями прошлого!

3. Нас пугают тем, что с приходом коммунистов к власти, страна вернётся к карточкам, нормированному распределению и очередям. Надо сказать, что многие люди, не понимая сути проблемы, клюют на эту наживку. Пару лет назад зимой в Москве стоял я в очереди за бочковым молоком. Оно в два раза дешевле того, что продаётся в пакетах в магазинах. Стоял я с семи до десяти утра, так как в снегопад машина задержалась. За эти три часа чего только не услышал о минувшем прошлом. И хорошего и плохого. Одна женщина «поставила пластинку» о пресловутых очередях в советскую эпоху. Как она доказывала, что только из-за этого она бы не хотела возврата к прошлому! Я вынужден был вступить в дискуссию: «Женщина, как можно говорить об очередях прошлого, стоя... в очереди!? Не проще ли купить пакет в магазине, там он без всякой очереди. А стоите вы три часа на морозе только потому, что бочковое молоко дешевле». Этого было достаточно, чтобы оппонентка замолчала.

Давайте разберёмся, что порождает очереди. Нехватка товара или продукта. А что порождает эту нехватку? Многое, в том числе и цена.

Нам часто показывают на экранах телевизоров кадры из прошлого — очереди в продуктовых магазинах. С таким подтекстом: смотрите вот социализм во всей своей красе, с нехваткой всего и вся, с очередями. Но ведь это кадры из последних месяцев 1991 года, перед январским обвалом цен.

В те месяцы кто только не участвовал в разграблении прилавков продуктовых и промтоварных магазинов! Мели всё — спички, колбасу, электрические лампочки, сахар, кофе, какао, конфеты, соду, колготки, галстуки, мыло, зубную пасту. Не стоит перечислять далее — это слишком долго. Шли заготовки впрок. Помню, в Москве в магазине на Ленинском проспекте выбросили в продажу пищевую соду. Очередь — ужас! Люди брали по десять пачек, а в пачке по десять коробок. Взял и я. А чего не взять, ведь коробочка стоила 10 копеек. Накупил мыла аж 100 брикетов. По 30 копеек. Так оно у меня только недавно кончилось. И чаем советской эпохи пользовался много лет.

Приходится только удивляться, как могло социалистическое производство в те грабь-месяцы справиться с этим массовым нашествием оптовых покупателей. Одна женщина на остановке автобуса информирует другую о том, где можно в сравнительно небольшой очереди приобрести стиральный порошок. А та отвечает, что у неё в квартире все забито коробками этого порошка.

В очереди за колбасой, которая в антикоммунистических наскоках одного круглолицего «демократа» стала главным пугалом, я стоял в последний раз в магазине на улице Горького в 20 часов 31 декабря 1991 года. 2 января в этом магазине за этой колбасой очереди уже не было. Её сбили ценой — та же колбаса в одночасье стала в десятки раз дороже. Сделайте сегодня колбасу, которая стоит сто рублей и которая большинству недоступна, сделайте её по цене десять рублей, и... завтра её не будет, а послезавтра за ней надо будет стоять в очереди. Кому это не понятно? Ну, может быть, только одному круглолицему.

Я жил в Краснодаре, где летом температура зашкаливает за плюс тридцать. В такую жару испить холодного кваску — одно удовольствие. В социалистическую эпоху у меня в холодильнике два запотевших трёхлитровых баллончика всегда стояло. Когда же запас кончался, я с ужасом ду-

мал, что за этим напитком надо снова идти и опять стоять час, а то и больше, в очереди. И я стоял в жару в этой проклятущей очереди. А в городе бочки с квасом были почти на каждом углу. И всюду очереди. Да потому, что квас стоил 12 копеек за один литр.

Сейчас за квасом очередей нет. Подходи, покупай и — хоть залейся. Этакое, преимущество капитализма. Но подходят редко, так как тот же литр квасу стоит почти в сто раз дороже! Поверите или нет, но с лета 1991 года кваску я не пробовал, хотя пенсионер высокооплачиваемый.

Очередей в магазинах нет не из-за того, что в стране перепроизводство продуктов и товаров, а из-за неимоверно поднятых цен. На сыр, колбасу, которые при социализме не вызывали у людей вопроса купить или нет, многие сейчас смотрят как на нечто недоступное.

Большинство покупателей входит в магазин с пустой сумкой и выходит, не наполнив её так, как бы хотелось.

Изобилие на прилавках достигнуто не за счёт увеличения производства в стране продуктов и товаров, а за счёт их завоза из-за рубежа. А подсчитали господа – «демократы» во что это обходится стране? Вместо того, чтобы производить, миллионы людей, отторгнутые от этого производства, пустились в перепродажу, то есть занялись спекуляцией. Это государственный подход, это достижение?

Советская власть проблему наполнения прилавков продуктами и товарами методом шоковой терапии могла давно решить, но этого не делала, понимая, что от неё пострадает подавляющее большинство населения страны. К объективным трудностям в сфере снабжения, которые сложились в восьмидесятые годы, противники социализма добавили искусственно созданные, вызвали в стране дефицит товаров и продовольствия, породили очереди на всё и вся, создали атмосферу всеобщего недовольства. Люди старшего поколения помнят, что до перестройки трудности в стране со снабжением были, но дело до очередей не доходило. На прилавках магазинов изобилия не было, но у кого в холодильнике было пусто? Дефицит и очереди создавались теми, кто целенаправленно готовил общественное мнение на смену политического строя в стране. Сами совершили подлость, и до сих пор обвиняют в пресловутых очередях Советскую власть. Давайте будем разбираться в этих тонкостях содеянного противниками социализма.

4. Нас пугают тем, что если коммунисты придут к власти, то в стране начнётся хаос. Как будто сейчас мы живём в стабильной обстановке! Хаос — это когда идёт война, когда останавливаются предприятия, когда миллионы людей отторгаются от производства, когда люди живут в атмосфере систематического повышения цен, когда у них нет уверенности в завтрашнем дне, когда одни неимоверно богатеют, а другие, по этой причине, катастрофически нищают. Хаос — это когда во всех сферах общественной жизни бал правят нечестные люди, проходимцы и ловкачи, когда общество захлестнула небывалая преступность, захват заложников, террористические акты. Всё это — реальность сегодняшнего дня.

Можно ли хаос сделать большим, чем он на самом деле есть сейчас? Можно ли разваливать дальше то, что уже развалено в сфере экономики, духовной жизни, безопасности страны, правопорядка? Можно! Если у власти останутся те, кто этот хаос создал и не в состоянии его преодолеть.

Коммунисты же хотят вывести страну из этой безбрежной вседозволенности, в атмосфере которой хорошо живётся только тем, кто умеет ловить рыбку в мутной воде.

5. Нас попугивают тем, что с победой коммунистов на выборах в стране начнётся демократический откат. Что можно сказать по этому залпу. До перестройки я жил в стране более демократичной, чем в той, в которой живу сейчас. Да, тогда были ограничения, может быть с позиций сегодняшнего дня, и не все они оправданы. Жить в обществе и быть свободным от него — нельзя. Не мною это сказано. При социализме были ограничения, но они касались ничтожного меньшинства во имя значительного большинства.

Сегодня всё наоборот. Запрет КПСС в условиях только-только народившейся многопартийности — это не ограничение свобод миллионов? Закрытие левой прессы — это демократический акт? Недопущение на телевидение лидеров оппозиционных партий — это свобода слова? А если их эпизодически и допускают, то всякие сванидзе, киселевы и карауловы учиняют им настоящий допрос, искажают ими сказанное, сопровождают унизительными комментариями.

А отстранение армии, этого главного политического инструмента, от политической жизни страны? А оттеснение оппозиционной интеллигенции от СМИ? Нет смысла перечислять дальше и приводить примеры «демократических свобод» в стране при нынешнем режиме. Сегодня у нас

свободен тот, кто трубадурит в поддержку тех сил, которые давят свободу большинства.

6. Теперь о главном залпе антикоммунистической пропаганды, о возможности гражданской войны. Правда, при В.В. Путине этот тезис несколько приглушен, но уверен: как только власть почувствует, что может проиграть, его вновь пустят в ход. При этом обязательно вспомнят революцию и гражданскую войну.

Великая Октябрьская социалистическая революция победила хотя и силой оружия, но практически бескровно — погибло всего шесть человек. Это надо было уметь сделать! Революция отвоевала Россию у богатых для бедных, то есть у меньшинства для большинства.

Что же касается гражданской войны, то её в 1918 году развязали не большевики, а те, кто в революции потерял богатство, добытое за счёт эксплуатации народа. Именно эти силы стали на путь вооружённой борьбы, причём, призвали себе на помощь зарубежных интервентов. Вот, правда! Так что пугать людей далёким прошлым, искажая его, не стоит.

Теперь о возможности гражданской войны сегодня. Весь вопрос в том, кто эту войну способен развязать. Конечно же, намёк на коммунистов. Но они, в условиях капитализации страны, будучи противниками этого строя, к оружию ни разу не призывали. И тогда, когда на первых президентских выборах победил Ельцин, и когда он силой оружия устранял парламент, и когда угрозами и расправами ликвидировал Советскую власть на местах. Не было призыва к оружию и после всех думских выборов.

Коммунисты идут на выборы, чтобы через голосование, оружием бюллетеня выявить мнение большинства, чтобы победить в открытой борьбе через избирательные урны. И если они проиграют, то к оружию призывать не будут, но политическую борьбу продолжат.

А вот если коммунисты выборы выиграют и придут к власти, то зачем им гражданская война? Что же имеют в виду те, кто пугает народ гражданской войной. Вероятно только то, что если коммунисты придут к власти законным путём, то возрождающийся класс капиталистов без боя не уйдёт и развяжет гражданскую войну. В таком случае нынешнему режиму и стоящему за ним капиталу надо бы говорить прямо: если вы, коммунисты, придёте к власти на основе законных выборов, то мы всё равно уберём вас силой. Опыт у нас есть, не забывайте октябрь 1993 года.

Но сказать так — заведомо проиграть выборы. Поэтому угрозу возможной гражданской войны надо свалить на коммунистов. Да, коммунисты стремятся к власти, но не через гражданскую войну, а на основе выборов. Да, одержав победу, будем демонтировать возводимый фундамент капитализма законным путём, точно так же, как его сейчас возводят на основе указов Президента, постановлений правительства и законов федерального собрания. Если же политические оппоненты возьмутся за оружие, проигнорировав мнение большинства, то это будет их выбор.

Вот такие тяжеловесные снаряды нет-нет, да выпускает многочисленная пропрезидентская рать и подручные ей СМИ, поддерживая нынешний режим, стараясь обеспечить ему победу в предстоящих выборных кампаниях. Мы вправе ожидать усиления этого артобстрела. Но надо не только ожидать, надо усиливать контрпропагандистскую работу, грамотно и убедительно разоблачать эти пропагандистские уловки, разъяснять людям, что нынешний режим добывал свою власть обманом, насилием и пропагандистским туманом, а сегодня такими же методами старается её удержать.

Уважаемый Роберт Искандерович!

Внимательнейшим образом прочитал Вашу статью «Нельзя прожить без правды сущей...». Она посвящена главным образом национальным вопросам и межнациональным проблемам. Авторские рассуждения подкупают своей аналитичностью, точными и выверенными выводами, доходящими порой до афоризмов. Однако есть много спорных вопросов. По принципиальным из них, если Вас, Роберт Искандерович, это интересует, могу высказать свою точку зрения.

Сразу оговорюсь: я — интернационалист. В друзьях и товарищах, с которыми я общаюсь, главное для меня не чисто национальные признаки (язык, характерный внешний вид, привычки, традиции), а исключительно человеческие качества (жизненная позиция, чувство товарищества, стремление прийти на помощь, постоянство в убеждениях и пр.). У меня был друг аварец. По только что перечисленным человеческим качествам он, среди многих русских, был всегда на первом месте.

Теперь по существу.

Вызывает, по меньшей мере, удивление Ваша фраза: «Конечно, отказ от догматической версии марксизма позволил продвинуться вперёд в понимании общественных и экономических явлений». О каком догмате марксизма идёт речь? О какой его версии? Судя по фразе, речь идёт не о каком-то одном постулате, а об учении в целом.

Неужели в вашем понимании это догмат? Неужели от этого догмата отказались все? Может быть, отказались только те, кто страшится марксизма и для этого превращает его в догмат? Получается, что отказ от социалистической идеи под флагом «догматической версии», «позволил продвинуться вперёд в понимании общественных и экономических явлений»? Где Вы это увидели? О каком продвижении вперёд в сфере общественных явлений идёт речь? Может быть, в войнах между Арменией и Азербайджаном, Грузией и Абхазией, Россией и Чеченской республикой? Но ведь Вы в этой же статье совершенно справедливо говорите о том, что их «под фла-

гом защиты нации» развязали «негодяи». О каком продвижении вперёд в сфере экономических явлений идёт речь? Может быть, об ограблении большинства меньшинством? Но ведь Вы и это правильно осуждаете.

В вашей весьма тонкой фразе — «Помните, нам внушали: религия — это пережиток — чувствуется осуждение. Осуждение той политики, которую государство в советское время проводило по отношению к церкви. Религия — это больше, чем пережиток, это невежество, это мракобесие. Уж кто-кто, а человек, занимающийся наукой, это должен понимать лучше других. Не стоит ли взять в пример вашего деда, который, как Вы сами рассказываете, получив образование, утратил веру в бога? А ведь он, судя по всему, получил не высшее образование.

Очень трудно понять смысловую связь между такими двумя, следующими друг за другом, фразами: «выпячивание одних национальных проблем на фоне замалчивания других» и «крымских татар, немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, балкар, карачаевцев — вех поголовно — выселили из родных мест, в результате многие погибли».

Если «замалчивание» относится к проблеме переселения, то какое уж тут со стороны очернителей прошлого замалчивание? Здесь крики и вопли, потоки речей, статей и целых монографий. Вот какой И.В. Сталин, вот какая советская власть, вот что творили — поголовно выселяли целые народы! Нельзя исторические факты вырывать из тех процессов в стране, в обществе, в которых они совершались. Нельзя их подавать в «голом виде», не отвечая на вопросы, почему и во имя чего это делалось.

Проблема переселения возникла не беспочвенно. Это был февраль 1944 года, освободительная война ещё не перешагнула границ Советского Союза, Красной Армии ещё предстояло провести ряд наступательных операций, чтобы окончательно очистить страну от фашистских захватчиков. В числе ближайших из них была операция по освобождению Крыма.

Как это ни прискорбно, но Великая Отечественная война породила не только героических защитников своего Отечества, но и предателей. Этим позорным явлением были «помечены» все нации Советского Союза, в том числе и русская. Были они и среди чеченцев, ингушей, карачаевцев. Целые дивизии чеченцев и ингушей во главе с комдивами, полностью экипированные, переходили на сторону противника. Многочисленные отряды боевиков орудовали в горах, нападали на тыловые гарнизоны Красной Армии, охотились на военнослужащих, работников НКВД, жестоко карали их.

В городах, селениях и аулах они имели материальную подпитку. Это была «пятая колонна» в тылу Красной Армии. Когда замалчиваются подобные факты, когда переселение подаётся в отрыве от них, тогда в головах у обывателя и формируется мнение о тоталитарном режиме, о зверствах, ущемлении национального достоинства и т.п.

Чтобы успешно, с наименьшими потерями, провести Крымскую наступательную операцию, необходимо было перекрыть кислород этим бандформированиям, оборвать их подпитку через родственников, знакомых и сочувствующих. Именно во имя этого и была проведена операция по переселению. Она потребовала колоссальных финансовых затрат и отвлекла от фронта огромные материальные ресурсы. Но зато были спасены жизни тысяч воинов. Вот почему и во имя чего была проведена эта операция. Что в то суровое время руководству страны нечем было заниматься, как только тем, что переселять безвинные народы вглубь страны?

О правоте той акции говорят события, связанные с Чеченской республикой уже в новейшей истории России. Предательство значительной части чеченцев в годы Великой Отечественной войны через полвека относительно мирного сосуществования вылезло наружу в виде сепаратизма. Но тогда И.В. Сталин, стремясь обезопасить тыл Красной Армии, переселением спас тысячи советских солдат и офицеров, теперь же против чеченского народа развязана настоящая война, в которой погибли и продолжают гибнуть тысячи солдат и офицеров. А сколько погибло и ещё погибнет самих чеченцев! Но И.В. Сталин — тиран и деспот, а Б.Н. Ельцин, развязавший войну, наделён такими привилегиями, которых в России ни у кого и никогда не было. А В.В. Путин вот уже несколько лет «мочит в сортире» чеченцев и ходит в высоких рейтингах. Воистину: политика — грязное дело. Но это тогда, когда она делается грязными руками и во имя грязных целей.

Зря Вы, Роберт Искандерович, вините своих родителей в том, что ваши младшие братья плохо владеют родным языком, ведь они живут и работают в Москве, их на 99 % окружают люди, говорящие на русском, они ведут занятия на русском, для общения на своем родном языке у них совершенно нет условий. И Вы плохо владели бы своим родным, если бы не пожили несколько лет с бабушкой в Уфе. И я бы плохо владел русским, если бы жил среди тех, кто на нём не говорит. Ничьей вины тут нет, это естественный процесс. Да вы сами об этом говорите, заметив, что «по своим культурным и гражданским идеалам в большей степени стал русским». И Вы

правы в том, что «нельзя навязывать изучение языков и использовать административное принуждение в этой сфере». Значит надо отдаться этому естественному процессу.

Я долго осмысливал фразу о том, что Вы «ощущаете себя и татарином, и башкиром, и русским». Пытался пропустить эти ощущения через себя, но ничего не получилось. А потом вдруг меня осенило: это же тот вывод, который лет тридцать назад был сделан на основе развития межнациональных отношения и сближения наций в Советском Союзе: в стране сложилась исторически новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ. Уверен: если бы не эта насильственная временная пауза в поступательном развитии социалистических отношений в Советском Союзе этот вывод с каждым годом находил бы всё новые и новые подтверждения, и до войны против чеченского народа дело не дошло бы.

Нельзя, Роберт Искандерович, согласиться с Вашим мнением о причинах развала Советского Союза. Вы пишите, что «в сознание интеллигенции внедрена мысль, что СССР развалили союзные республики», что это произошло из-за «стремления России, а не республик к суверенитету». Давайте поставим в этом вопросе всё на место: одной из причин развала великой державы стал республиканский национализм, в это грязное дело внесла свою долю каждая республика, а точнее — руководство каждой республики. Речь может идти только о степени этой доли. По этому критерию я бы поставил на первое место Россию, затем Прибалтийские республики, Украину, Белоруссию (особенно западные районы последних двух) и т.д. Вы трижды правы, когда в развале СССР вините Россию во главе с Б.Ельциным. Выступая против пресловутого Центра, он стал закопёрщиком этого гнусного дела. Но выводить из этого процесса за скобки другие республики СССР — это ошибка.

В этом же разделе «О федерализме в России», говоря о заработной плате, налогах и т.п., Вы пишите: «Страна пока не может позволить себе обеспечивать огромные доходы такого большого количества миллиардеров и миллионеров, которым надо умерить аппетиты». Роберт Искандерович, вдумайтесь в свою фразу! Да вы просто согласны с тем, что в стране существуют миллиардеры и миллионеры! Ну, зачем Вы вставили это слово «пока»? Ну, зачем Вы завершили фразу словами «умерить аппетиты»? Страна (читай — народ) не может мириться с наличием в ней олигархов, на их аппетиты нужны не ограничения, а полный запрет.

От содержания Вашей статьи веет стремлением сохранить всё как есть. Тут я немножко категоричен, кое-что Вы всё-таки предлагаете изменить. Но не главное. Вот Ваши некоторые фразы: «умный бизнес», «нужно больше брать с богатых, а не с бедных», «вековой опыт России свидетельствует, что насилие и восстания ведут к разрушениям» и т. п. Этот мой вывод подтверждает и концовка статьи.

Вопреки М. Ломоносову, который «за общую пользу… и против отца своего родного восстать за грех» не считал, Вы, Роберт Искандерович, пишите, что «против отца своего восставать не надо, своему народу и правительству нужно объяснять суть вещей — терпеливо, предметно, принципиально». И далее: «Мы должны полагаться на правду, на любовь к родине (какой родине?), на веру в умных, энергичных и предприимчивых граждан из своего народа, в том числе и из научной среды».

К чему привели эти умные, энергичные и предприимчивые из народа, в том числе и из научной среды, сегодня очевидно для всех. Кто-то это приветствует, кто-то с этим смирился, кто-то хочет лишь подкрасить фасад. Я же в этом деле, вместе с М. Ломоносовым: за общую пользу можно восстать и против отца своего.

Всего Вам доброго, Роберт Искандерович, с уважением — А. Сергиенко, председатель Совета Белгородского отделения РУСО, кандидат исторических наук.

О сталинских пряниках

Чего только и кого только не оболгали за последние годы доморощенные антисоветчики, касаясь темы Великой Отечественной войны! Кому тут только не доставалось! И советской власти вообще, и Ставке во главе с И.В. Сталиным, и отдельным сражениям, и маршалам и рядовым, которые совершали яркие, не характерные для других армий, подвиги.

А газетёнка «Версия», готовясь к 60-летию Победы и дабы отличиться пооригинальней, удивила больше всех. В № 3 (21-30 января 2005 года) она поместила статью «Бухгалтерия победы» с подзаголовком «Ненависть наших солдат к врагу щедро оплачивалась. За подбитый танк давали 500 рублей, за самолёт — 1000». Как водится, дополнительное разъяснение «сенсационного» материала даётся во врезке. Из неё, что говорится, и одной фразы не выбросишь:

«Этим материалом «Версия» открывает цикл публикаций, посвященных 60-летию победы в Великой Отечественной войне: в них мы будем рассказывать о тех слагаемых триумфа, о которых ещё недавно говорить было не принято. Наша первая публикация посвящена финансовому стимулированию советских солдат. По понятным причинам эта тема не находила серьёзного отражения в советской литературе и кино, ведь подвиг и деньги — понятия не совместимые. Посему неудивительно, что дензнаки на фронте не были пустой формальностью, а история финансовой работы во время войны изобилует весьма интересными подробностями. В нашем распоряжении оказались уникальные архивные документы, а также воспоминания непосредственных участников Второй мировой (не лучше бы Великой Отечественной? — А.С.) войны».

Прочитаешь подобные строчки и обязательно подумаешь: а не вражья ли это газета? А автор-то кто? Уж точно оттуда! Да нет. И газетка вроде своя. И автор вроде из здешних. Оказывается, ещё совсем недавно говорить об этом, было совсем не принято, и вот якобы в распоряжении

редакции оказались уникальные архивные документы. Как газете и автору статьи В. Саранову хотелось стать первооткрывателями! Как хотелось, позабыв о Х. Колумбе, заново открыть Америку! Но тут, извините, произошёл загиб. Ещё в 1967 году, на основе архивных документов авторский коллектив Военного факультета при Московском финансовом институте под руководством генерал-полковника интендантской службы В.Н. Дутова выпустил у н и к а л ь н у ю монографию «Финансовая служба Вооружённых Сил СССР в годы войны». Получив инъекцию от прочитанной статьи, беру книгу с полки.

Надо сказать, что цифровая фактура статьи подана без ошибок, так, как она отражена в книге. И если бы из публикации убрать ядом дышащий заголовок, подзаголовок и отдельные фразы автора, то в целом материал получился бы неплохой, с хорошим информационным зарядом о малоизвестной странице военной истории. Он мог бы стать ещё одним ярким доказательством преимуществ социалистического строя в деле мобилизации финансово-экономических возможностей страны на разгром врага. Но такую цель ни автор, ни редакция газеты перед собой не ставили. Задача у них была совсем иная. Об этом говорят даже заголовки разделов статьи.

Вот один из них: «Деньги получали *даже* (выделено мной. — А.С.) партизаны». Слово «даже» здесь выражает что угодно, только явно не удовлетворение автора. Вот как он начинает свои рассуждение на эту тему: «И всё же военным финансистам пришлось немного поломать голову. Например, было не совсем понятно, по каким нормам выплачивать денежное довольствие народоополченцам».

Что же тут непонятного? Ведь даже невоенному человеку, очевидно, что такие формы вооружённой борьбы, как народное ополчение и партизанское движение, порождаются только самой войной и для мирного периода функционирования армии не характерны. Военным финансистам «голову ломать» не нужно было, им нужно было лишь определить нормы финансового довольствия этим категориям защитников Родины, и отразить их в соответствующем законодательном акте. Что и было сделано постановлением ГКО уже 10 июля. За лицами, вступившими в народное ополчение, сохранялся средний заработок или стипендия, которые высылались предприятиям и учреждениям по указаниям ополченцев их семьям.

Говоря о денежном довольствии партизан, автор статьи правильно освещает цифровую сторону проблемы. Но затем: **«Невольно на**-

прашивается вопрос: а что делали партизаны с советскими рублями на оккупированных немцами территориях? Ответ прост — ничего: деньги за них по доверенности получали родственники в тылу. Если же их не было, то причитающуюся сумму партизан получал после возвращения из отряда. Понятно, что учесть всех бойцов было невозможно: из казны платили лишь тем, кто числился в специальных списках Центрального штаба партизанского движения».

Что же в этом деле непонятного? То, что государство вообще платило партизанам? Этого не следовало делать? Если речь идёт о несовершенстве учёта, то, вероятно, такие факты имели место. Однако ни каких специальных списков в ЦШПД не было.

Дело обстояло несколько иначе. Вопрос об удовлетворении партизан и их семей денежным довольствием был решён рядом постановлений СНК и ГКО. Пособие назначалось фронтовыми штабами партизанского движения. Каждый партизан имел право выдать доверенность на получение своего пособия полностью или частично семьёй или другими лицами по его усмотрению. Списки семей и доверенных лиц высылались фронтовыми штабами партизан в райвоенкоматы, которые и производили выплату. Однако не все партизаны имели семьи или их местонахождение на данный момент не было известно. Некоторые партизаны изъявляли желание получать пособия лично после возвращения из партизанского отряда или после розыска семьи. В таких случаях пособие выплачивалось любым райвоенкоматом по распоряжению Центрального штаба партизанского движения. Списки этих лиц высылались штабами немедленно по сформированию отряда.

Главный раздел статьи озаглавлен так: «Сталинские пряники». Оказывается, были не только сталинские репрессии, но и пряники. Думаю, всем понятно, что автор статьи употребляет слово «пряники» явно с издёвкой, отчего оно, это слово, приобретает далеко не сладкий вкус. Вот рассуждения Саранова на эту тему:

«И всё же, пожалуй, самой любопытной и малоизвестной стороной финансовой работы в Советской армии стали так называемые добавочные выплаты, а особенно выплата «премий за результаты боевой работы». Вопрос этот весьма тактично обойдён в советской художественной и исторической литературе: похоже, для того, чтобы у обывателей не сложилось впечатления, что ратные свершения бойцов

двигала не ненависть к врагу и стремление защитить Родину (удивительно: с прописной буквы! — А.С.), а меркантильный интерес. А между тем этот пресловутый интерес был».

Думается, что факт «премий по результатам боевой работы» для автора статьи и впрямь любопытный, ибо любопытным может быть только то, чего не знаешь. Для тех, кто воевал и для их семей, «премии» не были секретом. А это миллионы советских людей. Выплата вознаграждений, то бишь, пряники, не были секретом и для тех, кто изучал и изучает войну по архивным документам. А через Центральный архив Министерства Обороны СССР (РФ) в городе Подольске в послевоенный период прошли десятки тысяч исследователей. Как один из них могу сказать: документы авиации дальнего действия (АДД) изобилуют такими финансово-поощрительными приказами сплошь и рядом.

Вот некоторые примеры. В августе 1941 года несколько групп экипажей советских ВВС осуществили полёты на Берлин. По итогам бомбардирования столицы фашистской Германии группой майора В.И. Щелкунова (за эти полёты ему присвоено звание Героя Советского Союза) командир 40-й авиадивизии издал приказ № 08 от 1 сентября 1941 года. Один из его пунктов гласил: «Командирам 68-го и 67-го батальонов авиационного обслуживания произвести выплату денежного вознаграждения, согласно приказу НКО № 0299 от 19 августа 1941 года» (ЦАМО, ф. 7-го дбап, оп. 393840, д. 2, л. 8).

Вот ещё один приказ по этой авиадивизии от 8 февраля 1942 года: «В соответствии с приказом НКО СССР № 0299 объявляю список личного состава частей 40-й авиадивизии на получение денежных вознаграждений за произведённые 100 полётов без лётных происшествий, поломок и аварий». И далее идёт внушительный поимённый список.

Не могу говорить за всех писателей и историков по теме Великой Отечественной войны, скажу лишь за себя. Действительно, во всём, что написано мной по истории АДД, нет ни одной ссылки на какой-либо поощрительный приказ. И не потому, что я «тактично обходил» этот вопрос, дабы у «обывателей не сложилось впечатление, что ратными свершениями бойцов двигал... меркантильный интерес». Нет! Просто мне в голову никогда не приходила подобная дикая мысль.

Вот что по поводу «премий» писали составители монографии «Финансовая служба Вооружённых Сил СССР в период войны» в разделе «Добавочные виды денежного довольствия»:

«Любовь к Родине и жгучая ненависть к фашистским захватчикам вели в бой советских воинов. Не о себе думали они в тот период, а о свободе и независимости Родины, о великом советском народе, о социалистическом государстве, которому грозила смертельная опасность. Родина, советский народ, социалистическое государство на эту преданность и любовь своих сынов-воинов отвечали взаимной любовью, заботой и вниманием. Высокое сознание ответственности за судьбы Советской Родины и советский патриотизм воинов армии и флота дополнялись моральными и материальными стимулами. За ратные подвиги воины награждались правительственными наградами, им выплачивались денежные премии». (Финансовая служба Вооружённых сил СССР в годы войны. — С. 205—206).

Сказано немножко высокопарно, но зато верно. Введение добавочных видов денежного довольствия способствовало улучшению материального положения военнослужащих и их семей. Большая часть из них через государственные займы, фонд обороны и денежно-вещевые лотереи возвращалась в государственную казну. Денежные вознаграждения за отдельные достижения в боевой деятельности связывали интересы защиты Родины от немецко-фашистских захватчиков с личными интересами воинов Красной Армии. Щедро оплачивалась не ненависть наших солдат к врагу, а та массовая жертвенность советских людей, которую они проявляли на поле брани во имя защиты своей социалистической Родины.

Почему поощрительный характер денежного довольствия вызвал у автора статьи и редакции ёрничество и негативную реакцию? Что этого не следовало делать? А как быть с ранеными, ведь они, находясь в госпиталях, были на полном государственном обеспечении? И им платили. Раненым и больным военнослужащим, эвакуированным из действующей армии, выплачивались должностные оклады по последней занимаемой должности впредь до нового назначения или увольнения из кадров Красной Армии по состоянию здоровья. А может быть, следовало вообще лишить личный состав армии всякого денежного довольствия, перевести это дело на рельсы «голого патриотизма»?

Наоборот, советское государство в годы войны не только вводило поощрительные денежные выплаты за конкретные достижения в боевой деятельности, но и систематически совершенствовало всю систему окладов содержания. В связи с этим заголовок статьи «На фронте платили по нормам мирного времени» — это чистейшей воды враньё. Обычно врут в трёх случаях: перед свадьбой, во время войны и после охоты. Оказалось, что врут и после войны. Да ещё как!

В монографии по этому поводу сказано: «Совершенствованию Вооружённых Сил способствовала гибкая тарифная политика, проводившаяся в период войны Советским правительством. Она позволяла так построить денежное содержание военнослужащих, чтобы оно максимальным образом стимулировало повышение воинского мастерства всеми военнослужащими и тем содействовало разгрому противника. Важнейшей особенностью политики партии и правительства в области денежного довольствия военнослужащих являлся её поощрительный характер». (Там же. — С. 198).

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 года, Финансовым управлением НКО были даны указания о том, что денежное довольствие личного состава Красной Армии в военное время выплачивается по нормам мирного времени. Они касались и лиц, призванных из запаса и добровольцев. Это была отправная точка финансовой политики советского государства по отношению к людям в военной форме. В дальнейшем, в связи с развитием военных действий на фронтах, оснащением войск новой боевой техникой стали возрастать роль и значение отдельных родов войск и даже отдельных воинских специальностей. Финансовое управление НКО оперативно реагировало на эти изменения и в целях повышения качества боевой работы устанавливало повышенные должностные оклады в наиболее эффективных видах Вооружённых Сил.

Как известно, превосходство немецкой армии по танкам в первый период войны было значительным. Каким образом можно было изменить это неприятное для Красной Армии соотношение сил? Двумя путями: увеличением производства танков (что и делалось) и более эффективным уничтожением техники самого противника.

Чтобы успешнее решать эту вторую задачу, в армии стали создавать специальные противотанковые полки, дивизионы и батареи. А чтобы стимулировать службу личного состава в этих подразделениях повышен-

ного риска с июля 1942 года для начальствующего состава были установлены полуторные, а рядовому и младшему начальствующему составу — двойные оклады денежного содержания.

Или взять ВВС. С августа 1941 года были установлены повышенные, по сравнению с довоенными, оклады денежного содержания, которые дифференцировались по родам авиации. С октября 1942 года оклады лётному составу разведывательной авиации были установлены в среднем на 40 % выше, чем в ближнебомбардировочной авиации. Когда в марте 1942 года из ВВС была выделена авиация дальнего действия, учитывая специфику дальних полётов, в мае 1943 года денежное содержание лётному составу было повышено на 30 %, а инженерно-техническому — на 15 %.

Или взять поощрение частей и соединений, особо отличившихся в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Когда 18 сентября 1941 года четыре стрелковые дивизии были преобразованы в гвардейские, всем офицерам этих соединений была установлена выплата полуторных, а рядовым — двойных окладов. А установление более высоких окладов десантникам с сентября 1941 года, личному составу железнодорожных частей, занятых в восстановительных работах с января 1942 года, снайперам с мая этого же года. В соответствии с постановлением ГКО от 11 января 1942 года повышен оклад денежного содержания командирам и военным комиссарам дивизий на 37,5 %, бригад — на25 %, полков — на 44 %. С августа 1943 года повышались оклады денежного содержания профессорскопреподавательскому составу ВВС Красной Армии. Постановлением ГКО от 13 марта 1944 года повышались оклады личному составу авиашкол АДД, непосредственно обучающему переменный состав ночным полётам.

Это перечисление «сталинских пряников» можно продолжить. Только не пряники это были, а жизненно-важная забота советского государства о тех, кому выпала смертельно-опасная доля в деле защиты своего Отечества, своей семьи, своего дома и в конечном итоге самого себя. Авторы монографии резюмировали: «В целом установление более высоких окладов денежного содержания военнослужащих отдельных родов войск, видов оружия и специальностей сыграло положительную роль, так как подчёркивало особое значение этих родов войск, видов оружия и специальностей в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, серьезно стимулировало службу этих военнослужащих и выражало

большое внимание и заботу партии и правительства о защитниках нашей Родины». (Там же. — С. 202-203).

Кстати, в годы Второй мировой войны материальным стимулированием занимались государства многих воюющих стран и ничего предосудительного здесь нет. Мы должны удивляться не тому, что советское государство платило за подбитый танк или сбитый самолёт, а тому, что оно считало своей обязанностью это делать и изыскивало на решение этой проблемы дополнительные средства. В этом проявилось преимущество советской системы хозяйствования.

Что бы кто-то не подумал, что это агитка из советского прошлого, приведу пример из истории Первой мировой войны. Работая совсем недавно в Российском государственном военно-историческом архиве, заинтересовался одним документом. 17 января 1916 года Николай II утвердил под председательством великого князя Михаила Александровича Георгиевский комитет, имеющий целью попечение о Георгиевских кавалерах и их семействах. К концу 1916 года число лиц, награждённых Георгиевскими крестами, превысило 1 миллион человек. Предполагалось, что к концу войны это количество может утроиться. Вместе с семьями общее число подлежащих попечительству могло достичь 12-15 миллионов человек.

В объяснительной записке по проекту Положения Георгиевского комитета отмечалось: «А между тем нынешняя война предъявила к русской государственной казне неслыханные требования, которым в настоящее время конца не видно. В роспись на 1917 год для уплаты процентов по государственному долгу внесена небывалая сумма в 700 миллионов рублей. Что же будет после войны? Очевидно, что о крупных казённых ассигнованиях на призрение Георгиевских кавалеров и их семейств не может быть и речи. Скорее можно предположить, что после войны начнётся урезание всех казённых отпусков, что уже и началось в настоящее время. Так, например, министерство финансов уже возбудило вопрос об отмене действующего закона относительно одновременной выдаче пенсий по Георгиевскому кресту и Георгиевским медалям» (РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2717, л. 19).

Каков же выход? Ответ дан в той же объяснительной записке: «Если казна не может дать комитету средства, а он в них нуждается, то ясно, что эти средства должны быть взяты из другого источника,

именно из того, откуда черпает свои средства сама казна, то есть от всего русского народа» (Там же, л. 20).

Комитет и был создан, для того, чтобы бремя расходов с государственной казны взвалить ни «могучие» плечи русского народа. Мне могут возразить: а советская власть тоже одной рукой давала, а другой, через Фонд обороны, забирала. Советская власть чтобы взять, да и не всё полностью, вначале давала, а уже потом, да и то по добровольному принципу, забирала. А комитету надо было вначале обобрать народ, а уже потом ему дать.

Поражает и постскриптум статьи. В нём говорится о том, что финансовая работа в действующей армии не обходилась без серьёзных срывов. Это как бы рефрен деятельности финансовой службы Красной Армии, выполнявшей решения ГКО и правительства по материальному стимулированию боевой деятельности личного состава. Конечно же, без срывов в таком масштабном деле как многогранное денежное довольствие миллионов людей не обходилось. Однако ж не такой должна быть концовка статьи, открывающей цикл публикаций, посвященных 60-летию ПОБЕДЫ в Великой Отечественной войне. Но что это я, право. Ведь замысел у редакции и автора был совсем иной. Название статьи и её подзаголовок, содержание статьи и название разделов, смысл врезки и постскриптума не воздают должное титаническому труду финансовой службы по обеспечению личного состава Красной Армии всеми видами денежного довольствия, не возвеличивают нашу Победу, а принижают и охаивают.

Редакция газеты «Версия» и автор статьи Вадим Саранов своими рассуждениями о том, что «на ратные свершения бойцов двигала не ненависть к врагу и стремление защитить Родину, а меркантильный интерес» оскорбили всех, кто с оружием в руках защищал Родину в годы Великой Отечественной войны — павших, ушедших из жизни в послевоенный период и ныне живущих. От имени всех хочу ответить им словами К. Симонова: «Примите же в конце от нас презренье наше на прощанье. Не уважающие вас покойного однополчане». Честь имею!

Проблемы и трудности в деле становления военного сотрудничества между СССР и Югославией в годы Второй мировой войны

Военные отношения между СССР и Югославией породила Вторая мировая война, она же и создала определённые трудности на пути их становления и развития. Ещё до начала фашистской агрессии в Европе югославские правительства, стремясь связать судьбу страны с Германией и Италией, проводили, как во внешней, так и во внутренней жизни, профашистскую политику. Итальянская агрессия против Албании, германская против Польши не встретили осуждения и протеста со стороны правительства Д. Цветковича. Против антинародного внешнеполитического курса правящих кругов Югославии выступила только КПЮ.

Тот факт, что в трудный период югославской истории в стране существовала достаточно влиятельная и авторитетная коммунистическая партия, во многом предопределил исход борьбы югославского народа против иностранных захватчиков и внутренних предателей родины. Как любая коммунистическая партия, КПЮ видела свою главную цель в построении более справедливого, отвечающего интересам большинства, общественно-политического строя. В этом отношении Советский Союз, как первое в мире социалистическое государство, для югославских коммунистов являлся тем обществом, «к которому, как отмечалось в воззвании ЦК КПЮ к трудовому народу Югославии в апреле 1941 года, — уже много столетий стремится многострадальное человечество». (Отношения России (СССР) с Югославией 1941—1945. Документы и материалы. Далее: «Отношения России...».—М, «Терра», 1998.—С. 36). В связи с этим ориентация КПЮ на СССР в период её относительно мирной жизни и деятельности была вполне естественной. В условиях же надвигающейся опасности Советский Союз стал не только примером для подражания, но и надеждой на защиту. Стремление к ориентации стало перерастать в стремление к солидарности.

Курс югославского правительства на связь с блоком фашиствующих в Европе государств и, в связи с этим, угрозу возможной потери национальной независимости, первыми в стране критически осмыслили коммунисты. В этот трагический для судеб югославского народа момент только КПЮ открыто выступила с решительным протестом против братания с агрессорами. 15 марта 1941 года, ещё до решения правительства по этому вопросу, ЦК партии в красноречивом по названию обращении к народу — «Против капитуляции — за пакт о взаимной помощи с Советским Союзом» — заявил: «...Мы, коммунисты, всегда подчёркивали, что единственное спасение независимости народов Югославии состоит в заключение пакта о взаимной помощи с великим и могучим Советским Союзом». (Там же. — С. 12).

Последующие события в Югославии показали, насколько были правы коммунисты, ориентируя народ на союз не с участниками Тройственного пакта, а с СССР. 25 марта Югославия присоединилась к этому агрессивному пакту. Открытое предательство национальных интересов вызвало в стране подъём антифашистского движения. Под давлением широких народных масс во главе с КПЮ 27 марта в Югославии произошла смена правительства. Однако немедленного разрыва с Тройственным пактом не произошло. В такой обстановке, буквально через два дня, на нелегальном совещании И.Б. Тито вновь ориентирует партийный актив: «...Нужно требовать союза с СССР, опоры на СССР, только он может помочь нашей стране и облегчить её положение» (Отношения России... — С. 468).

С удивительной оперативностью, не давая новому правительству опомниться, ЦК КПЮ 30 марта обращается к народу с новым воззванием, в котором, в частности, говорилось: «Смена правительства произошла, однако до сих пор ещё не видно заметных перемен в текущей внутренней и внешней политике. Новое правительство ещё не высказалось по вопросу о том, как оно будет относиться к Советскому Союзу, будет ли устанавливать тесные дружественные связи с этой могучей социалистической страной и заключит ли с ней пакт о взаимопомощи и расторгнет предательский и капитулянтский договор о присоединении к Тройственному пакту, являющийся позором для наших народов». (Там же. — С. 16, 17).

Твёрдая и целеустремлённая позиция ЦК КПЮ, ориентированная на солидарность с Советским Союзом, а не с блоком фашистских государств в Европе, позиция, поддержанная большинством народа, стала не послед-

ней причиной того, что уже через неделю после опубликования цитируемого воззвания в Москве между правительствами Югославии и СССР был подписан договор о дружбе и ненападении. Однако спасти Югославию от фашистской агрессии он уже не мог. Возможно, будь он подписан раньше, ещё до присоединения к Тройственному пакту, это и удалось бы сделать.

Судьба Югославии была предрешена: «Мартовские события изменили планы гитлеровской Германии в отношении Югославии. 27 марта 1941 года Гитлер утвердил директиву № 25 о нападении на Югославию, в которой говорилось: «Военный путч в Югославии вызвал изменения в политической обстановке на Балканах. Югославия даже в том случае, если она сделает заявление о лояльности, должна рассматриваться как противник, и поэтому её необходимо разгромить как можно скорее». (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. —М, Воениздат, 1972. — С. 202).

Надо отдать должное ЦК КПЮ. Тщательно анализируя обстановку в мире и особенно на европейском континенте, хорошо зная повадки своих буржуазных правительств, руководство партии отчётливо понимало, что фашистскому блоку, его агрессии может противостоять только одна сила—СССР. Только в союзе с ним можно сохранить свою независимость, уберечь народ от порабощения. Вряд ли в европейских странах в то время была другая коммунистическая партия, которая перед неминуемым вторжением врага так открыто и смело призывала своё буржуазно-монархическое правительство к союзу с первой в мире социалистической страной. Таким образом, КПЮ прозорливо предупреждала народ и правительство страны о катастрофических последствиях курса на связь с гитлеровской Германией, отказа от сотрудничества с Советским Союзом. В этом её историческая заслуга.

Ориентация КПЮ на Советский Союз, солидарность с ним ещё больше усилились после того, как Югославия 6 апреля 1941 года подверглась внезапному нападению. Это была так называемая Балканская кампания, в ходе которой, помимо Югославии, была завершена оккупация и Греции. Учитывая тот факт, что она подверглась нападению со стороны Италии раньше, можно резюмировать: Югославия стала последней жертвой фашистской агрессии в Европе. Овладев Балканским полуостровом, гитлеровская Германия создала южный стратегический плацдарм для планируемого нападения на СССР.

За период от начала агрессии до 22 июня 1941 года идея солидарности народов СССР и Югославии была выражена в трёх документах ЦК КПЮ. В предмайском воззвании к народу говорилось: «...в эти трудные дни многострадальное человечество устремило взоры к великой социалистической стране — Советскому Союзу, к надежде всех угнетённых и обездоленных». (Отношения России... — С. 36).

В начале мая ЦК провёл в Загребе совещание, на котором присутствовали представители всех югославских земель. В итоговом документе, отмечая факторы, которые влияют на «созревание революционной энергии масс», отмечалось, что одним из них является: «а) существование великой страны социализма и её огромный прогресс; б) миролюбивая политика Советского Союза, с одной стороны, и с другой — массовое уничтожение и разорение, которое несёт империалистическая война в капиталистическом мире». (Отношения России... — С. 37).

И третий документ. Это радиограмма Генерального секретаря КПЮ И.Б. Тито Исполнительного Комитета Коминтерна 13 мая: «Мы организуем боевые отряды, воспитываем свои военные кадры, готовим вооружённое население в случае нападения на СССР». (Там же. — С 38).

Анализ документов ЦК КПЮ за период, когда Югославия подвергалась со стороны фашистской Германии дипломатическому нажиму, а также за период, когда она стала жертвой её агрессивной политики, вплоть до начала Великой Отечественной войны, показывает, что руководство партии ориентировало правительство, общественность страны, широкие народные массы на установление с Советским Союзом дружественных отношений, видя в этом гарантию национальной независимости. Так в тяжёлое время для страны ЦК КПЮ закладывал первые камни на дороге солидарности с первой в мире страной социализма.

Нападение Германии на СССР ещё больше солидаризировало наши народы. Буквально спустя несколько часов после этого известия политбюро ЦК КПЮ провело заседание, на котором заявило, что наступил момент для начала вооружённой освободительной борьбы. В принятом воззвании к своим соотечественникам:

- говорилось о взаимосвязи советского и югославского народов в борьбе против общего врага: «Драгоценная кровь героического народа льётся не только во имя защиты страны социализма, но и за окончательное социальное и национальное освобождение трудящихся всего мира. Поэто-

му эта борьба является и нашей борьбой, которую мы должны поддерживать всеми силами и самой жизнью»;

- выражалась надежда, что на основе совместной борьбы многострадальная Югославия будет освобождена от оккупации и тирании: «Вы, стонущие под сапогом оккупанта, все вы, любящие свободу и независимость, не желающие фашистского рабства, знайте, что пробил час вашего скорого освобождения от фашистских захватчиков. Внесите и вы во имя этого свой вклад в борьбу за вашу свободу под руководством КП Югославии. Борьба Советского Союза есть и ваша борьба, поскольку он борется против вашего врага, под гнётом которого вы стонете»;

- указывалось, что необходимо делать для оказания помощи Советскому Союзу: «Мобилизуйте все свои силы против превращения нашей страны в базу снабжения фашистской оравы, которая как свора бешеных псов напала на Советский Союз, наше дорогое социалистическое отечество, нашу надежду и светоч, к которому с надеждой устремлены взоры измученных трудящихся всего мира. Работники железных дорог и других транспортных служб, боритесь против использования вас как средства для переброски смертоносного оружия и другого военного снаряжения, направленных для борьбы против Советского Союза и вас самих». (Отношения России... — С. 40, 41).

Информируя в конце июня 1941 года Исполком Коминтерна об этом документе, И.Б. Тито в радиограмме сообщал: «Партия выпустила воззвание по случаю нападения на СССР и призвала народ на борьбу против фашистской оккупации. Она дала директиву к массовому саботажу и направила партизанские отряды на уничтожение коммуникаций». (Там же. — С. 43).

Содержание документов говорит о том, что КПЮ, организовывая, в меру своих сил и возможностей, сопротивление оккупантам на своей территории, уже с первых дней Великой Отечественной войны начала оказывать советскому народу свою интернациональную помощь в борьбе против общего врага.

Солидарность с Советским Союзом была выражена и в воззвании ЦК Союза коммунистической молодёжи Югославии от 1 июля: «Молодое поколение трудового народа, не допускай того, чтобы хоть один миг лилась драгоценная кровь твоих советских братьев без твоего участия в борьбе против фашистского врага». (Отношения России... — С. 45).

12 июля, начиная осуществлять план вооружённого восстания, ЦК КПЮ в обращении к народам Югославии вновь выразил солидарность с борьбой страны Советов против фашистских захватчиков: «Рабочие, крестьяне и граждане Югославии! Давайте спросим себя, борются ли народы Советского Союза только за себя? Касается ли только их самих эта исполинская борьба против фашистских захватчиков? Нет, она касается и нас... Наша задача состоит в том, чтобы наш фронт, наша земля стали местом гибели фашистских захватчиков, а не базой снабжения фашистских орд на севере... Рабочие, крестьяне, граждане, молодёжь Югославии! В бой, поскольку пробил час сбросить ярмо фашистской оккупации. В бой, поскольку это — наш долг перед советским народом, который борется и за нашу свободу». (Там же. — С. 51).

Анализ этого блока документов показывает, что нападение Германии на СССР в одночасье соединило судьбы двух народов — советского и югославского. Оба они подверглись агрессии, у них был один общий враг и одни задачи в борьбе с ним. ЦК КПЮ сделал всё возможное, чтобы убедить широкие народные массы в том, что война СССР против агрессоров сливается с борьбой югославских народов, её необходимо всемерно поддерживать; победоносный разгром Советским Союзом Германии принесёт освобождение и Югославии.

Надо сказать, что поднять югославские народы на вооружённое сопротивление против оккупантов коммунистам Югославии удалось. Стержнем всех документов, обращенных к массам, стал призыв ЦК ПЮ к единению усилий двух народов в борьбе против общего врага, призыв к солидарности. «Наши бойцы — бойцы за свободу и братство югославских народов, — отмечал И.Б. Тито, — всегда ясно осознавали, что Отечественная война Советского Союза является одновременно и борьбой за освобождение всех порабощенных стран. Они сознавали, что их святой долг перед своим отечеством требует бороться плечом к плечу с Красной Армией». (Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. — М.: Госполитиздат, 1946. — Т. 2. С. 351).

Проведённый анализ документов показывает, что ЦК КПЮ стал призывать народы Югославии к солидарности с Советским Союзом с того момента, когда над страной нависла угроза оккупации, то есть за несколько месяцев до нападения Германии на СССР В связи с этим нельзя согласиться со следующим выводом авторов сборника документов «Отношения Рос-

сии…»: «Солидарность народов СССР и Югославии стала действенным фактором борьбы против фашизма с лета 1941 года, когда после нападения Германии 22 июня началась Великая Отечественная война Советского Союза, а в июле — вооружённое восстание в Югославии, превратившееся в подлинную войну против оккупантов». (Отношения России … — С. 7).

Это не совсем так. Первые призывы к солидарности двух народов прозвучали в марте 1941 года. С момента же начала Великой Отечественной войны и вооружённого восстания в Югославии, между нашими странами, отделёнными друг от друга обширным советско-германским фронтом, началось объективное военное сотрудничество. С одной стороны, оно выразилось в том, что активные боевые действия югославских партизан, заставлявшие врага направлять в Югославию всё большее и большее количество столь нужных для Восточного фронта дивизий, стали реальной помощью советскому народу в его борьбе против агрессоров. С другой стороны, отпор, который был оказан врагу на полях сражений на территории СССР в первые месяцы войны, создавал благоприятные условия для расширения освободительной войны югославских народов. Успехи Советского Союза непосредственно на поле брани, особенно после Московской битвы, стали самой существенной поддержкой движению Сопротивления в Югославии.

Следовательно, боевое сотрудничество между нашими странами восходит к самым первым дням агрессии фашистских государств против югославского и советского народов. Несмотря на тысячи километров, разделявшие армии двух стран, они, сражаясь против общего врага, стали объективными союзниками. В условиях отсутствия второго фронта в Европе, этот союз, с чисто военной точки зрения, бесспорно, имел огромное значение. В.В. Зеленин отмечал: «Боевое содружество Советских Вооружённых Сил и югославских партизан, взаимосвязь боевых действий на советскогерманском фронте и в оккупированной, но не покорившейся Югославии, материализовалась уже летом 1941 года, несмотря на территориальную разобщённость двух театров военных действий». (Зеленин В. В. Боевое содружество советского и югославского народов в годы второй мировой войны. В кн.: Освободительная борьба против фашизма. — М: «Наука», 1983. — С. 220).

Солидарность с Советским Союзом, стремление к военному сотрудничеству с ним отражены не только в документах, опубликованных в

последнее время, но и в более ранних сборниках. Так, ещё в 1949 году в Белграде увидел свет сборник документов об освободительной войне югославского народа, в котором отражено стремление КПЮ к союзу с советским народом. (16 Zbornik dokumenata i podataka o narodno-osloboditackom ratu jugoslovenskih narodo. — Beograd. — 1949. t. 1. [knj. 1].—S. 18-21).

В трудный период становления новой власти в Югославии советское правительство оказывало ей решительную политическую, моральную и пропагандистскую поддержку. Делать это было непросто, особенно в начале войны. Что же касается материальной поддержки вооружённой борьбы югославских народов, то дело тут обстояло намного сложнее.

Вполне естественно, что, находясь в стратегическом окружении, в глубоком тылу врага и ведя борьбу без всякой материальной поддержки извне, руководство НОД Югославии обращало свои взоры, прежде всего, к Советскому Союзу, надеясь получить от него хоть небольшую военнотехническую помощь. Просьбы о ней шли через Исполнительный Комитет Коминтерна. Однако от первых просьб до начала фактической военной помощи прошло два с половиной года. В чём причина столь длительной затяжки? Какой характер—политический или чисто технический — они носили? Ответ на эти вопросы представляется весьма актуальным, так как был период, когда в ряде исторических исследований он трактовался не совсем объективно.

На это указывает в своём исследовании Л.Я. Гибианский. Он, в частности, пишет: «В некоторых югославских исторических изданиях, начиная с 50-х годов, содержались лишённые каких-либо доказательств утверждения, согласно которым прямая советская помощь народноосвободительному движению в 1941-1943 годах сдерживалась не техническими, а политическими причинами.... Всецело строящаяся на предположениях и домыслах, данная версия получила широкое распространение в западной литературе, в том числе в вышедших на протяжении последних лет работах Ф. Оти, У. Робертса, С. Клиссолда». (Гибианский Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. — М.: «Наука», 1987. — С. 64).

Вопрос о возможном оказании помощи Югославии со стороны Советского Союза обсуждался по каналам Коминтерна. Радиограммы руководителя НОД Югославии в адрес секретариата ИККИ были опубликованы в Белграде в 1979 году в седьмом томе собрания сочинений И.Б. Тито. (Broz Tito J. Sabrana djela. — Beograd, 1979. — t. 7. S. 52-53). Отечественные же исто-

рики получили возможность познакомиться с этим радиообменом лишь после выхода в свет сборников документов «Народно-освободительная война и революция в Югославии» (1982 г.) и «Отношения России (СССР) с Югославией» (1998 г.). Знакомство с этих документами показывает, что на материальную помощь со стороны СССР руководство НОД Югославии рассчитывало уже с первых месяцев народно-освободительной войны. Проанализируем этот радиообмен.

Первое обращение по вопросу оказания военно-технической помощи НОД Югославии прошло в радиограмме ЦК КПЮ ещё в конце июня 1941 года. Информируя Г.М. Димитрова и советское руководство о том, что ЦК КПЮ выпустил по случаю нападения на СССР фашистской Германии воззвание, И.Б. Тито запрашивал: «Оружия маловато. Нет ли возможности получить его в скором времени?». (Отношения России... — С. 43).

23 июля в Москву была отправлена новая радиограмма: «Просим ответить: сможете ли послать из СССР в Сербию самолётами оружие, амуницию (имеются ввиду боеприпасы. — А.С.) и несколько военных специалистов. В случае согласия мы сообщим место и обеспечим посадку. Вальтер». (Там же. — С. 53). Через три недели просьба была повторена: «Прошу сообщить нам, можете ли выслать оружие самолётами. Оно нам жизненно необходимо. Сообщите срочно». (Там же. — С. 61).

6 сентября И.Б. Тито отправил Г.М. Димитрову ещё одну радиограмму: «В Сербии партизанская борьба всё более принимает форму вооружённого восстания. Немцы держат только большие города. Партизаны сменяют муниципалитеты и создают народные комитеты как власть. Основная помеха в народном восстании—оружие. Захват оружия у немцев и жандармов — медленное дело. Просьба ответить, можем ли от вас получить оружие. Сообщим где и когда сбросить». (Отношения России... — С. 63).

28 сентября И.Б. Тито обращается уже к секретарю ИККИ Д.З. Мануильскому: «Недостаток оружия и боеприпасов является препятствием для вовлечения в борьбу всего населения. В наших руках находится несколько аэродромов, где могли бы приземляться самолёты с оружием. Просим прислать автоматическое оружие и боеприпасы. Место приземления сообщим по получении положительного ответа». (Там же. — С. 65).

Через десять дней радиограмма ушла уже на имя Г.М. Димитрова и Д.Э. Мануильского: «Недостаток оружия и амуниции мешает втянуть всё население в борьбу. В наших руках несколько аэродромов. Просим автома-

тическое оружие и амуниции. Место посадки сообщим». (*Там же. — С. 67, 68*).

В первой половине октября в своём обращении в ИККИ И.Б. Тито свою просьбу о помощи сопровождает информацией о количестве аэродромов, их местонахождении, сообщает условные сигналы для посадки самолётов и наличии бензина, а также конкретизирует виды запрашиваемых военных материалов. В этом же обращении дается политическая оценка предполагаемой военной помощи: «Мы располагаем тремя хорошими аэродромами на освобождённой территории. Самолёты могут приземляться без опасений. У нас есть около 3 000 000 литров бензина... Посылайте тяжёлые зенитные пулемёты, автоматическое оружие, винтовки и боеприпасы к нам, несколько самолётов, ряд военных специалистов и хороших радистов. Ваша помощь будет иметь огромное политическое значение в будущем». (Там же. — С. 70).

27 октября содержание этой радиограммы было повторено. 2 декабря сообщение Г.М. Димитрову об отношении национально-освободительного движения к Д. Михайловичу И.Б. Тито заканчивает словами: «Нам нужна срочно ваша помощь». (Отношения России... — С. 84).

В радиограмме от 29 декабря, информируя ИККИ о положении дел в Югославии, о попытках сербской реакции внести раскол среди боснийских партизан, И.Б. Тито заключает: «Ваша помощь положила бы этому конец, поскольку она имела бы огромное моральное значение для нашей дальнейшей освободительной борьбы». (Там же. — С. 86).

В этот же день в Москву была отправлена ещё одна радиограмма: «Поскольку мы в Сербии потеряли все аэродромы, в настоящее время в нашем распоряжении только один, в Боснии, в Соколаце. Он годится и для посадок тяжёлых бомбардировщиков. Аэродром охраняется одним батальоном Пролетарской бригады... Ожидаем прибытия самолётов днём и ночью. Пришлите автоматическое оружие, боеприпасы, миномёты, горные орудия и др. Направьте несколько ваших военных специалистов». (Там же. — С. 87).

Анализ приведённых документов, отражающих через Коминтерн просьбы руководства НОД Югославии об оказании материальной помощи в 1941 году, показывает: таких обращений было десять; все они отражали главную просьбу — помочь оружием и боеприпасами; просьбы о направлении военных специалистов выражались дважды; запросов на доставку про-

довольствия, снаряжения и обмундирования не было; ответов со стороны Исполкома Коминтерна не последовало.

Кроме этого, анализ приводит к двум вопросам. Первый. Почему на все десять обращений со стороны И.Б. Тито Г.М. Димитров не дал ответа? Может быть, ответы были, а составители сборника их не обнаружили? Это размышление не беспочвенно. Югославский историк Д. Пленча в своей книге пишет, что в радиограмме Коминтерна Верховному штабу НОАЮ от 3 февраля 1942 года было сказано: «Существует возможность в ближайшее время направить вам людей и материалы». (Пленча Д. Национальноосвободительное движение в Югославии и союзники. — Белград: «Интерпресс», 1961. — С. 11). Факт весьма интересный. Возможно, советская сторона такой полёт и готовила, однако в документах АДД и ГВФ он не отражён.

И второй вопрос. Имел ли Советский Союз в 1941 году возможность оказать военно-техническую помощь борющейся против оккупантов Югославии? О доставке оружия и боеприпасов по воздуху в то время не могло быть и речи, она была совершенно нереальна. Во-первых, Советский Союз в осенне-летний период 1941 года, теряя территории в западной части страны, сам испытывал огромные материальные трудности. Во-вторых, АДД и ГВФ располагали весьма ограниченными возможностями. Используемые в трудные месяцы начального периода войны в интересах наземных войск днём, они понесли большие потери. Каждый боевой самолёт был на вес золота. И это не преувеличение. Но главное другое — расстояние между Югославией и советскими аэродромами северо-восточной части Подмосковья и Ярославского аэроузла, на которых тогда базировались части и соединения АДД и ГВФ. «Достать» точки сброса грузов на территории Югославии тогдашним основным типам самолётов Ил-4 и ПС-84, тем более без посадки для дозаправки на обратный путь, было не под силу.

А сообщение об отсутствии в Югославии бензина пришло в очередной радиограмме уже 8 января 1942 года: «В наших руках только аэродром Соколац... Отличительные знаки по-старому. Ждём днём. Бензина нет. Аэродром охраняет батальон Пролетарской бригады. Посылайте сильную рацию». (Отношения России... — С. 91).

Этой радиограммой И.Б. Тито открыл серию новых обращений о помощи. 17 февраля он запросил: «Нам срочно нужны медикаменты, особенно против тифа. Во время наступления 160 бойцов Пролетарской бригады тяжело отморозили ноги... Посылайте нам также амуницию, автома-

тическое оружие, обувь и материю для одежды бойцам. Всё это посылайте самолётами, которые должны сбросить парашютами на Жабляк у Дурмитора. Здесь снова выпал большой снег, а аэродромы не приспособлены для спуска. Спуск может быть произведён только в случае, если самолёты имеют лыжи. Верховный штаб находится в Фочи на освобождённой территории Боснии. Ваши посылки имели бы огромное моральное и политическое значение». (Отношения России... — С. 94).

Тяжёлые самолёты лыж не имели, ими снабжались только лёгкие аппараты, для которых не то что Югославия, а Западная Украина была в то время практически недосягаема.

В радиограммах от 17, 22 и 24 февраля прошли дополнительные уточнения о доставке оружия и людей, заказано «несколько десятков парашютистов» и значительно расширен ассортимент запрашиваемых военных грузов: взрывчатые вещества для подрыва железных дорог и мостов, сигнальные ракеты с пистолетами, бинокли, коробки для дымовых завес. (Том же. — С. 95, 96, 98).

Через неделю с небольшим, 4 марта И.Б. Тито, информируя Коминтерн о тяжёлых боях на Неретве, спрашивал: «Можно ли надеяться на какую-либо помощь от союзников? Пожалуйста, ответьте, так как неизвестно как долго мы можем выдержать такое напряжение. Наши жертвы огромные, а раненые нам страшно мешают при операциях». (Народно-освободительная война и революция в Югославии. Сборник документов. — Белград: 1982. — С. 462).

7 марта Исполком Коминтерна, впервые после первого обращения И.Б. Тито, дал ответ. В радиограмме, которую полностью дешифровать не удалось, Г.М. Димитров сообщил: «Хотя мы рассматриваем все возможности и делаем усилия... можете считать в самом скором будущем на серьёзную материальную помощь». (Там же). 23 марта Г.М. Димитров несколько скорректировал своё оптимистическое обещание: «Прилагаются все усилия помочь вооружением. Технические трудности, однако, огромные. На их преодоление в ближайшее время, к сожалению, нельзя рассчитывать. Просьба иметь это в виду и стараться всяческими способами пока добывать оружие у врага и рационально использовать наличное у вас оружие». (Отношения России...—С. 103).

Несмотря на не слишком утешительный ответ, 29 марта 1942 года И.Б. Тито направил письмо члену ЦК КПЮ М. Пьяде, в котором, в частности,

отреагировал на эту радиограмму следующим образом: «Пришло сообщение от Деда (псевдоним Г.М. Димитрова. —А.С.), что «сделают всё, что в их силах, чтобы выслать нам требуемую помощь». Значит, помощь обязательно придёт... Пайо слышал, что ты себе шею свернул, глядя в небо. Сейчас и он признает, что это будет не напрасно». (Там же. — С. 103).

8 связи с тем, что помощи всё не было, И.Б. Тито ещё дважды в 1942 году обращался в ИККИ. В радиограмме от 23 мая он сообщал: «Мне со всех сторон ставят вопрос бойцы и народ: «Почему нам Советский Союз не шлёт помощи, хотя бы прислал немного автоматического оружия»... Вопрос помощи нам очень серьёзен. От имени Верховного штаба просим передать Верховному командованию Красной Армии нашу просьбу помочь нам. Враг прилагает последние усилия, чтобы уничтожить нас. Жизни сотни тысяч в опасности...». (Там же. — С. 121).

А 26 августа И.Б.Тито обращается через ИККИ прямо в ГШ КА: «Верховный штаб НОА и ДА Югославии обращается с просьбой к Генштабу РККА о помощи нам в военном снаряжении и особенно в оружии. У нас огромные возможности по увеличению партизанской и добровольческой армии. Тысячи патриотов, несмотря на их просьбу, мы не можем принять в ряды нашей освободительной армии потому, что у нас нет оружия». (Там же. — С. 137).

Анализ документов, отражающих просьбы руководства НОД Югославии через Коминтерн к Советскому Союзу об оказании материальнотехнической помощи в 1942 году показывает: таких обращений было восемь; превалирующими, по-прежнему, являлись просьбы помочь оружием и боеприпасами; впервые была выражена просьба о доставке медикаментов и продовольствия; впервые И.Б. Тито вышел с обращением в ГШ КА; получено два ответа от ИККИ.

Таким образом, сражаясь фактически один на один с отлаженной военной машиной Германии, Югославия продолжала и в 1942 году вести борьбу без какой-либо материальной помощи извне. Не мог её оказать, ведя тяжёлые оборонительные бои против превосходящих сил врага и Советский Союз. Она, эта помощь, как и прежде, осуществлялась на широких фронтах Великой Отечественной войны, в гигантских битвах, которые разворачивались на территории СССР, требовали от фашистской Германии всё больших и больших людских и материальных ресурсов и средств.

А положение в Югославии по-прежнему оставалось тяжёлым. Невероятные лишения испытывали бойцы, весь народ от хронического недостатка продовольствия. Население выбивалось из сил, оно уже не могло больше оказывать существенной помощи армии и партизанским отрядам, ибо само голодало.

В радиограмме И.Б. Тито Исполнительному Комитету Коминтерна от 31 января 1943 года изложена уже не просьба, а выражен крик о помощи: «Я должен снова вас спросить — неужели никак невозможно предоставить нам какую-либо помощь? Сотням тысяч беженцев угрожает голодная смерть. Неужели после 20-месячной героической партизанской борьбы нельзя найти пути, чтобы помочь нам. 20 месяцев мы боремся без малейшей материальной помощи с какой бы то ни было стороны. Я вас уверяю, что наш прекрасный героический народ Боснии, Лики, Кордуна, Далмации полностью заслужил максимальную помощь. У нас начался сыпной тиф, но у нас нет лекарств, у нас народ умирает от голода, но не ропщет. Этот голодный народ даёт нашим бойцам последний кусок хлеба, а сам умирает с голоду, даёт последнюю рубашку, чулки, обувь, а сам ходит босиком. Сделайте всё, что можете, для помощи нам». (Отношения России... — С. 171).

Однако и в это время не было возможностей для оказания помощи югославскому народу в его трудной, поистине героической борьбе. Об этом красноречиво говорит ответ Исполкома Коминтерна от 11 февраля: «Вы не должны ни на минуту сомневаться, что если была бы и малейшая возможность оказать материальную помощь вашей прекрасной, героической борьбе, мы это давно бы сделали... Многократно мы обсуждали лично с Иосифом Виссарионовичем пути и средства оказания Вам помощи. К сожалению, до сих пор разрешить эту задачу положительно не удалось из-за непреодолимых технических и транспортных трудностей. Мы не прекратили и теперь наших усилий для отыскания реальных возможностей посылки помощи. Как только эти возможности будут добыты, сделаем всё необходимое. Неужели Вы можете сомневаться в этом?» (Тям же. — С. 172).

Югославия продолжала вести борьбу с превосходящими силами врага без всякой помощи с чьей-либо стороны. Недостаток оружия, боеприпасов, продовольствия и медикаментов отрицательно сказывался на результатах борьбы с врагами.

Новая просьба была изложена И.Б.Тито в телеграмме от 12 июня на имя Г.М. Димитрова: «Мы ещё в тяжёлом положении… наши части день в

борьбе, а ночью на марше, мало спят и плохо питаются. Например, сейчас едят конину без хлеба. Наше положение тяжёлое. Враг делает максимальное напряжение, чтобы нас уничтожить, но это им не удастся. Просим вашей поддержки в этом самом тяжёлом испытании». (Там же. — С. 188, 189).

Ещё один раз в 1943 году И.Б. Тито обращался через Г.М. Димитрова за помощью. 13 октября, после перечисления конкретных нужд по оснащению армии и партизанских отрядов, он информировал: «...армия сейчас сильно выросла, а англичане шлют смешное количество и тогда, когда бросают шпионов. Всё, что они до сих пор прислали, недостаточно, чтобы одеть и вооружить два батальона». (Отношения России... — С. 194). Это была последняя просьба руководителя новой Югославии об оказании материальной помощи НОАЮ, прошедшая через аппарат Г.М. Димитрова.

Что касается оценки английской помощи, данной И.Б. Тито, то её через полгода подтвердил М. Джилас. На приёме у В.М. Молотова 24 апреля 1944 года он сказал: «Эта помощь недостаточна. Подсчитано, что вооружения, переданного англичанами народно-освободительной армии, было бы достаточно только для того, чтобы вооружить один батальон». (Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953 гг. — Т. 1. 1944-1948 гг. — Москва-Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1977. — С. 32).

Таким образом, проанализированный радиообмен между руководством НОД Югославии с секретариатом ИККИ, а после роспуска Коминтерна с Г.М. Димитровым, показывает, что с конца июня 1941 года (первая просьба о помощи) до 13 октября 1943 года (последняя просьба) состоялось 23 сеанса связи по вопросам оказания НОАЮ материально-технической помощи, из них 20 запросов и три ответа. Они свидетельствуют о том, что на протяжении всего этого периода (28 месяцев) ИККИ и советское руководство неоднократно обсуждали пути и средства оказания военной помощи народам Югославии.

Кроме этого, тщательный анализ документов, опубликованных в анализируемых сборниках, а также найденных исследователем в архивах Российской Федерации и не вошедших в сборник «Отношения России...», даёт право резюмировать — в них нет и намёка на то, что советская военно-техническая помощь Югославии сдерживалась политическими причинами. Она только одна и чисто техническая — удалённость советскогерманского фронта от оккупированной Югославии на тысячи километров.

Иными словами объект помощи был за пределами радиуса действия самых дальних на тот период советских самолётов. И действительно это так.

Во время упомянутой встречи 24 апреля 1944 года В.М. Молотов заметил: «Технически до сего времени эта поддержка была плохо организована. Долгое время мы не могли оказать значительную помощь, но теперь положение на наших фронтах улучшилось, и мы сможем эту помощь увеличить». (Восточная Европа в документах российских архивов. — Т. 1. С. 31).

На вооружении авиации дальнего действия, например, в 1943 году стояло пять типов бомбардировщиков. Из них только Ли-2 был приспособлен для выполнения транспортных задач. Все остальные (ТБ-3, Пе-8, Ил-4 и Б-25) имели свои особенности, которые или ограничивали, или вообще исключали их использование в этих целях.

ТБ-3 был тихоходным и уязвимым, к тому же к лету 1943 года в АДД осталось всего 25 самолётов этого типа. Пе-8 в то время являлся самым мощным отечественным бомбардировщиком, и по своим тактикотехническим данным вполне был пригоден для выполнения специальных заданий, но их было настолько мало (летом 1943 года в 45-й авиадивизии имелось 18 машин, из них только 11 исправных), что проблему оказания масштабной помощи НОАЮ этим количеством самолётов решить было сложно. Ил-4 — это типичный бомбардировщик, для транспортных работ приспособлен мало, а наличие в экипаже одного лётчика ограничивали его возможности при полётах на слишком большое расстояние. Американский бомбардировщик Б-25 по своим тактико-техническим данным и аэронавигационному оборудованию по тем временам являлся одним из лучших. Он поступал в Советский Союз из США по ленд-лизу, летом 1943 года этим самолётом был вооружён 4-й авиакорпус. Однако Б-25, в сравнении с отечественными бомбардировщиками, имел самую маленькую дальность полёта.

Расстояние от мест базирования соединений АДД до основных точек сброса грузов на территории Югославии составляло на рассматриваемый период около двух тысяч километров. На основе анализа дальности их полета и мест базирования авиационных соединений можно сделать однозначный вывод: в рассматриваемое время все типы бомбардировщиков АДД достичь территории Югославии могли, но вопрос их возвращения на базовый аэродром был под большим сомнением.

Командующий АДД А.Е. Голованов отмечал: «Не один раз обсуждался вопрос о положении партизан в Югославии. Причём всегда это было связано с какими-либо событиями... И всякий раз, как только по тому или иному поводу заходила речь о Югославии, вставал вопрос — какую помощь мы можем оказать партизанам? Огромное расстояние, разделявшее нас, не позволяло помочь оружием, снаряжением, боеприпасами. Наконец, в ноябре 1943 года, наши войска освободили Киев, что дало нам практическую возможность начать подготовку к регулярным полётам в Югославию. От Киева до Югославии было более 1300 километров по прямой, а это означало, что самолётам предстояло преодолеть в оба конца расстояние в 2600 километров, не считая времени пребывания в воздухе, необходимого для отыскания района выброски грузов и всяких возможных отклонений по маршруту. Получалось, что нужно вести расчёт, как минимум, на преодоление расстояния три тысячи километров. Это, по тому времени, было пределом практической дальности самолётов». (Голованов А.Е. Записки командующего АДД. — M: Воениздат, 1997. — C. 269, 270). Свидетельство командующего АДД говорит о том, что даже из-под Киева полёты в Югославию были сопряжены с большими трудностями.

Тем не менее, именно к этому времени командование АДД подготовило и осуществило полёт первого советского самолёта в Югославию. Нельзя сказать, что это был специально спланированный пристрелочный полёт с целью подготовки к более массированным рейдам в Югославию. Просто к этому времени в нём возникла настоятельная потребность — Г.М. Димитрову необходимо было перебросить на освобождённую территорию Югославии своих людей.

Штаб АДД получил задание на полёт в Югославию от ГРУ ещё в конце августа. А.Е.Голованов поставил задачу командиру 4-го авиакорпуса. Выполнение бесспорно трудного полёта доверили самым опытным авиаторам, имевшим большой боевой опыт и хорошую теоретическую подготовку в лётном и штурманском деле. Командиром корабля назначили инспектора-лётчика авиакорпуса подполковника Б.И. Жилина, штурманом — заместителя главного штурмана авиакорпуса майора В.В. Погожева, правым лётчиком — младшего лейтенанта Г.И. Шлеева, стрелком-радистом — старшину Ф.П. Козлова, стрелком — старшего сержанта А.П. Булуй.

При выборе маршрута и профиля полёта экипаж учёл наличие гор Карпатского хребта, Трансильванских и Динарских Альп, доходящих местами до 2100 метров высоты, точку сброса, находящуюся среди гор с большими вершинами, а также расположение аэродромных узлов и пунктов ПВО на территории СССР, в Румынии и Югославии.

Ввиду большой протяжённости маршрута от подмосковного Кратово (место дислокации соединения) до точки сброса было решено вылет произвести с аэродрома подсока Курск. Общая длина маршрута получилась в 3300 километров. С учётом возможной экономии горючего в полёте, разрешалось после выполнения задания посадку произвести на аэродроме Кратово. В этом случае протяжённость маршрута доходила до 3750 километров.

Полёт бомбардировщика Б-25 протекал строго по намеченному маршруту и плану. В середине ночи группа в шесть человек удачно десантировалась в районе Бугойно. 20 сентября начальник 1 -го управления ГРУ уведомил командование авиакорпуса о том, что задание экипажем выполнено отлично. Эту информацию и подробное донесение о выполнении ответственного боевого задания временно исполняющий должность командира 4-го авиакорпуса генерал С.П. Ковалёв донёс начальнику штаба АДД генерал-майору авиации М.И.Шевелёву.

Первый полёт советского экипажа в Югославию показал, что самолёт Б-25 вполне пригоден для выполнения ответственных специальных заданий. Экипаж Б.И. Жилина — первый советский экипаж, который появился над территорией борющейся Югославии в годы Великой Отечественной войны.

Следует отметить такую деталь. Через два с лишним месяца после этого полёта в Тегеране состоялась встреча руководителей трёх союзных держав, которые, как известно и как уже упоминалось, пришли к соглашению по вопросу оказания Югославии материально-технической помощи. Давая это согласие, советское руководство уже знало, что дальней авиации эта задача под силу. А.Е. Голованов отмечал: «После Тегеранской конференции И.В. Сталин дал указание ускорить организацию планомерных полётов в Югославию. Непосредственную оперативную связь по вопросам помощи югославским партизанам было поручено держать Мануильскому». (Голованов А.Е. Записки командующего АДД. — С. 270).

Тщательный анализ документов, опубликованных в сборнике «Отношения России...» и впервые введённых в научный оборот автором статьи, характеризующих движение наших стран к солидарности, становление и

развитие боевого сотрудничества, показывает, что этот процесс протекал в сложной военно-политической обстановке; руководство национально-освободительным движением Югославии рассматривало солидарность с Советским Союзом как своё кровное дело, как гарантию обеспечения независимости страны; в трудных условиях начального, первого и второго периодов Великой Отечественной войны Советский Союз не имел технических возможностей оказать непосредственную военно-техническую и кадровую помощь борющейся Югославии; никакие политические соображения её не сдерживали; необходимые условия для её оказания созрели лишь к концу 1943 года.

Содержание

Эхо Победы в наших сердцах	
(материал для докладов на торжественных	
собраниях, посвященных Дню Победы)	ϵ
Операция «Ход конём»	13
или как был спасён маршал И.Б.Тито	13
К вопросу о первом салюте	34
Майор Вихрь: правда и вымысел	41
«Золотой» рейс	50
Трагедия в районе Ниша	60
История не любит отмычек	65
«Вождь краснокожих»	97
Судьба двух генералов в кривом зеркале	
фальсификаторов Великой Отечественной войны	106
Патриот	111
Охота на «Ворона»	139
Иуда	161
Умрём, но напакостим	189
Обстрел	204
Уважаемый Роберт Искандерович!	213
0 сталинских пряниках	218
Проблемы и трудности в деле становления военного	
сотрудничества между СССР и Югославией	
в годы Второй мировой войны	227